

6

Русская речь

1972

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука» · Москва

№ 6 1972 ноябрь—декабрь

К 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Русский язык — язык межнационального общения. 3

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

Ответы на анкету «Русской речи» 7
Расул Рза (Азербайджанская ССР). 8
Геворг Эмин (Армянская ССР). 9
Хамид Гулям (Узбекская ССР). 11
Кубанычбек Маликов (Киргизская ССР) 13
Миршакар (Таджикская ССР). 16
Миклай Казаков (Марийская АССР). 17
Адам Шогендуков (Кабардино-Балкарская АССР) 19
Геннадий Юшков (Коми АССР) 21

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И. Е. Гальченко. «Русский язык... переимчивый и общежительный» 23
В. Н. Стефанович. «Достойным похвала — ничтожеству обиды» 28
Н. М. Несообразности в фантастике. 35
Т. Г. Паникаровская. Так тосковали руки 42

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Н. Г. Михайловская. Устаревшие слова. 49
Г. А. Брусенская. «А народ-то над ним насмеялся» 55
К. С. Горбачевич. Экспрессивное согласование 58
В. С. Филиппов. Где-то, в районе 61
Н. А. Кондрашов. «Культура слова». 64

ТЕРМИНОЛОГИЯ	
Марта Мартонова. «Составной термин». . . .	69
ШКОЛА	
Д. Д. Проценко. Школьнику о фразеологизмах . . .	71
Е. А. Иванникова. «Рассказы о синонимах»	81
УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА	
А. В. Текучев. Все ли проблемы разрешены? . . .	84
ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	
И. Н. Бажина. О взаимовлиянии языков	92
З. М. Петрова. Опальный домик	98
ВЫДАЮЩИЕСЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ	
С. В. Смирнов. Исмаил Иванович Срезневский . . .	101
КОНСУЛЬТАЦИИ	
Словарь произношения и ударения	109
Старинные меры длины	111
У нас в гостях журнал «Русский язык за рубежом» . . .	115
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	41, 83, 91, 120
Тематический указатель статей, опубликованных в журнале за 1972 год	125

*На обложке гравюра
В. В. Толстоногова*

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

РУССКИЙ ЯЗЫК — ЯЗЫК МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Наша страна — великое многонациональное государство. В образовании и укреплении Союза Советских Социалистических Республик воплотилось торжество ленинской интернациональной политики, основанной на принципах пролетарского интернационализма и дружбы народов.

В нашей стране около 130 языков, из которых более 70 имеют свою письменность и существуют в качестве литературных. Советское государство обеспечивает свободное развитие всех народов СССР. Национальные языки у нас развиваются в условиях полного равноправия и свободного употребления — без каких бы то ни было ограничений или привилегий их использования. «В атмосфере братской дружбы и взаимного доверия народов СССР национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения», — подчеркивается в Программе КПСС.

Вместе с тем исторически сложилась так, что языком межнационального общения и сотрудничества нашего многонационального государства стал русский язык. Еще в предреволюционную эпоху в известной статье 1913 года «Либералы и демократы в вопросе о языках» Владимир Ильич Ленин, говоря о том, что нет необходимости навязывать народам один из языков, отмечал, что на Кавказе, например, представители нерусских народностей сами стараются научить своих детей говорить по-русски. «А потребности экономического оборота, — писал в этой статье В. И. Ленин, — сами собой *определят* тот язык данной страны, знать который

большинству *выгодно* в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, чем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 23, стр. 424—425).

Русский язык был средством общения народов России и в дореволюционное время. Деятели народного просвещения, передовые представители русского народа из среды революционеров-демократов хорошо понимали чувство национального достоинства малых народов, оказывали им неоценимую помощь в развитии грамотности и культуры. Прогрессивные деятели национальных окраин видели в России и в русском народе надежную гарантию своей защиты от иноземного порабощения. Они положительно оценивали присоединение к России, понимая при этом реакционную сущность колониальной политики царизма.

В русской культуре и в русском языке передовые ученые и писатели, общественные деятели различных национальностей видели могучий источник духовного развития своих народов. О необходимости изучать русский язык горячо и убежденно говорили и писали Абай Кунанбаев, М. Ф. Ахундов, Габдулла Тукай, Айни, Фуркат, И. Франко, И. Чавчавадзе, Чекан Велиханов и многие, многие другие.

Настоящий экономический и культурный прогресс, подлинная дружба народов, основанная на братских взаимоотношениях, стали возможными только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Русский язык стал в нашей стране языком межнационального общения. И в этом знаменательном факте проявилось признание всеми народностями и национальностями ведущей роли самого русского народа и русского революционного пролетариата в борьбе за Советскую власть, за построение нового социалистического общества.

Русский язык оказался мощным объединяющим фактором в процессе экономического, политического и культурного развития народов СССР. Его объединяющая роль была обусловлена общесоюзным характером нашей социалистической экономики и жизненными потребностями социально-политического и культурного прогресса всех наций и народностей, населяющих нашу страну.

В дореволюционное время 99 процентов жителей Средней Азии, Севера и Востока России были неграмотны и политически бесправны. Октябрь 1917 года и порожденная им культурная революция преобразили лицо национальных окраин и районов страны. За годы Советской власти были подготовлены национальные научные, культурные и хозяйственные кадры, появилась широкая сеть школ, специальных средних и высших учебных заведений. Национальные языки получили и развили новые социальные функции.

На родных национальных языках ведется обучение в школе, издаются книги, газеты и журналы, идут передачи по радио и телевидению. В этих условиях укрепляется роль русского языка как мостового средства общения и интернационального воспитания, источника распространения передовых идей, богатств русской и мировой культуры. Сбылись пророческие слова Владимира Ильича Ленина о том, что русский язык обогатит литературу других народов и «даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 24, стр. 294).

В послеоктябрьскую эпоху в социально-политической жизни нашего государства произошли коренные изменения. Утвердилось и окрепло идейно-политическое единство нашего общества. За годы социалистического строительства, отмечается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, возникла новая историческая общность людей — советский народ. Принципы ленинской национальной политики — политики равенства и дружбы народов — нашли свое отражение и воплощение и в языковом строительстве.

«Важным результатом успешного решения национального вопроса в нашей стране,— говорится в постановлении ЦК КПСС „О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик“,— является всестороннее развитие языков всех социалистических наций и народностей Советского Союза. Более 40 народов, не имевших в прошлом своей письменности, обрели в советский период научно разработанную письменность и имеют теперь развитые литературные языки. Все нации и народности СССР добровольно избрали русский язык в качестве общего языка межнационального общения и сотрудничества. Он стал могучим орудием взаимосвязи и сплочения советских народов, средством приобщения к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры».

Русский язык — важнейшее средство повседневной и эффективной связи между республиками СССР. Вместе с тем — это и общий рабочий язык хозяйственно-политических, научных конференций и совещаний межреспубликанского или всесоюзного характера; слётов и симпозиумов; фестивалей, месячников и декад литературы и искусства.

Национальные языки развивают свои новые общественные функции в тесном взаимодействии с русским языком. Октябрьская революция всколыхнула жизнь малых народностей, дала толчок развитию их языков и литератур. Поэт Юван Шесталов, например, вспоминая студенческие годы в Институте народов Севера и начало литературной деятельности, говорит о роли русской художественной литературы в становлении и развитии литературного

языка манси: «Странно, но так. Только в Ленинграде, далеко от родных мест, я научился понимать и чувствовать красоту и возможности языка моего маленького народа. Вероятно, этого не произошло бы, если бы не было животворного воздействия русского языка» («Огонек», 1972, № 23).

Став средством межнационального общения, русский язык активно взаимодействует с другими языками народов СССР. Он оказывает заметное влияние на их развитие — прежде всего в области лексики, научной и специальной терминологии, в области фонетического, морфологического и синтаксического строя. Вместе с тем русский язык, взаимодействуя с другими национальными языками, получает и сам немало новых элементов в лексике и фразеологии, обогащает свои стилистические возможности и средства.

Существуют и параллельные языковые процессы в области словообразования, синтаксиса и фразеологии, протекающие на базе сложившейся в советское время общности идеологической, социально-экономической и культурной жизни всех народов СССР.

Русский язык получает все большее распространение на территории нашей страны. По данным переписи 1970 года, из общей численности населения в 242 миллиона человек русские составляют 129 миллионов. В то же время в качестве родного языка русский язык назвали 141,8 миллиона человек, то есть около 13 миллионов представителей других национальностей. Если учесть при этом, что 42 миллиона человек назвали русский вторым родным языком, то можно полагать, что всего в СССР насчитывается около 184 миллионов человек, свободно владеющих русским языком (около 76 процентов общей численности населения).

Тот факт, что большинство советских людей свободно владеет русским языком, ни в коей мере не означает, что культурные ценности народов теряют национальную самобытность. Советское государство уделяет огромное внимание развитию национальных культур различных народов, развитию языков и обычаев, нравов и национальных традиций.

Постоянно укрепляющееся двуязычие и многоязычие является важным фактором ускоренного развития национальных культур, взаимообогащения национальных языков на новом этапе жизни советского народа и советского общества как новой исторической общности людей. Советская социалистическая культура развивается в этих условиях как органический сплав, синтез всего лучшего, что создано народами СССР.

В Советском Союзе, отмечающем славное 50-летие, непрерывно и свободно развиваются языки всех народов, и на этот процесс благотворное, активное влияние постоянно оказывает великий русский язык.

В канун знаменательной даты — 50-летия образования СССР — журнал «Русская речь» обратился к писателям и поэтам, представителям национальных литератур, с просьбой ответить на следующие вопросы:

1. Какое значение для Вашего творчества имеют языковые традиции русской классической литературы?

2. Какова, по Вашему мнению, роль русского языка в становлении и укреплении межнациональных культурных связей, в деле обогащения и развития языков и литератур народов СССР?

3. Какова, по Вашему мнению, роль русского языка в освоении народами нашей страны мировой классической литературы, а также прогрессивной современной литературы?

4. Какие произведения современной советской литературы Вы считаете образцовыми в языковом отношении и почему?

5. В языковых и литературных межнациональных контактах большую роль играют переводы. Каковы, по Вашему мнению, достижения и проблемы современного переводческого дела?

Писатели охотно откликнулись на просьбу журнала (их ответы будут печататься в нескольких номерах «Русской речи»). Оценивая роль русского языка в развитии и укреплении социалистической культуры, писатели говорят и о насущных задачах своих национальных литератур.

Полученные редакцией ответы отличаются разнообразием, оригинальностью суждений и наблюдений, личным взглядом на состояние литературных дел. Но в этих ответах есть и общее: прежде всего их объединяет стремление всесторонне оценить роль русского языка, определить его удельный вес в общем литературном процессе.

Расул Рза,
народный поэт Азербайджана

А. С. Пушкин — отец современного литературного русского языка. Его язык нашел дальнейшее развитие, усовершенствование, семантическое обогащение и углубление в произведениях классиков русской литературы. Богатый, красочный язык русского народа, обогащаясь в ходе исторического развития общества, совершенствуясь в процессе взаимовлияния с языками других народов, стал одним из великих языков мира. Одной, на мой взгляд, из замечательных особенностей русского языка является его феноменальная способность — заимствованные из других языков слова делать «русскими», так подчинять своим законам, что они воспринимаются как естественные элементы, частицы, клетки русского языка. Русский язык чрезвычайно богат возможностями выражения тончайших смысловых нюансов.

Естественно, что знакомство с таким языком открывает широкое поле поисков, обогащение выразительных возможностей для художника, если даже его родной язык принадлежит к другому морфологическому строю.

Русский язык в силу широкой распространенности, давней и богатой связи с другими языками играет важную роль в ознакомлении народов нашей страны с классическими и современными образцами мировой литературы. Со многими произведениями французской, немецкой, испанской, английской и других литератур мой народ ознакомился благодаря русскому языку.

Если говорить о поэзии, то мне, например, нравится язык Маяковского. Он выразителен, богат неологизмами, энергичен, пропитан духом современности. Разумеется, я не такой уж знаток русского языка и мое мнение может носить субъективный характер.

Художественный перевод в Азербайджане имеет довольно большую историю. В разное время на азербайджанский язык переводились произведения русских писателей и писателей других стран. В годы Советской власти переводческое дело получило большой размах и солидное научное основание. Сотни произведений мировой классики и современных зарубежных писателей изданы на азербайджанском языке. В последние годы заметно выросло количество произведений, переведенных непосредственно с оригинала.

В моей творческой биографии переводы занимают большое место. Мною переведены все поэмы и большое количество стихотворений В. Маяковского, поэмы «Полтава», «Граф Нулин» Пушкина, «Демон», «Маскарад» и «Измаил-бей» Лермонтова, «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова, поэмы и стихи Шевченко, стихи Ш. Петефи, Элюара, Бернса, Аполлинера, Гейне, Лорки, японских поэтов и др. Некоторые из этих переводов сделаны с русского, иные с оригинала.

Занимаясь переводом, открываешь много художнических «тайн» автора, оттачиваешь свое мастерство. Одним из больших достижений переводческого дела я считаю все большее количество переводов с языка оригинала. Важной проблемой современного переводческого дела я также считаю проблему перевода поэтических текстов по подстрочнику. Подстрочник в самом лучшем случае дает представление о содержании, будучи мертвым относительно формы, музыки, колорита, мастерства в умении пользоваться словом.

К сожалению, очень мало делается в области изучения отдельных национальных языков, хотя бы языковых групп нашей страны, чтобы переводы с этих языков на русский делать с оригинала, не прибегая к подстрочнику.

Одной из очередных задач в области переводческого дела, видимо, на сегодня является расширение географии языков, с которых и на которые делаются переводы с языка оригинала.

Геворг Эмин,

лауреат Государственной премии
Армянская ССР

1. Языковые традиции русской классической литературы сыграли большую благотворную роль для армянской литературы вообще, для современной армянской литературы особенно, в том числе и для моего творчества. Русская классическая литература всегда и в первую очередь была литературой Совести, литературой страстного поиска Правды, для которой первостепенное значение имело значительность и страстность сказанного. Наверное, именно по этой причине русской классической литературе с самого начала были присущи ясность и четкость языка человека, имеющего что сказать, языка без ненужных изощрений, кокетства, искусственных осложнений и «наведения тумана».

2. Не углубляясь в причины, хочется отметить, что, к стыду писателей нашего времени (армянских и других национальностей), мы, в отличие от наших отцов и дедов, почти не владеем другими языками, в том числе и языками наших братских народов. По этой причине было бы трудно даже представить положение национальных писателей и литератур без связывающего их общего языка — русского языка, который дает возможность любой из них вобрать в себя все лучшее из других литератур, в свою очередь щедро отдавая свое лучшее и ценное. От этого благородного взаимодействия выиграли не только все наши литературы (в том числе и русская), но и языки — каждый из них обогатился за счет многих понятий, слов и языковых оттенков, характерных для того или иного языка.

Очень русское слово *гармонь*, очень армянское *джан*, дагестанское *аул*, азербайджанское *ашуг* и среднеазиатское *сабантуй* ныне «имеют прописку» во многих языках и литературах — это лишь первые случайные и поверхностные примеры, пришедшие в голову.

3. В Советской Армении достаточно много квалифицированных переводчиков. Но сколько бы мы, армяне, много и хорошо ни переводили с оригинала классиков мировой литературы, мы все равно не могли бы иметь такого широкого представления о классической и современной литературе без переводов этих шедевров на русский язык. Сегодня многие читатели национальных республик знакомы с мировой классической и современной литературой, начиная от Шекспира и Данте до Пабло Неруды, по русским переводам. Практика перевода шедевров мировой литературы на национальные языки не с оригинала, а с их русских переводов, не будучи отнюдь идеальной, играет, однако, важную и нужную роль в жизни многих народов, помогая им не только ознакомиться с этими шедеврами, но и обогатиться лучшими традициями мировой классики.

4. Для обстоятельного ответа на этот вопрос понадобилось бы заново прочесть ряд старых и новых книг, и, можно было бы перечислить несколько книг современных русских писателей образцовых в смысле чистоты и красоты русского языка...

И, однако, не в обиду некоторым писателям и особенно журналистам, нужно сказать, что иногда ощущаешь большую тоску по точному, живому, пахнущему землей и историей слову, — если, конечно, мы считаем себя писателями и не используем язык лишь как средство информации, а как сущность, альфу и омегу нашего искусства.

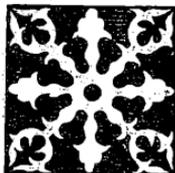
5. Несомненно было бы трудно представить состояние наших литератур без переводов на русский язык лучших произведений

национальных писателей, которые делают их достоянием других народов и литератур. В практике этого благороднейшего дела, дела переводов, к сожалению, есть еще проблемы и недостатки. Иногда переводами занимаются люди случайные. Нередко переводятся на русский язык произведения, далеко не лучшие в той или иной национальной литературе. Поэтому порою и появляются интересные книги и даже писатели... не существующие на родном языке.

Этот, как и другие вопросы анкеты, безусловно достойны более глубоких и серьезных ответов, поэтому я хотел бы просить читателей воспринять мои ответы, как выраженные наспех, экспромтом, мысли и замечания.

Хамид Гулям,

заслуженный деятель искусств
Узбекской ССР

1. С русской классической литературой мое знакомство началось в раннем детстве. Меня воспитывал дед. Это был русофил в полном смысле, каким мог быть в то время человек на далекой окраине России, туркестанец по крови и восточный мудрец. Он владел русским языком, читал «Туркестанские ведомости» до революции, а затем был постоянным подписчиком «Правды», с особым благоговением слушал московское радио. У него было много друзей среди русских старожилов Туркестана.

Когда мне было 16 лет и я напечатал первые свои стихи, мой незабвенный учитель и друг Хамид Алимджан пригласил меня в Союз писателей и рассказал о значении большой работы, которая тогда, в 1935 году, только начиналась. Эта была работа по переводу произведений А. С. Пушкина на узбекский язык накануне столетия со дня гибели гениального поэта. Сначала я перевел «Цветок» и «На холмах Грузии» и прочел Хамиду Алимджану. Видимо переводы ему понравились, он рекомендовал их для включения в сборник и в то же время заинтересовался моим знанием русского языка, ибо, хотя в то время интерес к изучению богатого языка великого народа был колоссальным, владеющих этим языком еще было очень мало.

Накануне войны во всех республиках поэты переводили М. Ю. Лермонтова и готовились широко отметить его столетие. Тогда я перевел «Мцыри», и на конкурсе переводчиков этот перевод был признан лучшим. Он переиздается у нас и по сей день.

Я думаю, что эти два примера в моей творческой практике могут служить ответом на первый вопрос анкеты.

Языковые традиции русской классической литературы сыграли огромную роль для создания и дальнейшего развития всех национальных литератур нашей страны, в том числе узбекской. На традициях языка Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Некрасова, Тургенева и Толстого, Чехова и Горького воспитывались целые поколения наших писателей. Опыт русской классической литературы особенно для создания реалистической прозы, современной драматургии неоценим.

2. Вопрос очень важный. Если на него ответить просто, то можно сказать так: без русского языка было бы очень трудно, даже невозможно непосредственное общение между людьми в такой огромной, многоязычной, многонациональной стране, как Советский Союз. Благодаря знанию русского языка очень быстро и плодотворно сблизилась народы, слились в единую братскую семью. Куда бы ты ни приехал, в Мордовию или Хакассию, в Аджарию или Якутию, достаточно знания одного русского языка — и тебя понимают все, и ты понимаешь всех.

Огромна роль русского языка в становлении и укреплении международных и межнациональных культурных связей.

3. К сожалению, еще не пришло то время, когда люди могут прочесть произведения мировой классической и современной литературы на том языке, на котором они написаны, даже интеллигенция, в том числе сами писатели.

Допустим, кто-то владеет английским, но он не владеет ни арабским, ни испанским; кто-то может прочесть по-немецки, но китайский язык для него полная загадка. Для нас, советских людей, русский язык — верный ключ к сокровищницам мировых культур. Для народов нашей страны в освоении мировой классической и современной прогрессивной литературы роль русского языка неопределима. Благодаря ему, его многогранному богатству нам стали доступны произведения литературы и искусства практически всех народов мира.

4. Вопрос немного щепетильный. Тут немаловажную роль играет и вкус человека. А для писателя важны и его творческий опыт, и его манера письма, то есть его литературный стиль. Лично я поклонник таланта М. Шолохова и Л. Леонова в прозе, А. Твардовского и К. Симонова в поэзии. Когда речь идет о поэтическом языке, тут я не скрываю свою близость к манере письма этих поэтов. Из национальных писателей мне близки Максим Рыльский и Мирзо Турсун-заде, Самед Вургун и Ираклий Абашидзе, Расул Гамзатов и Иван Шамякин, Чингиз Айтматов и Абдильда Тажибаев. Мне кажется, их литературный язык,

впитавший в себя все соки народного языка и обогащенный лучшими традициями языка русской поэзии безусловно является образцом для своей национальной литературы.

5. О значении переводов я мог бы сказать очень много, ибо я сам в течение почти 40 лет перевожу на свой язык поэзию и драматургию западной классики, русской литературы XIX века и современных писателей братских народов. Я глубоко убежден, что наше многонациональное переводческое искусство сейчас достигло высокого уровня. Например, у нас в Узбекистане на наш язык переведены почти все лучшие образцы мировой классики и современных литератур мира. Ныне у нас выполняются переводы непосредственно с оригинала таких языков, как английский, немецкий, арабский, персидский, урду, хинди и т. п.

В связи с успешным развитием афро-азиатского писательского движения все большую и большую роль играют переводы в установлении и дальнейшем укреплении языковых и литературных межнациональных контактов.

Кубанычбек Маликов,
народный поэт Киргизской ССР

1. Три источника духовных богатств питали нас, писателей Советского Востока, и в частности киргизских писателей моего поколения. Первым источником моего духовного обогащения была киргизская устная народная поэзия. Мое поколение киргизских поэтов под народной поэзией подразумевало гениальное устное творение, ставшее энциклопедией жизни и истории киргизов — богатырский эпос «Манас». В «Манасе» представлены все жанры народной поэзии, начиная от лирических песен, пословиц, поговорок и кончая эпическими сказаниями.

По-настоящему киргизская национальная письменность появилась лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции и размежевания среднеазиатских республик. Вскоре возникла и начала оформляться киргизская письменная художественная литература. На первом этапе ее развития народные поэтические сказания (главным образом «Манас» и так называемые «малые эпосы») были для нас образцами, примером художественного воплощения мысли.

Нелишне упомянуть, что наш великий певец — поэт Токтогул Сатылганов был неграмотным, его поэтическое наследие по существу также является образцом киргизской народной поэзии, которое мы, первые киргизские поэты, внимательно изучали.

Вторым источником моего духовного развития были великие поэты Востока. Дабы читателям было все понятно, поясню; что в двадцатые годы мы, киргизские писатели (в своем большинстве), еще не знали русский язык; объяснялось это тем, что тогда в начальных киргизских школах не хватало преподавателей русского языка. По той же причине даже в средних школах русский язык и тем более русская литература изучалась плохо. Поэтому на первых порах нам пришлось знакомиться с лучшими произведениями русской литературы по переводам на татарский, казахский, узбекский языки.

Я, например, лишь в начале 30-х годов далеко не в совершенстве овладел русским языком. Это позволило мне непосредственно обратиться к произведениям русской классической и советской литературы. Стало ясно, что без серьезного изучения русской литературы трудно стать современным писателем.

Русская классическая литература оказала серьезную помощь и в критическом освоении богатства киргизской народной поэзии.

Меня увлекали глубокий реализм произведений русских классиков и их богатый образный язык. Нам, только начавшим изучать русский язык и русскую литературу, пришлось начинать с прозы. Творения Льва Толстого, Тургенева, Гоголя, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Горького, Чехова, Островского оказали огромное влияние на наше творчество, на писательское будущее. Мы понимали, что надо писать понятно и в то же время непримитивно. Мысль должна быть глубокой, а изложение ясным, доходчивым.

Язык Пушкина, Лермонтова, Некрасова, передовых писателей России был и остается для нас, иноязычных писателей, образцом умения владеть родным языком. И как поэт, и как драматург, я постоянно чувствовал и чувствую благотворное влияние творчества гигантов русской литературы и на мое творчество.

В меру своих сил я переводил на киргизский язык поэмы и стихи Пушкина, Некрасова, Лермонтова. Высокий уровень русского литературного языка помогает нам, писателям литературы, по-настоящему возникшей уже после Великого Октября, постоянно повышать требования к себе, к языку своих литературных произведений.

2. Роль русского языка в межнациональных культурных связях исключительно велика. Ведь не секрет, что среди нас, киргизов, еще не так много людей, знающих иностранные языки. Поэтому лучшие произведения мировой литературы мы сперва читаем на русском. Это относится и к произведениям литературы народов СССР.

Киргизский язык во всех отношениях обогащается за счет русского языка. Русский народ, как самый большой и самый передовой народ нашей страны, бескорыстно помогает киргизскому народу. Известно, что раньше у киргизов не было ни крупной промышленности, ни сельскохозяйственной техники. Сейчас все это у нас есть. И естественно, что все технические термины в основном мы взяли из русского языка. И многие термины из обихода культурной жизни заимствованы нами у русских. Без посредства русского языка мы не могли бы укреплять национальные культурные связи.

3. На этот вопрос я уже по существу ответил.

4. Мне нравится язык Михаила Шолохова (Тихий Дон), Константина Федина, Александра Фадеева (Молодая гвардия), Леонида Леонова (Русский лес). По-моему, язык Шолохова — это подлинно современный язык. Каждым словом, оборотом речи писатель рисует образ живого человека. В книгах Шолохова звучат голоса разных людей, неизменно восхищаешься глубоким проникновением писателя в жизнь донского казачества.

Язык «Молодой гвардии» Александра Фадеева — язык современной, образованной, нравственно чистой русской молодежи, поэтому я всегда с любовью читаю «Молодую гвардию».

Язык К. Федина, Л. Леонова, мне кажется, это язык современной русской интеллигенции, жизнь которой глубоко и всесторонне знают эти писатели.

Среди русских поэтов особое место занимают Александр Твардовский и Михаил Исаковский. Язык Твардовского, если можно так выразиться, некрасовский. Чтобы писать вот так просто, так доходчиво, как он, надо знать тончайшие оттенки русской речи.

Хорошее впечатление на меня производит язык поэтов Ярослава Смелякова, Алексея Суркова, Николая Грибачева. Эти поэты покоряют меня глубоким знанием жизни, неиссякаемым оптимизмом.

Из писателей Советского Востока особой манерой письма, богатством языка отличаются произведения выдающихся казахских писателей Мухтара Ауэзова, Сабита Муканова, узбекского писателя Айбёка. Патриарх среднеазиатской советской литературы, знаменитый туркменский прозаик Берды Кербабаяев вызы-

вает у меня восхищение особым знанием языка, чеканностью строк, подлинно энциклопедическими знаниями.

Считаю, что языковое богатство больших национальных писателей может оказать благотворное влияние и на русскую речь.

5. Конечно, в деле усиления интернациональных связей художественный перевод играет, скажу прямо, неоценимую роль. Именно благодаря переводу на русский язык стали достоянием всесоюзного читателя произведения очень многих писателей наших национальных республик. Национальные писатели только через русские переводы во многих случаях вышли на мировую арену. Эти факты еще раз напоминают, что роль русского языка в международном, всемирном общении исключительно велика.

Здесь, на мой взгляд, имеется один недостаток. Не всегда подбираются удачные кандидатуры переводчиков произведений на русский язык (это в основном касается переводов поэтических — с ними я знаком больше). Иногда поэт после перевода на русский язык становится широко известным в стране. Но у себя дома не так-то значительно его творчество.

Почему-то для переводов произведений национальных поэтов привлекаются, как правило, переводчики, которые вращаются вокруг центральных издательств, а не переводчики из национальных республик, знающие язык, быт, историю этих народов, переводимого поэта и не хуже владеющие мастерством перевода.

На мой взгляд, переводческой работой пора руководить серьезно. Это важное национальное дело. И если эту работу возьмут в руки творческие секции союзов писателей, некоторым «ловкачам» не удастся проталкивать свои книги для перевода. В этом случае переводиться будут произведения писателей, действительно заслуживающие внимания всесоюзного читателя.

Миршакар,

народный поэт Таджикской ССР

О необходимости изучения русского языка шли оживленные споры среди таджикской интеллигенции еще в начале XX века, накануне Октябрьской революции. Но теперь русский язык является вторым родным языком таджикского народа. В школах сами таджики преподают русский язык.

У нас в Советском Союзе торжествует ленинская национальная политика и ленинская дружба народов, являющиеся прочной основой интернационализма.

В республике наряду с националисты кадрами, а они у нас растут ежегодно, работают специалисты разных национальностей: русские, украинцы, казахи, грузины. Что было, если б каждый из них не владел русским языком?

На строительстве Нурекской ГЭС, одной из крупнейших строек в Советском Союзе, да и во всем мире, работают представители более 40 национальностей и понимают друг друга благодаря русскому, а точнее сказать, как говорят и сами строители, благодаря языку великого Ленина!

Таджикская литература имеет тысячелетнюю историю, имена таких поэтов, философов, мыслителей, как Фирдоуси, Абу али ибн Сина (Авиценна), Джами, Саади..., знает мир. Но по-настоящему мировыми они стали благодаря русскому языку. Вместе с тем именно и только поэтому для нас стало доступным все, что есть ценного в сокровищнице мировой культуры. Очень интересно, важно и перспективно, что национальный язык обогащается за счет русского языка, а русский язык взаимно обогащается за счет языков многонационального советского народа.

Я был во многих странах мира и повсюду выручал меня русский богатырский язык. Велика его роль не только в становлении и укреплении межнациональных культурных связей, в деле обогащения и развития языков и литератур народов СССР, но и в процветании дружбы этих народов, их сближении во имя торжества духа интернационализма.

Для меня большая честь, что я владею русским языком и считаю его своим вторым родным языком.

Миклай Казаков,
народный поэт Марийской АССР

Я вырос в глухом марийском селе, где только несколько мужчин, служивших в армии и побывавших в Казани, говорили по-русски. Остальное население почти не знало русского языка. Поэтому мы, детишки, до школы говорили только на родном языке. Да и в начальной школе в основном обучали по-марийски.

Серьезное ознакомление с русским языком началось лишь в семилетке. Математику, химию, физику штудировали только по-

русски. Разумеется, это нам доставляло известную трудность, преодолеть которую было не так-то просто. Но мы старались, и большую помощь в этом деле оказали нам учителя, библиотека. Немалую роль сыграл и школьный хор, где пели марийские и русские песни. Постепенно мы приобщались к богатому русскому языку и литературе. Потом в институте, в армии эти знания совершенствовались, углублялись. Чувство языка, любовь к нему становились все более осознанными.

Роль нашего второго родного языка в жизни каждого грамотного человека нецеленима. С его помощью мы черпаем знания во всех областях науки, прежде всего из сокровищницы марксизма-ленинизма. Он сближает народы, говорящие на разных языках, обогащает их. Без него мы не могли бы ознакомиться с произведениями мировой и русской классики и современной литературы.

Мне самому приходится много переводить на марийский язык зарубежных и советских поэтов в основном по подстрочникам или с русского. Понятно, гораздо лучше было бы сделать это прямо с языка оригинала, но, к сожалению, не всегда желаемое действительно. Лично я пишу и говорю только по-марийски и по-русски.

Не знаю, как представителей других народов, но меня русский язык всегда поражал своим неисчислимым богатством форм, точностью, обилием синонимов и, наконец, чрезвычайной музыкальностью. Об этом очень верно писали и М. В. Ломоносов, и А. С. Пушкин, и И. С. Тургенев и другие. В наше время он стал еще более могучим, разнообразным. Его роль возрастает на глазах у всех народов мира: язык Ленина, Пушкина, Толстого приобрел особую притягательную силу, оказывает огромное влияние на другие языки.

Из современной русской литературы в языковом отношении мне очень нравятся произведения Л. Леонова, К. Паустовского, А. Твардовского и М. Исаковского. Если романы и повести Леонова отличаются стройностью, порою даже усложненной стилистикой предложений, то язык Паустовского привлекает своим лиризмом, красочностью: кажется каждое слово писателя можно пощупать рукой и услышать его звучность издалека.

Поэзия Твардовского и Исаковского насыщена всеми богатствами народной речи, ее простотой и целомудрием. Работу над словом эти большие поэты поставили как одну из основных задач творца, и здесь они достигли значительных успехов. Учиться у них этому было бы великим делом многим поэтам, ибо за последние годы некоторые из них в погоне за оригинальностью отошли от славных традиций Пушкина, Некрасова и других классиков. А подобное

«увлечение», ложное новаторство, заумье ни к чему хорошему не приводят.

Второй наш родной язык становится все ближе представителям других наций. В этом его могучая сила, красота и великое будущее.

Адам Шогенцуков,

народный поэт
Кабардино-Балкарской АССР

1. До революции у кабардинцев не было своей письменности. Были попытки отдельных просветителей (Шора Ногмов, Кази Атажукин и др.) создать алфавит, но эти попытки угасали, как слабые искорки, во тьме тогдашней ночи бесправия, нищеты и невежества.

Без письменности, естественно, не могла существовать и письменная литература. Правда, у нас было богатое устное творчество как поэтическое, так и прозаическое. К тому времени, когда я стал писать — в тридцатых годах, были опубликованы первые национальные произведения Али Шогенцукова, Тембота Керашева, Алима Кешокова, Хачима Теунова и других. Знакомство с их произведениями безусловно сыграло важную роль для начального периода моей творческой биографии. Решающую роль в моем творческом становлении сыграли богатые языковые традиции и художественный опыт великих классиков русской классической литературы — Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Чехова, Бунина, Горького, Маяковского, Есенина и других.

2. Роль русского языка в становлении и укреплении межнациональных культурных связей, в деле обогащения и развития национальных языков и литератур народов СССР, особенно малых народов, не имевших ранее письменности, невозможно переоценить. Великий русский язык, исторически став общим языком межнационального общения и сотрудничества народов СССР, сыграл неопределимую роль в становлении и укреплении новой единой многонациональной советской культуры, в которой слились накопленные, обогащенные и сближенные в процессе социалистического развития ценности национальных культур, не потеряв национальной самобытности.

Благодаря русскому языку народы нашей страны приобщились к чистейшему и животворнейшему источнику, откуда эти народы стали черпать духовные силы для строительства своей националь-

ной культуры, достойной новой эпохи. Таким животворным источником оказалась великая русская культура, в которой с наиболее ясной силой обнаружилось общечеловеческое, гуманистическое, роднящее, объединяющее народы.

Русский язык стал могучим орудием взаимосвязи и сплоченности советских народов, средством приобщения к лучшим достижениям национальных культур, их сближения и взаимообогащения.

По опыту современного кабардинского языка я знаю, насколько обогатился наш язык по лексико-фразеологической структуре, словарному составу, синтаксической конструкции, многообразию форм, стилей как литературной, так и живой разговорной речи. И все это — благодаря могучей силе воздействия и благотворного влияния великого русского языка, поистине языка одной из высочайших культур нашей планеты, языка, впитавшего в себя вершину достижения общечеловеческой языковой культуры.

3. Русский язык стал для нас вторым родным языком. Знание его стало насущной потребностью всех народностей. Благодаря ему народы нашей страны идут по пути всестороннего расцвета, приобщаются к великим завоеваниям мировой культуры, экономики и технического прогресса.

Русский язык необычайно богат по лексико-фразеологическому составу, фонетическому и морфологическому строю, словарному фонду, по многообразию синтаксических конструкций и оборотов. Поэтому русский язык способен выразить наиболее полно, глубоко и достоверно все явления жизни, а значит и приобщить нас к лучшим достижениям экономического, социально-политического и культурного развития мира. Щедрое богатство русского языка, его удивительная гибкость дает возможность передать особенности мышления, языковую атмосферу, ритуалы, обычаи, словом, всю суть, заключенную в любом творении любого народа. Вот почему русский язык стал незаменимым средством освоения народами нашей страны мировой классической, а также прогрессивной современной литературы.

4. Из произведений современных русских советских писателей в языковом отношении я считаю наиболее образцовыми произведения Паустовского. Мне кажется, в них с наибольшей силой отразились гибкость, красочная эмоциональность, певучесть, нежность, выразительность, сочность, изящная простота, доступность, всеобъемлющий художественный диапазон русского языка, его поэтическая вдохновенность... Не в меньшей мере я люблю и Шолохова, Леонова, Федина, Тихонова. Возможно, здесь сказывается моя учеба у великих мастеров русского живописного слова — Пушкина, Тургенева, Чехова, Бунина, Толстого.

5. Действительно, в международных контактах, во взаимовлияниях и взаимообогащениях литератур народов СССР невыразимо высокую роль играют художественные переводы. И в этом деле достижения разительно велики. Главная проблема, на мой взгляд, заключается в необходимости знания переводчиком языка оригинала. Увы, это редкое исключение. Мы все еще не можем обойтись без подстрочников. А жаль.

Геннадий Юшков

Коми АССР

1. У Мамина-Сибиряка есть рассказ «Зимовье на реке Студеной». Еще мальчишкой я читал его в переводе на коми язык. Потом — не раз на русском. Здесь каждое слово подобрано и подогнано, как бревно в добротной северной избе. И потому в рассказе такая ясность и чистота, такая искренняя боль за человека. Образно говоря, этот рассказ и стал для меня той печкой, на которой вырос.

2. Выдающимся памятником древнерусской литературы является «Житие Степана Пермского», написанное Епифанием Премудрым. И мы, коми, благодарны автору не в меньшей мере. В 1372 году, приступая к христианизации Перми Вычегодской, Степан составил первую коми азбуку. Таким образом, коми письменности — шестьсот лет! И сейчас мы располагаем не одной сотней памятников дооктябрьской коми письменной литературы.

Русский язык, культура русского народа сослужили великую службу для коми, несмотря на царский гнет. Первые коми поэты, и первый среди них Иван Куратов, выросли на поэзии Пушкина, Шиллера, Беранже, Байрона, Бернса и, конечно, благодаря русскому языку, который стал уже давно вторым языком коми.

С первых лет Советской власти, когда коми язык обрел «гражданство», у нас появились произведения художественной литературы самых разных жанров: проза, поэзия, драматургия, критика. Знание русского языка, русской художественной литературы — вот то главное, что определило успех у первых коми советских писателей. Из русского языка или через русский язык к нам пришло немало слов, обогативших наш древний коми язык.

У русского языка есть одно чудесное свойство: он не давит на другие языки, не теснит их на задворки, ибо носитель-то его — наш друг и брат.

3. Отчасти на этот вопрос я уже ответил выше. Мировая классическая литература еще в прошлом веке стала доступной в коми крае благодаря переводам на русский язык. Есть одна коми притча. Сделал мужик дугу, расписал ее как следует и повез в город Вятку на ярмарку, надеясь, что лучшей дуги там ни у кого не будет. Приехал, а там на его дугу никто и не смотрит.

Так вот, чтобы не ошибиться, как тот самонадеянный мужик, нам всегда надо знать, как хороши нынче в мире «дуги». В этом смысле русский язык для нас был и остается своего рода «окном в Европу», окном в большой и сложный современный мир.

Конечно, было бы неплохо, если бы мы знали по-настоящему и иностранные языки. У каждого языка своя прелесть, и полностью ощутить ее можно только, читая произведения в оригинале.

4. Иногда мне кажется, что сам бы смог писать по-русски: язык вроде знаю, толковый словарь имеется... Такая самонадеянность приходит обычно после того, как прочтешь что-нибудь написанное убогим, улично-служебным языком. Но тут попадется книга, где для тебя непостижимо, откуда писатель взял эти простые, емкие и сочные слова, и становится страшно от той мысли. Нет, язык матери, тоже однажды дается.

Преклоняюсь перед памятью Александра Твардовского, в поэзии которого, быть может, впервые судьба народа осмыслена его же языком, и хочется сказать поэту его же словами:

Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке.

5. Нас переводят по подстрочникам. Иногда лучше, иногда хуже. Но рука не поднимается упрекнуть переводчика, который, собственно, и не представляет оригинала. Подстрочник для переводчика, пожалуй, то же самое, что подранок для охотника: видел, что подбил дичь, но куда же все-таки она упала? В этом-то и проблема.

«РУССКИЙ ЯЗЫК... ПЕРЕИМЧИВЫЙ И ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ»

С законной гордостью академик В. В. Виноградов говорил в Париже в сентябре 1967 года на учредительной конференции Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы: «Современный русский язык представляет собой своеобразное, самобытное явление в истории мировой культуры. Происходящие в нем процессы полны исторического значения...» («Русская речь», 1970, № 1). Обладая неограниченными творческими возможностями развития за счет внутренних ресурсов, он широко обогащался и обогащается за счет других языков. А. С. Пушкин в 1836 году писал, что русский язык — «гибкий и мощный в своих оборотах и средствах... переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам». Интересен процесс взаимодействия русского языка и языков народов Кавказа, например пополнение русского словаря лексикой языков народов Кавказа на материале языка художественных произведений А. С. Пушкина.

В произведениях Пушкина мы встречаем целые пласты кавказских слов (под кавказскими словами мы понимаем слова из языков народов Кавказа), вводимых поэтом как одно из средств художественной изобразительности. Это слова, обозначающие реалии объективного мира (в широком смысле слова — людей, животных, орудия труда, постройка, предметы быта и т. п.): абаз, абрек, аманат, арак, арба, башлык, башмак, бурдюк, бурка, гяур, кинжал, кунак, минарет, мулла, сакля, халат, чалма, чихирь, чурек, пашка, шашлык и др.; слова, являющиеся названиями отвлеченных понятий: байран, барыш, бельмес, ералаш и другие. Все эти слова функционируют и сейчас в большинстве языков народов Кавказа. Первым в русском языке их мог употребить Пушкин, но мог быть первоисточник их проникновения в русский язык и не кавказским. Однако поэт часто находил нужным посвящать многие из них, Так,

в примечаниях к «Кавказскому пленнику» находим: «*Чихирь*, красное грузинское вино. *Кунак* (т. е. приятель, знакомец)... *Байран* или *Байрам*, праздник разговения. *Аул*. Так называются деревни кавказских народов. *Шашка*, черкесская сабля. *Сакля*, хижина». Все это дает нам основание считать их кавказскими, не углубляясь в строгую этимологическую квалификацию.

Общей стилистической функцией кавказской лексики в художественном произведении является стилизация в широком значении слова, стилистически значимым — само их содержание, смысловой объем. Отбор кавказских слов в речевую ткань художественного произведения (по их смысловому объему) во многом зависит от наличия или отсутствия у того или иного слова исконно русской параллели, синонима.

Кавказские слова, не имеющие русских параллелей, однородны по своей стилистической роли, они употребляются в основном номинативном значении. К ним относятся: башлык, бурдюк, чадра, шашлык и др. Для слов этой группы определяющей является их коммуникативная функция, а стилистическая значимость — неизбежный «побочный» результат.

Использование слов, имеющих русские параллели, мотивируется в каждом отдельном случае рядом различных обстоятельств, что ярко выступает при рассмотрении их употребления в соотношении с их русскими синонимами.

Среди кавказских слов выделяются слова, имеющие русские параллели, но отличающиеся от последних смысловыми оттенками: арба, бурка, чурек. Эти слова находим только в произведениях о Кавказе: «В арбу впряженные волы стоят пред саклею печальной... Слагают тело на арбу... В дорогу шествие готово. И тронулась арба...» (Тазит). В языке Пушкина встречаем ряд слов, обозначающих тот или иной вид повозки: коляска, бричка, тележка, повозка, экипаж. Но каждый вид отличается теми или иными особенностями в устройстве. Слово *арба* обозначает специфическую повозку, наиболее приспособленную для горных дорог. Подобную картину наблюдаем и при употреблении слова *бурка*: «Смотрел по целым он часам, Как иногда черкес проворный... В косматой шапке, в бурке черной... Летал по воле скакуна» (Кавказский пленник); «Около них скакали ногайские проводники в бурках с арканами» (Путешествие в Арзрум). *Бурка* — это своеобразный вид верхней одежды у народов Кавказа, особый вид войлочной накидки. Отсюда вместе с новым предметом, заимст-

вованным одним народом у другого, приходит в язык новое слово.

Значительный пласт составляют кавказские слова, имеющие русские параллели, но отличающиеся от них лишь стилистическим своеобразием. Рассмотрим, например, употребление Пушкиным слов *аманат*, *аул*, *кунак*, *сакля*. Слово *аманат* зафиксировано в языке поэта в значении 'заложник' всего четыре раза: «В крепости видел я черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков...» (Путешествие в Арзрум); «...хан требовал от губернатора возвращения аманатов, отогнанного скота и выдачи бежавших из орды рабов» (История Пугачева); «Родословная моей матери еще любопытнее. Дед ее был негр... Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому» (Из автобиографических записок).

Как видим, Пушкин вводит слово *аманат* только тогда, когда речь идет о событиях на Кавказе, на Востоке. В остальных случаях он включает русский синоним *заложник*: «Яицкие же казаки в случае неудачи думали передать Пугачева в руки правительства... Они стерегли его как заложника» (История Пугачева); «... государь, императрица, свита и министры (за исключением барона Шафирова и графа Шереметева, оставленных в лагере турецком заложниками мира) отправились... к Ярославу» (Записки Моро-де-Бразе).

Подобную картину мы наблюдаем и в употреблении слов *кунак*, *аул*, *сакля*. Они встречаются у Пушкина только в произведениях о Кавказе: «...Не для расспросов кунака... Так рано съехались адехи На двор Гасуба старика... Три дня, три ночи с кунками Его он хочет угощать» (Тазит). Исконно русские параллели *друг* и *приятель* встречаются в произведениях поэта гораздо чаще и в самых различных произведениях. Слово *аул* употреблено Пушкиным 23 раза наряду с его синонимами *деревня*, *селение*, *село*, *станция*: «Прошло тому тринадцать лет, как ты, в аул чужой пришел, Вручил мне слабого младенца...»; «Тазит из табуна выводит коня, любимца своего. Два дня в ауле нет его...» (Тазит); «Кругом ее [горы] видны следы разоренного аула» (Путешествие в Арзрум).

В этих же произведениях мы встречаем и параллели *селение*, *село*, *станция*: «В ауле, на своих порогах черкесы праздные сидят... Вспоминают прежних дней Неотразимые набегии... И пепел разоренных сел» и «О чем ты думаешь, казак?.. Коварный сон! Простите, вольные станицы, и дом отцов, и тихий Дон» (Кавказский пленник); «Кругом ее видны следы разоренного аула, называвшегося Татартубом. Легкий, одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения» (Путешествие в Арзрум); «Около станиц Кубани, близ лесных границ...» (Тазит).

◆

Только по одному-два раза встречаются русские синонимы слова *аул* в произведениях о Кавказе, но лишь в первом случае Пушкин, рисуя картину разоренного аула, прибегает к словам *аул* и *селение* для обозначения одного и того же населенного пункта.

Наряду со словами *дом* и *хижина* только в трех произведениях о Кавказе находим слово *сакля*: «Он раб, за саклями лежит он у колючего забора» (Кавказский пленник); «Около сакли толпился народ» (Путешествие в Арзрум); «Несколько женщин в пестрых лохмотьях сидели на плоской кровле подземной сакли» (Путешествие в Арзрум). Для обозначения того же строения в «Кавказском пленнике» вводит поэт и слово *хижина*: «По белым хижинам аула мелькает бледный свет луны».

Слово *сакля* взято из грузинского языка (*sachli* 'дом'), но через язык художественной литературы оно закрепилось в русском языке как общекавказское, хотя в значительной части языков народов Кавказа имеются свои слова для обозначения понятия 'дом'.

Мы проследили употребление в языке Пушкина кавказских слов: *аманат*, *аул*, *кунак*, *сакля*. Эти слова, войдя в русский язык и сохраняя «экспрессивные краски социальной среды», вызывают у читателя особые ассоциации, нужную настроенность для восприятия изображаемого. Их использование, как правило, ограничено определенными произведениями.

◆

Другие кавказские слова, которые прочно «прижились» в русском языке, не требуют строгой обусловленности их употребления, хотя и сохраняют по сей день экспрессивные особенности. Если для автора художественного произведения важны эти особенности в данном контексте, он использует их и они становятся в ряд рассмотренных выше слов; если эти оттенки не имеют существенного значения для той или иной речевой ситуации, то эти слова используются как исконно русские. Сюда относятся *булат*, *кинжал*, *чекмень*, *шашка* и другие.

В языке поэта слово *булат* выступает как слово активного состава лексики русского языка: «Так Тяжкий млат, Дробя стекло, кует булат» (Полтава); «Торговали мы булатом, чистым серебром и золотом» (Сказка о царе Салтане); «И, задрожав, булат холодный вонзился в дерзостный язык» (Руслан и Людмила). Параллели — *кинжал*, *шашка* — используются Пушкиным как слова, имеющие специфический экспрессивный оттенок, способный вызвать у читателя нужные ассоциации: «И с ним кладут снаряд воинской:

Неразряженную пицаль, Колчан и лук, кинжал грузинской И пашки крестовую сталь» (Тазит); «На стенах его кабинета висели пашки и кивжалы, памятники его владычества на Кавказе» (Путешествие в Арзрум).

Кавказские слова, не имеющие и имеющие русские параллели, как стилизующий фактор пронизывают всю языковую ткань (как речь персонажей, так и речь автора) произведений Пушкина о Кавказе, участвуя в изображении самых различных сторон жизни народов Кавказа.

Все более и более усиливающиеся взаимосвязи русского народа и народов Кавказа дали реальную базу бытования кавказских слов, которая явилась как бы постоянно действующим стимулятором их сохранения и закрепления в русском языке. Рассмотренные нами кавказские слова вошли в основной словарный фонд русского языка, сохранив специфические особенности, идущие от происхождения. Это придает им особую выразительность. Следует сказать, что если в произведениях русских писателей и поэтов первой половины XIX века еще можно было считать кавказские слова экзотизмами, с точки зрения читателя того времени, то в конце XIX века и в наше время этот термин для них устарел. Если Пушкин вынужден был пояснять слово *сакля*, то теперь мы встречаем его в учебнике современного русского языка для вузов СССР: «Ко второму склонению относятся все имена существительные женского, мужского и общего рода на *-а, -я*, например: вода, сакля, струя, юноша, Боря, сирота и др.» (Н. С. Валгина и др. Современный русский язык. М., 1966, стр. 170).

Ошибочными являются утверждения, что обогащение языка за счет заимствований подавляет и парализует его, что заимствования ведут к недооценке внутренних потенциальных возможностей того или иного языка. Напротив, заимствования пополняют словарный состав воспринимающего языка, который получает в результате этого дополнительные ресурсы производящих основ и выразительных средств.

И. Е. ГАЛЬЧЕНКО,
доцент Северо-Осетинского государственного
университета

Стихотворное «Послание к М. Т. Каченовскому» П. А. Вяземского опубликовано в январском номере «Сына Отечества» за 1821 год. «Адресат» Вяземского — Михаил Трофимович Каченовский (1775—1842), историк, профессор Московского университета, редактор в течение ряда лет университетского журнала «Вестник Европы», враждовавший с карамзинистами и романтиками и преследовавший нападками виднейших писателей того времени.

Полемическое «Послание» Вяземского сыграло видную роль в борьбе карамзинистов с их противниками. Любопытен тот факт, что стихотворение Вяземского тесно связано с текстом Вольтера, а именно с вольтеровским рассуждением «О зависти», третьим из «Рассуждений в стихах о человеке». Это обстоятельство не укрылось в свое время от глаз литературных противников Вяземского и было ими использовано в полемике. Некто Ф. Як-в (Яковлев) в «Письме к редактору Вестника Европы», напечатанном в марте 1821 года, обвинял П. А. Вяземского в плагиате.

Интересно высказывание самого Вяземского о «переводности» его произведения (правда, сделанное через 20 лет после его опубликования): «Послание мое к Каченовскому не есть перевод (Вольтера). В моем стихотворении есть некоторые места, заимствованные из его „Discours sur l'envie“, как во многих французских стихотворениях и других новейших есть подражание Горацию и другим» (Письмо С. Д. Полторацкому, 1843).

Прямое заявление писателя, определение, данное им своему произведению, очень ценно. Оно позволяет на конкретном примере увидеть, что именно понимал под термином «подражание» один из видных представителей Пушкинской литературной эпохи, когда эта своеобразная форма была очень в ходу.

Обратимся к сопоставлениям произведений Вольтера и Вяземского. «Рассуждение» Вольтера — это так называемая «дидактическая поэма»; излюбленный моралистами и просветителями XVIII века обличительный стихотворный трактат о страстях и пороках человеческих, построенный по четкой логической схеме. Вводные строки дают философское обоснование темы и самое общее определение порока зависти; затем на конкретных примерах рассматриваются отдельные проявления зависти и, в противовес им, благожелательного бескорыстия. В конце — прославление добродетели и поучение. Написано произведение Вольтера типичным для французской поэзии XVIII века «александрийским» стихом, двенадцатисложным с парной рифмовкой.

Вяземский целиком принимает от своего образца жанр, композицию, стихотворную форму и даже объем. Его послание носит ярко выраженный сатирико-дидактический характер. Совпадает самый предмет обличения (зависть) и структурный принцип движения мысли от общего к частному, от осуждения к похвале и заключительному апофеозу добродетели. Словесная ткань «Рассуждения» Вольтера насыщена «пышными» метафорами (образными иносказаниями, сравнениями). Одна метафора переходит в другую, вызывает по ассоциации третью, разрастается и «ветвится». Приведем в русском пересказе несколько вольтеровских строк (4—8): зависть — тиран, наиболее жестокий из всех своим мрачным произволом; это — палач разума; гордость зачала его в лоне безумия и т. д. Быть может, здесь нужны прописные буквы (Гордость, Безумие)? Абстрактные понятия персонифицируются, превращаются в аллегорические фигуры.

Богато метафорами и «Послание» Вяземского. Вот как описывается зависть и завистник:

Как оный вечный огонь при алтаре Весталок,
Так втайне вечный яд, дар лютой адских сил,
В груди несчастного [завистника.— В. С.] неугасимо тлеет.

Мелочный педант-критик (Каченовский) по Вяземскому —

...сей оценщик слов и в азбуке знаток
Теребит труд ума с профессорских досок,
Как посевшая в углах архивы пыльной
Мышь хартии грызет со злостью щепетильной...

(Все цитаты из Вяземского даются по изданию: П. А. Вяземский. Стихотворения. М.—Л., 1962. Библиотека поэта. Малая серия. Изд. 3-е).

Характерны обращения к образам античности (алтарь Веста-лок) и славянизмы (огнь, сей) как атрибуты «высокого» торжественного стиля. Любопытно, что у Вяземского гораздо чаще, чем у Вольтера, метафора «оформляется» в законченное, четко ограниченное сравнение (как огонь, как мышь). В стихию метафоризма вносится известный «порядок». У Вольтера только два развернутых сравнения, симметрично расположенных в начале и конце стихотворения, и почти нет эпитетов-прилагательных. Все поэтические определения даны в форме различных метафорических речений.

У Вяземского эпитеты в большинстве своем не передают впечатлений цвета, звука, формы. В сущности это ряд абстракций, характеризующих другой ряд столь же отвлеченных понятий: коварная зараза; ревнивая вражда; безумная слепота (слепота — здесь в переносном смысле ограниченности); щепетильная злость и т. п. Это явление напоминает о свойственном поэтике Вяземского рационализме.

Подчас эпитеты Вяземского «освежаются» заложенной в них внутренней контрастностью с определяемым, непредвиденностью (так называемый оксюморон). Таковы: хищная стража (о гонителях творческой мысли); ничтожная надменность; дар лютый; почетная ссылка (о судьбе Радищева). Кстати, о последнем эпитете Вяземский спорил со своим другом и корреспондентом А. И. Тургеневым, заметившим известное несоответствие между определением и определяемым: можно ли назвать ссылку почетной? Но Вяземский настаивает: «Ссылка разбойника есть ссылка бесчестная, ссылка смелого писателя есть почетная».

Контраст, антитеза — это, пожалуй, наиболее излюбленный стилистический прием как у Вольтера, так и у Вяземского. Антитеза порока и добродетели положена в основу вольтеровского «Рассуждения». У Вяземского концепция «Послания» раскрывается в сопоставлении контрастирующих понятий: ума и невежества, таланта и бездарности, передовой мысли и грубо политического гнета.

Антитеза присутствует во всем образном строе обоих произведений, в структуре отдельных строк и полустрочий. У Вольтера зависть — порок, наиболее трусливый и одновременно наиболее упорный; дитя гордости, зависть тем не менее боится человеческого глаза. (Все ссылки на текст Вольтера даются по изданию: *Voltaire. Poèmes et discours. Paris, Dabo, 1821.*)

У Вяземского многочисленны внутрискочные противопоставления, подчеркиваемые почти всегда цезурой (внутренней паузой в стихотворной строке), так что строка распадается на две противопоставляющие части:

Счастливец свежий лавр — колючий терн ему...
Достойным похвала — ничтожеству обида.

В Элизий скромных дев внесен мятежный ад...

Иногда противопоставление оттеняется соседством однокоренных слов:

Всегда он ближнего довольством недоволен.

Ты хочешь исправлять, но будь исправен сам,
Уважен будешь ты, когда других уважишь.

Соответственно у Вольтера: «Скучный сатирик, уверяющий, что все вызывает в нем скуку».

Сопоставление контрастирующих понятий и синтаксических групп нередко сопровождается их параллелизмом и единоначати-ем (анафорой). Первые строки Вольтера в русском прозаическом переводе звучат так:

Если человек создан свободным, он должен сам
 собою править.
Если человека гнетут тираны, он должен лишить
 их трона.
Всем ведомо: пороки являются тиранами...

У Вяземского:

Разнообразен он в роскошестве таланта —
Я сухостью сожжен бесплодного педанта.

или:

Их жалкий жребий — чернь за деньги забавлять.
Его — в потомстве жить, взывая к жизни древность.

Для поэтического синтаксиса сопоставляемых произведений чрезвычайно характерно обилие разных «риторических фигур» — вопросов, обращений, восклицаний и прочих элементов патетического диалога. Это естественно для жанра. У Вольтера — «рассуждение», ораторская речь, поучение. У Вяземского — «послание», полемика с адресатом, открытое письмо к обществу. И жанр, и риторика типичны для стилистики классицизма и Просвещения.

Приведенные наблюдения над литературной формой стихотворения Вяземского позволяют сделать некоторые общие выводы.

Несмотря на известные различия индивидуального стиля, перед нами явление удивительного литературного «сродства». Как глубоко надо было Вяземскому вдохнуть в себя атмосферу чужого творчества, с какой полнотой «сопережить» его, чтобы дать такое близкое к нему «подражание». Объяснение напрашивается одно: не «подражание» тут, а верность собственному писательскому

складу. Литературная стихия Просвещения была очень близка Вяземскому, его мировоззрению и поэтике, особенно в ранний период деятельности.

Сражаясь в 20-х годах XIX века за утверждение новой литературной формации — романтизма, восторженно приветствуя «мятежный» гений Байрона, сам Вяземский в собственном творчестве еще тяготел к «классическому» и рационалистическому XVIII веку, как французскому, так и русскому. Недаром он увлеченно работал над очерками об Озерове, Дмитриеве, Фонвизине, хвалил Сумарокова.

Свободно и естественно движется его мысль, его стих в рамках, казалось бы, заданных извне, попутно вбирая в себя элементы чужого текста. Критик Вяземского был неправ: «подражание» никак не исключало авторской оригинальности произведения. В частности, вся первая часть «Послания» разработана Вяземским заново. Тема, формально общая для обоих произведений, здесь раскрывается в соответствии со стоявшим перед Вяземским конкретным полемическим заданием.

Уже с первых строк «Послания» начинается то, что в XVIII веке называли «склонением на наши нравы». Вольтер рассуждает о зависти «вообще», примеры ее подбирает из самых разных областей французской истории, политики, придворных нравов, театрального быта, жизни живописцев, поэтов и проч.

Вяземский ограничивает тему «Послания», указывая, что речь пойдет прежде всего о сфере литературы, о нравах критики, о конфликтах авторских:

Свирепствует во тьме коварная зараза [зависти];
Но в мирной муз семье, средь всадников Пегаса
Господствует она свирепей во сто крат;
Будь музы сестры, так! но авторы не братья...

Одновременно он решительно «русифицирует» содержание произведения. Франция XVIII века уступает место современной автору русской действительности и русским литературным спорам. Основная антитеза добра и зла дана как параллельная характеристика носителя передовой мысли Карамзина и его недостойного врага Каченовского. Да и в деталях находим сопоставления из русской истории и литературы (век Петра и Екатерины, Радищев, упоминания о Жуковском, Фонвизине, Княжвине). Попутно горькое замечание о том, что во все исторические времена «вражда к достоинству» передовых людей «была непримирима», и выпад в адрес политической реакции, тормозящей развитие русской общественной и литературной жизни, обличение всех и всяческих врагов творческой мысли:

В превратном их уме свобода — своеволие!
Глас откровенности — бесстыдное крамолье!
Свет знаний — пламенный кровавый мятежа!

Так возникает своеобразное видоизменение жанра, «дидактическая поэма» превращается в публицистический памфлет, вызванный определенной «злойбой дня», направленный по конкретному адресу.

Соответственно «снижается» пышная патетика французского образца. Характеризуя зависть, Вольтер обращается к величавым образам античной мифологии, уподобляет завистника дерзостному титану, посягнувшему на олимпийцев. Гибель его под обрушенной Этной неотвратима.

Совсем в иной тональности начинает Вяземский: «Перед судом ума сколь, Каченовский! жалок // Талантов низкий враг, завистливый зоил». Носитель порока зависти здесь никак не титаничен. Он жалок, он — «несчастный», он вызывает почти безразличное сочувствие. Строки Вяземского далеки от патетики, они ироничны. К тому же они содержат довольно прозрачную уловку, которая сильно веселила его современников: имя Каченовского в первой строке выделено, как обращение, запятой и восклицательным знаком. Но пунктуация здесь явно нарочитая. Первую строку надо читать без знаков препинания, тогда все становится ясно — это сам Каченовский жалок, это он — талантов низкий враг и т. д.

О «снижении» стиля говорят и другие факты. Наряду с «вышешными» метафорами мифологического и библейского происхождения («Элизий дев» — муз, «печать Каина»), наряду с архаическими и аллегорическими образами (меч, лавр, змея клеветы) возникают сравнения неожиданно живые и как бы даже будничные. «Заброшен я в пыли, как старый календарь», — жалуется журнальный писака. В том же роде и приведенное выше сравнение тупицы-критика с «поседевшей мышью», треплющей в пыльном архивном углу талантливое творение. Действуют у Вяземского и персонажи чисто басенного обихода: орел, лев, тигр, черепаха. Это напоминает о его интересе к «малым формам» литературы; он сам писал басни, переводил их. Любопытен отзыв Пушкина о «Послании»: он был им недоволен. В позднейшем письме к Вяземскому (8 января 1822) он говорил: «...бранюсь с тобой за одно послание к Каченовскому; как мог ты сойти на арену вместе с этим хилым кулачным бойцом — ты сбил его с ног, но он облил бесславный твой венок кровью, желчью и сивухой... Как с ним связываться — довольно было с него легкого хлыста, а не сатирической твоей палицы».

Действительно, «Послание» несоразмерно адресату, оно перерастает «частный случай» Каченовского. В сущности содержанием этого произведения Вяземского является общественно-литературное кредо автора, целая система взглядов на литературу, ее назначение, ее несовершенство и желаемые формы — своего рода литературный манифест.

Положительной части программы посвящена главным образом вторая половина «Послания». Она особенно близка к произведению Вольтера, являясь в заключительной части прямым и точным переводом строк Вольтера. Чередуя собственный текст со строками заимствований, Вяземский развивает мысль о достойных и плодотворных формах литературной жизни и критики.

Итак, «старое, но грозное оружие» поэмы Вольтера, написанной без малого за сто лет до «Послания» Вяземского, было использовано в литературных боях Пушкинской поры. Это объясняется не только собственным «средством» Вяземского с литературой Просвещения, но и более широкими причинами общественного плана. Известно, какой огромной популярностью пользовались произведения Вольтера в России XVIII века. Но и для современников Вяземского они сохраняли свое живое действие. Более того, в начале XIX века интерес к Вольтеру вспыхнул с новой силой. Вольтер был актуален, он служил знаменем в борьбе за идейный и общественно-политический прогресс, одновременно вызывая злобу ретроградов и репрессии цензуры.

В те годы, когда складывался замысел «Послания», Вяземский работал над статьей «О новых письмах Вольтера», направленной, как и «Послание», в адрес редактора «Вестника Европы». В 1819 году Каченовский напечатал резкий отзыв об издании в Париже собрания писем Вольтера, объявляя похвалы этому писателю «глупыми», внушенными «подлым пристрастием» и проч. В том же году, в связи с публикацией одной из работ Карамзина, он с издевкой отозвался об историографе.

Ответом на эту двойную атаку и была статья Вяземского. Он писал о ней А. И. Тургеневу: «Мне кажется, я хорошо поколотил Каченовского за Карамзина во имя Вольтера». Статья не была пропущена цензурой и увидела свет только в год смерти Вяземского, в первом томе его сочинений.

Обращаясь к наследию французского просветителя, молодой Вяземский действовал заодно со своим временем и отвечал насущным запросам русской действительности.

В. Н. СТЕФАНОВИЧ

Не- сообраз- ности в фантастике

Несколько замечаний
о стиле
А. и Б. Стругацких

Фантастика — трудный жанр. Он требует от автора не только богатого воображения, но и умения заставить читателя поверить в невероятное. Вместе с тем это жанр очень увлекательный и очень массовый; круг читателей фантастических произведений нельзя определить ни социальными, ни возрастными признаками. Для автора — это жанр больших возможностей, но еще ббльших требований. Автор-«детективов» и автор-«фантастов» подстерегает одинаковая опасность: не выручит ни лихо закрученный сюжет, ни неистощимая выдумка, если беден язык. Ведь язык фантастических произведений подчиняется условиям, специфичным для всей художественной литературы.

Разумеется, богатство языка не определяется многообразием существующих и несуществующих терминов. Напротив, обилие терминологии вообще вредно для любого художественного произведения. Злоупотребление словами непонятными, но отмеченными печатью «научности» в некоторых фантастических повестях па-

родируется А. и Б. Стругацкими: «Другой юноша нес свое: „Я нашел, как применить здесь нестирающиеся шины из полиструктурного волокна с вырожденными аминными связями и неполными кислородными группами. Но я не знаю пока, как использовать регенерирующий реактор на субтепловых нейтронах. Миша, Мишок! Как быть с реактором?“. Присмотревшись к устройству, я без труда узнал велосипед» (Понедельник начинается в субботу).

Сами А. и Б. Стругацкие сравнительно редко используют слова, требующие обращения к технической энциклопедии. Это авторы социального направления в фантастике (в противоположность направлению техническому). Фантастическое в их произведениях обычно зависит от временной ситуации — действие переносится в будущее, а конфликты создаются столкновением людей разного мировоззрения. В этом смысле повести Стругацких современны; фантастика оборачивается не литературно-художественным жанром, но приемом, который в некоторых своих применениях можно расценить как иносказательный, эзоповский. Недаром сами авторы в предисловии к повести «Понедельник начинается в субботу» пишут: «сказка, как известно, ложь, да в ней намек».

Боясь быть скучными, Стругацкие стремятся максимально использовать такие средства языка, которые, по их мнению, отражают разговорную речь. Здесь, по-видимому, преследуется и другая цель: подчеркнуть реальность происходящего, сделать описываемое более достоверным. Такую речь, правда, редко услышишь в жизни, чаще всего она звучит в устах участников некоторых неудачных передач КВН, — бойкая, обильно усащенная острогами, эта речь вызывает, скорее, не веселье, а скуку: «— Пауль Рудак! — заорал кто-то из тащивших. — Наша кладь тяжела! Где твои сильные руки? — О нерадивые! — воскликнул Рудак. — Мои сильные руки понесут заднюю ногу! — Давайте я понесу заднюю ногу. — сказал Женя. — Я ее оторвал, я ее и понесу» (Полдень, XXII век. Возвращение). Фраза «Я ее оторвал, я ее и понесу» строится по модели реплики Тараса Бульбы, ставшей крылатой, «Я тебя породил, я тебя и убью».

Видоизменение устойчивого оборота часто применяется в языке фельетона, но его неумеренное использование в художественной литературе, — если не преследуется сатирическая цель, а такая цель не стояла перед авторами «Полдня», — не является оправданным. Тяготение к этому приему можно подтвердить и другим примером из названного произведения: «Странник, новые анекдоты есть? — Есть, — сказал Поль. — Только неостроумные. — Мы сами неостроумные... — Пусть расскажет. Расскажи мне анекдот, и я скажу, кто ты». Фраза «Расскажи мне анекдот, и я скажу кто ты» явно

перекликается с поговоркой «Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

Но не всегда видоизменения устойчивого оборота осуществляются ради красного словца. Они несут несомненную идеологическую нагрузку и служат одним из активных средств создания образа. Иногда здесь происходит следующее: сочетание, широко употребительное в какой-то период (в прессе, языке радио и т. д., то есть в той сфере, которую обычно называют сферой массовой коммуникации) произносится отрицательным персонажем и является в его речи неким демагогическим приемом. Но ведь за этим сочетанием стоит и определенное содержание, а у читателя совершенно отчетливо возникает представление, что данное сочетание — только демагогия, и больше ничего, и что пользовались им люди, подобные Выбегалле (один из персонажей повести «Понедельник начинается в субботу»), о котором авторы пишут: «Был он циник и был он дурак». Приведем пример:

«...Конечно, товарищу Хунте, как бывшему иностранцу и работнику церкви, позволительно временами заблуждаться, но вы-то, товарищ Ойра-Ойра, и вы, Федор Симеонович, вы же простые русские люди! — П-прекратите д-демагогию! — взорвался наконец и Федор Симеонович. — К-как вам не с-совестно нести такую чушь? К-какой я вам п-простой человек? Это д-дубли у нас простые!.. — Я могу сказать только одно, — равнодушно сообщил Кристоаль Хозевич. — Я простой бывший Великий Инквизитор, и я закрою доступ к вашему автоклаву до тех пор, пока не получу гарантии, что эксперимент будет производиться на полигоне» (Понедельник начинается в субботу).

Обыгрывание прилагательного *простой* переключало и в повесть «Стажеры»: «— Ну что вы! — сказал Юрковский благодушно. — Я всего лишь ...э-э... простой ученый... — Были вы простым ученым! Теперь вы, извините за выражение, простой генеральный инспектор».

Образ персонажа создается не только речевой характеристикой. Выходя за рамки непосредственного языкового анализа, остановимся несколько подробнее на образе Выбегаллы. Надо отдать должное Стругацким: персонаж обрисован очень красочно. Профессор Выбегалло — жулик в науке. Но демагогия Выбегаллы связывается с такими, например, деталями, как чтение популярных лекций и контакты с прессой. И хотя того авторы или не хотят, но получается, что и чтение лекций, и публикация популярных статей по научной проблематике определяются одним — желанием стяжать дешевые лавры.

Думается, что А. и Б. Стругацкие глубоко заблуждаются, когда пишут (в том же «Понедельнике»): «Дело в том, что самые инте-

ресные и изящные научные результаты сплошь и рядом обладают свойством казаться непосвященным заумными и тоскливо-непонятными». Но свойство подлинных научных открытий состоит как раз в том, что они могут излагаться в самой разной форме, даже такой, какая доступна «непосвященным». Мнимое же открытие, напротив, требует только наукообразного изложения, ибо описание обычным литературным языком показало бы его несостоятельность. Односторонняя оценка отдельных явлений общественной жизни ведет к той самой демагогии, которую Стругацкие как будто стремятся разоблачить.

Герои Стругацких шутят в самых различных ситуациях и обстоятельствах. Даже когда проводится опасный и ответственный эксперимент, героя не покидает чувство сомнительного юмора. Но дадим слово самим авторам: «Было слышно, как кто-то кричал звонким веселым голосом: — Шестой! Сашка! Куда ты лезешь, безумный? Пожалей своих детей! Отойти на сто километров, ведь там опасно! Третий! Третий! Тебе ж русским языком было сказано! Держись в створе со мной! Шестой, не ворчи на начальство! Начальство проявило заботу, а ему уже нудно!..» (Стажеры). Но «нудно» становится не только «шестому», но и читателю, когда он знакомится с другими высказываниями и распоряжениями начальника Кости: «Только не говорите мне, что вы не поняли! — закричал Костя. — А то я в вас разочаруюсь. Голубоглазый подплыл к нему [дело происходит в состоянии невесомости] и начал что-то шептать. Костя выслушал и заткнул ухо блестящим шариком. — Пусть ему от этого будет лучше, — сказал он и звонко закричал: — Наблюдатели, слушайте меня, я опять команду! Все сейчас стоит хорошо, как запорожцы на картине у Репина! Только не касайтесь больше управления!..» и т. д.

Именно в уста лихого Кости вкладывается неологизм, созданный по модели одесского жаргона: «...я скажу вам все коротко и ясно, как любимой девушке: эти дипломированные *кое-какеры* из нашего дорогого МУКСа всегда на что-нибудь жалуются». Чтобы слово не прошло как-нибудь мимо читательского внимания, авторы снова возвращаются к нему в конце главы: «Вот они, люди, Юра! — [это уже говорит Юрковский, „громовержец“ и „Зевес“, как его характеризует один из персонажей повести „Стажеры“] — Настоящие люди! Работники. Чистые. И никакие *кое-какеры* им не помешают».

Остроумие (или потуги на оное) — это обычно удел положительных персонажей. Но в общем они изъясняются языком литературным. Лишь в момент особо сильных волнений положительный рискнет сказать «дурак», а в самом уж крайнем случае — «сволочь». Но положительный герой может поддерживать разго-

вор в тоне, выражаясь мягко, весьма игривом. При этом А. и Б. Стругацкие пользуются таким приемом: вводится персонаж, который участвует в какой-то отдельной сцене, отдельном эпизоде — ни до, ни после этот персонаж в произведении никак не фигурирует, а к сюжетной линии не имеет ни малейшего касательства. Его задача — подавать реплики герою и провоцировать его на такие высказывания, которые отнюдь не повышают художественных достоинств произведения. Оказавшись в двусмысленном положении, герой, при всех своих несомненных высоких качествах, поддерживая беседу, вполне остается на «соответствующем» уровне.

В повести «Хищные вещи века» передается разговор главного героя Ивана Жилина с некоей Илиной: «Она щелкнула зажигалкой и закурила...— Что вы здесь делаете?— Жду Римайера.— Да нет. Чего вас принесло к нам? От жены спасаетесь?— Я не женат,— сказал я скромно.— Я приехал написать книгу.— Книгу? Ну и знакомые же у этого Римайера... Книгу он приехал написать. Проблема пола у спортсменов-импотентов. Как у вас с проблемой пола?— Это для меня не проблема,— сказал я скромно. А для вас?». Здесь полупристойные высказывания облачаются в форму литературной лексики, зато в речи отрицательных персонажей попадают слова и обороты, заведомо чуждые литературному языку: «Золотая молодежь вернулась к стойке бара, и скоро оттуда послышалось обычное: „Надоело... Скучища у нас тут. Марсиане? Ерунда, плешь... Чего бы нам отколоть, орлы?“» (Второе нашествие марсиан).

Если по части остроумия в произведениях Стругацких наблюдается некоторое однообразие, то по части ругательств авторы более изобретательны. Ругаются опять-таки персонажи отрицательные или с отсталым мировоззрением: «Обломать этим вонючкам рога,— гремел он.— Дать этому дерьму когти и отполировать сволочам мослы» (Второе нашествие марсиан); «— Гниды бесстыжие,— рычал он,— пр-р-ростигутки.. собаки свинячи... По живым людям! Гнены вопючие, дряни поганые... Слегачи образованные, гады...» (Хищные вещи века. Поясним, что слово *слегачи* (*слегач*) вполне соответствует всей основной отборной лексике в приведенном отрывке и является самым страшным ругательством в стране, описанной в указанной повести).

Конечно, браниться в художественном произведении позволено не только отрицательным персонажам, но и положительным. И шутить тоже. Но всякий прием в художественной литературе должен оцениваться как со стороны функциональной оправданности (насколько он уместен в речи данного персонажа, при данных обстоятельствах), так и со стороны «соразмерности и соразмерности» во всей структуре произведения. Писатель не может

оправдаться и тем, что «так говорят в жизни». Разговорная речь — это лишь материал, из которого автор создает диалоги и монологи.

В настоящей статье не ставилась задача детального освещения всего творчества А. и Б. Стругацких. Как видно из приведенных примеров, мы касались в основном произведений, написанных (или переработанных) в конце 60-х годов. Оставлены в стороне, например, и «Отель „У погибшего альпиниста“», где содержится много общего в стиле с произведениями уже упомянутыми, и повесть «Улитка на склоне», в которой тема «трудно быть богом», сквозная для творчества Стругацких, перенесена в новые обстоятельства и которая является, скорее, неудачей авторов в попытке освоения новой стилистической манеры. Возможно, что корни последних неудач писателей следует искать именно в слабых сторонах их предыдущих произведений.

Критика неоднократно указывала на новаторство Стругацких в жанре фантастики. Что касается языка, то это новаторство состоит не столько в создании новых приемов художественного изображения, сколько в усвоении приемов, уже существующих в советской художественной литературе. Во многих текстах и контекстах их повестей угадывается и стиль А. Н. Толстого (в особенности синтаксиса), и стиль И. Ильфа и Е. Петрова (в почти дословном использовании некоторых сочетаний с определенной экспрессивно-эмоциональной окрашенностью, сравним: «абсолютно не на чем со вкусом посидеть» у И. Ильфа и Е. Петрова — «абсолютно не на что со вкусом поглядеть» у А. и Б. Стругацких), и стиль А. Шварца (в частности речевая характеристика глуповатого Арканарского короля в повести «Трудно быть богом» очень близка репликам «голового короля» в пьесе А. Шварца «Голый король»).

Многим повестям А. и Б. Стругацких свойственны и острота сюжета, и гибкость стиля, есть у них и удачные образы. Но популярность жанра ко многому обязывает писателя-фантаста: о его произведении судят и по языку, и по содержанию, и по тем идеям, которые заключены в произведении. Академик В. В. Виноградов писал, что в художественных произведениях «сказывается степень речевой культуры и уровень художественного вкуса той социальной среды, к которой принадлежит автор и которую он стремится обслуживать своим творчеством» («Вопросы языкознания», 1955, № 4). Это положение следует помнить не только языковедам, но и писателям.

Н. М.

● КОНФЕКЦИОН

«Читая произведения советских авторов,— обращается к нам Т. С. Красильникова из Иркутска,— я несколько раз встречала слово *конфекцион*. Объясните, пожалуйста, что оно означает».

В 1935 году любознательный читатель мог обнаружить в первом томе «Толкового словаря русского языка» под редакцией профессора Д. Н. Ушакова новое слово *конфекцион*. До этого времени его не было ни в толковых словарях русского языка, ни в энциклопедиях. Слово *конфекцион* вошло в русский язык из немецкого — *Konfektion*, по-видимому, в начале XX века. «Толковый словарь» зарегистрировал только одно значение этого слова: «магазин готового платья».

Если обратиться к «Товарному словарю», изданному в 1958 году, то можно найти в нем слово *конфекция*, которое поможет понять значение *конфекцион*. Специалистам-швейникам *конфекция* известно в двух значениях: «готовое платье всех видов, изготовленное на массового потребителя» и «подбор всех компонентов (тканей верха, подкладки и приклада, отделочных материалов, пуговиц, пряжек и т. д.) для изготовления швейного изделия». Подбором всех этих материалов занимаются специалисты-конфекционеры.

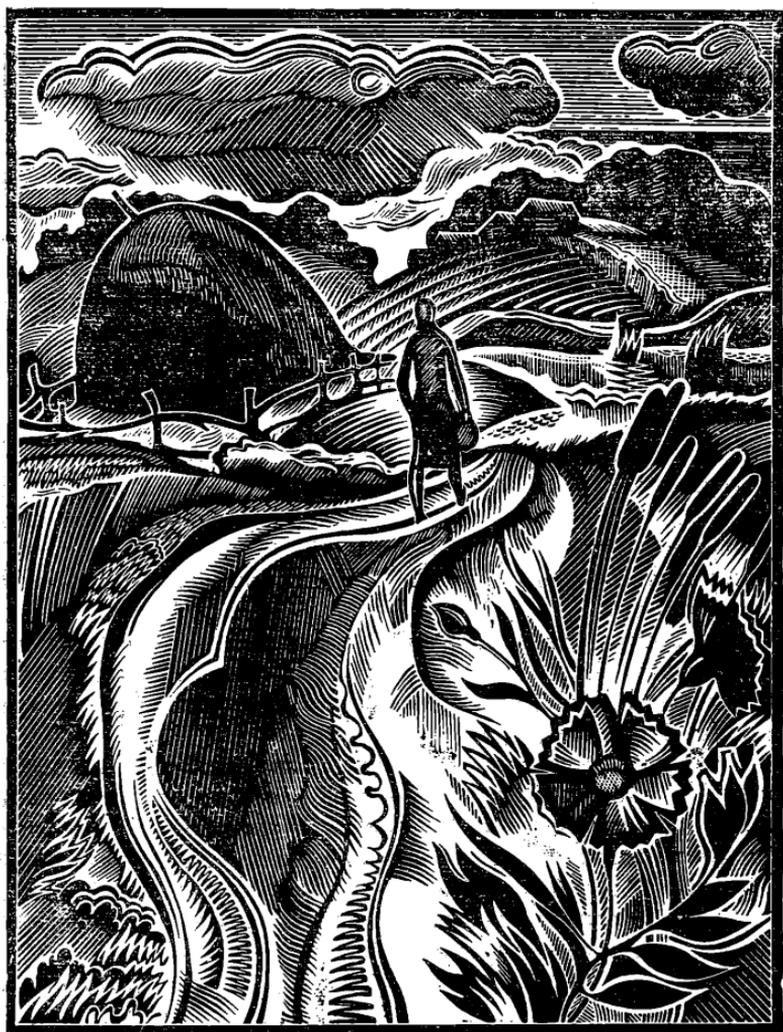
«Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах отмечает у слова *конфекцион* два значения: «массовое производство готового платья и белья» и «магазин, отдел готового платья и белья». Для второго значения дана цитата из повести Е. Катаева «Белеет парус одинокий»: «Длинные суконные брюки и форменная курточка, купленные за тридцать шесть рублей в конфекционе готового платья Ландесмана, сидели мешковато, очень неудобно».

В настоящее время вывеску «Конфекцион» — магазин, в котором продается белье, платье, костюмы и т. д., предназначенные для массового потребителя — заменили другими: Готовое платье. Костюмы. Верхняя одежда.

В больших универмагах и некоторых промтоварных магазинах сохранились конфекционы — отделы, секции готового платья и белья. «Секция женского конфекциона расположена на Садовой и Перинной линиях Гостиного двора» (из объявления Ленинградского радио 25 декабря 1971). Возможно, в этих значениях и встретила Т. С. Красильникова слово *конфекцион* в художественных произведениях советских писателей.

В. Н. Сергеев

Так тосковали руки...

Талантливая повесть вологодского писателя Василия Белова «Привычное дело» — реалистическое, народное по духу произведение о человеке-труженике, в котором автор разглядел такую нежность, доброту и душевную щедрость, что с каждой страницы его книги веет теплом и любовью к человеку. Газета «Правда» (3 марта 1967) справедливо отмечала, что эта повесть стала значительным событием среди произведений истинно гражданской литературы о деревне.

Выразителен и сочен язык повести. Нарочный характер языка В. Белова достигается органическим слиянием в словесной ткани его произведений элементов литературного языка, просторечия и диалектной речи, севернорусских, и прежде всего вологодских, говоров.

В повести «Привычное дело» встречаются диалектизмы разных типов: лексические (собственно лексические и этнографические), семантические, фразеологические, грамматические (морфологические и синтаксические), словообразовательные, фонетические.

Наиболее употребительны лексические диалектизмы. Элементы вологодской лексики отмечены в речи как главных (Иван Африканович, Катерина, Мишка, Евстолия), так и эпизодических героев повести. Из числа лексических диалектизмов укажем слово *баской* 'красивый': «Меня не любят девушки, только бабы небаские, да и то за денежки» (в частушке, которую поет Мишка-тракторист).

Прилагательное *баской* образовано от существительного *баса* 'краса', 'красота'. Словари современного русского литературного языка не содержат этого слова. В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» приводит в словарной статье *баса* глагол *басить* с пометой «северо-восточное». По данным областных словарей, в олонекских говорах *баской* 'хороший', 'красивый', в архангельских — *баской*, *басой*, *басистый* 'красивый', 'нарядный', в ярославских — *баской*, *басой* 'нарядный', 'щеголеватый', 'хороший', 'красивый', в сибирских — *баской* 'красивый', в псковских — *баской* 'красивый', 'хороший', «Словарь русских народных говоров» (М.—Л., 1966) свидетельствует о широком распространении упомянутого слова в говорах, и прежде всего в севернорусских.

В речи героев повести отмечены также следующие собственно лексические диалектизмы: *багоз* 'палка', 'посох'; *божат* 'крестный отец'; *божатка* 'крестная мать'; *браган* 'двоюродный брат'; *гоношиться* 'хлопотливо заниматься хозяйственными делами по дому'; *грамотка* 'бумага с написанным от руки текстом'; *домовина* 'гроб'; *загорода* 'огород при доме', 'приусадебный участок'; *оболокться* 'одеться'; *отпышкаться* 'отдышаться'; *полица* 'деревянная полка'; *поскотина* 'пастбище, огороженный выгон для скота'; *угор* 'возвышенность', 'холм'; *унегать* 'утомить' и др.

Описывая северную природу и быт своих героев, В. Белов охотно прибегает к использованию этнографических диалектизмов. Цель их употребления — создание местного колорита, реалистическое описание обстановки, которая окружает героев повести. Например: *куть* 'часть избы, предназначенная для кухни, где помещается русская печь, полка для посуды и кухонной утвари'. «Чую, в куте половица скрипнула...» (Евстолия); *сенник* 'холодная комната в крестьянской избе, отделенная от теплой сенями', 'чулан'. «В Ньюшкином-то сеннике кто три дни отсиживался?» (Евстолия); *поветь* 'помещение под навесом в крестьянском дворе для хранения хозяйственного инвентаря, сена'. «...Взял топор, боком, бодрясь, пошел на поветь» (Катерина).

В речи героев используются и так называемые семантические диалектизмы, то есть случаи, когда слово, известное и литературному языку, имеет специфически диалектное значение. Таково слово *чуять*. Этот глагол отмечен в значениях 'слышать', 'чувствовать', причем в первом значении не только в речи персонажей, но и в авторской, а во втором — лишь в авторской речи; глагол *чуяться* (только формы прошедшего времени) — в значениях 'слышаться', 'чувствоваться' только в авторской речи: «Вот, милая, только я задремала на печи-то, чую, в куте половица скрипнула» (Евстолия); «Где-то вдальке чуялись бравурно-печальные крики изнемогающей в полете журавлиной стаи» (авторская речь).

Герои, наделенные по воле автора чувством юмора, употребляют фразеологические диалектизмы: «Тут уж, ежели я вышел, мне встречь слова не говори и под руку не попадай, у меня рука кому хошь копоти нагонит...» — образно говорит о себе Иван Африканович; «Вон и деревню видно, сдадим мы товар, самовар поставим, нам теперь *все вчера до обеда*» [всё нипочем] (Иван Африканович).

Лексические, семантические и фразеологические диалектизмы обычно не разъясняются в тексте (такова особенность стиля писателя), так как значение диалектного слова или оборота понятно из контекста.

В отдельных случаях (они единичны в повести) в речи персонажа в одной фразе паряду с лексическим диалектизмом употребляется его литературный синоним. Сам герой прямо или косвенно разъясняет значение диалектного слова: «...а *домовину-то* Федор строгад, я угольков-то разожгла в чугушке да обнесла, обкурила *гроб-от*» (Евстолия); «Я их на *чуночках*, на *санках* то есть» (Иван Африканович); «Я ему всурьез, а он только *бухтины гнуть*. Только знаешь *языком плести*», — говорит старику Курову бойкая бабенка Дашка-Путанка.

Лексические диалектизмы многочисленны и в авторской речи. Это особенность стилиевой манеры Белова. Подавляющее большинство лексических диалектизмов в авторской речи, по нашему мнению, стилистически оправдано. Их употреблением достигается большая достоверность изображения действительности, авторская речь приобретает непринужденный разговорный характер, сближается с речью героев. Стилистическая целесообразность употребления лексических диалектизмов особенно очевидна в тех случаях, когда автор излагает мысли персонажей от своего лица, то есть в так называемой «свободной косвенной» или «несобственно-прямой речи».

«Ой, Путанка лешева, не зря трясла подолом в поскогине, когда ходили городить лесной огород!». Это пример несобственно-прямой речи. Белов передает здесь воспоминания Екатерины. Или — Катерина возвращается из больницы; автор знакомит читателя с ее мыслями: «Тихо. У всех ворот *багоги*, видно уж и на силос косят. *Багог* и в скобе у своих ворот».

Обилие лексических диалектизмов объясняется и тем, что авторская речь в количественном отношении преобладает в повести (особенно если иметь в виду также несобственно-прямую речь) над речью персонажей. Вот некоторые примеры: *багог*, *загорода*, *ворота*, *полица*, *поскогина*, *угор*, *костер*, *двор* — ‘поленница дров’, *лыва* ‘болото’, *обряжаться* ‘управляться по хозяйству: убирать избу, топить печь, кормить скот’ и т. д.; *огород* (также и в форме женского рода — *огорода*) ‘забор’; *очеп* ‘длинный шест, прикрепляемый к потолку, на нем качается детская колыбель’, *пожог* ‘костер’ (в поле, в лесу); *стайка* ‘помещение для скота’, ‘хлев’; *портомой* ‘плот или другое устройство на реке для стирки и полоскания белья’; *чапыжник* ‘частый кустарник’.

Очень интересная стилистическая особенность повести, одно из средств достижения образности — метафорическое употребление диалектизмов в авторской речи: «И опять *зашаялась* в сердце скорбная горечь»; «И сразу все успокоились, доверительные разговоры *зашаялись* в трех местах». Слово *шаяль* ‘гореть без пламени, тлеть’, по данным областных словарей русского языка, — принадлежность севернорусских говоров; «В белой пыли большой дороги захлебывались, *пышкали* машинные скаты: отпускники валили гужом» — *пышкать* ‘тяжело дышать, задыхаться’ не отмечено словарями современного русского литературного языка.

Употребление некоторых (немногих) лексических диалектизмов в речи героев и особенно в авторской речи, по нашему мнению, не вполне оправдано: «А вот хопь, сейчас привернем? Хоть сейчас и сосватаю!» (Иван Африканович); — А что, думаешь *сгузаю?*» — отвечает Ивану Африкановичу Мишка. Глагол *сгузать* (*сгузатъ*) не отмечен словарями русского литературного языка. Контекст едва ли помогает читателю понять значение диалектного *сгузаю*. Только обращение к Словарю В. И. Даля, а также к диалектным словарям русского языка позволяет понять его значение: *гузать* 'пятиться, не устаивать в слове', 'робеть', 'трусить', 'отказываться' — «вологодское» (Словарь В. И. Даля).

«Мшистый *колодник* не давал идти, сучья древних сушин держали за *фуфайку*» (речь автора). Из контекста лишь до известной степени можно предположить, что имеются в виду, по-видимому, какие-то болотные растения, но так ли это, не вполне ясно. В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» *колодник* дано с пометой «областное» в значении 'бурелом'.

«Подошел другой, знакомый Рогуле мужик, пахнувший трактором и табачным дымом, сел на *стелюгу*». Из контекста читателю едва ли ясно, что такое *стелюга*. Словари современного русского литературного языка не содержат этого слова. В Словаре В. И. Даля находим: *стелюга* 'долгое тонкое бревнышко (в лесах на стройке), настилка, стлань', 'козлы для штукатуров и маляров'. Почувствовав, по-видимому, что этот диалектизм может быть непонятен читателю, В. Белов на той же странице повести косвенно разъясняет значение слова. «Ее черно-пестрая шкура [речь идет о корове] висела на коромысле внутрь шерстью, а на четырехугольной деревенской *стелюге*, на которой пилят дрова, лежала и остывала большая Рогулина голова». Лишь теперь становится очевидным, что *стелюга* — 'козлы, подставка для пилки дров'. Словообразовательные диалектизмы отмечены преимущественно в речи героев повести: *бабицы* 'бабы', *зоотехница* 'женщина-зоотехник', *работальницы* 'работницы', *матка* 'мать', *поотдохнуть* и другие.

Существительные мужского рода с суффиксами *-ушк*, *-ишк*, *-к*, обозначающие лицо и имеющие в именительном падеже единственного числа окончание *-о*, изменяются в вологодских говорах в отличие от литературного языка по образцу второго склонения. Эта диалектная особенность нашла отражение в речи героев повести: «А вот мы с *Ванюшкой* и пробудились, вот мы с миленьким проголодались» (Катерина); «Я *мальчишко-хулиган*, меня не любят девушки...» (Мишка).

Имена прилагательные мужского рода с твердой основой имеют в вологодских говорах как ударное, так и безударное окончание *-ой*, с мягкой основой *-эй*. Эта местная особенность нашла

широкое отражение в повести в речи персонажей: «Вон из-за него *озимой* сев срываем» (председатель колхоза); «Не *пьяной*, парень... *Голодной*...— еле вымолвил Иван Африканович»; «Кот-от у нас *тяжелой* на ногу» (Евстолия).

Под влиянием главным образом орфографии носители вологодских говоров усваивают в настоящее время безударные флексии *-ый, -ий* в именах прилагательных. Эти живые процессы, происходящие в говорах, нашли отражение в речи персонажей анализируемой повести: «...пошли мы в тыл к немцу,— рассказывает Иван Африканович,— Мишуха *рязанской*, да татарин Охмет, да наших вологодских двое, *усть-кубинский* Сапогов Олешка и еще один...»; «И чую, будто бы голос, до того *явственный, тихой* такой голос, вроде как бабушка-покойница говорит...» (Евстолия).

Формы инфинитива на *-гчи* наблюдаются во многих вологодских говорах. Сравни в речи Ивана Африкановича: «Заказала бы с кем, встретил бы, лошадь долго ли *запрягчи*». В речи героев повести отражены и некоторые синтаксические особенности вологодской речи. Такова конструкция «предлог *по* с винительным падежом существительного в значении цели»: «Вон по мышей пошел по капусте...» (Куров); повторение предлога перед определяемым словом и определением — черта чрезвычайно характерная и для языка фольклора: «*От старшой-то, от Таньки-то* ходят письма?» (Степановна); «Не много и жить осталось, леший *с ней и с жизнью-то*» (Пятак).

Для подчеркивания, выделения отдельных слов, относящихся к категории имени, в вологодских говорах, как и в севернорусском наречии вообще, широко употребляются постпозитивные частицы *то, от, та* и т. п., особенно часто встречается *-то*: «А и ты-то парень у нас не худой, чего говорить» (Иван Африканович); «Вот только бы ее выносить, а Иван-от в избу, да с порога на гроб-от и хлесть...» (Евстолия); «Медаль-ту за какие тебе позиции выдали? Больно хорошая медаль-то» (Куров).

В вологодских говорах, как и в большинстве севернорусских, употребляется частица *дак*, имеющая выделительно-усилительное значение. Часто она употребляется, как бы заключая высказанную мысль: «Дак ты-то какова здоровьем-то?» (Евстолия); «А вот когда в Сибире был, *дак*...» (Куров).

Грамматические диалектизмы почти фотографически отражают диалектные явления, свойственные вологодским говорам. Фонетические диалектизмы, отличаясь меньшей эмоциональностью, в повести сравнительно малочисленны и

наблюдаются только в речи героев — представителей старшего поколения (старики Куров, Федор, Степановна, Иван Африканович).

Из числа фонетических явлений, характеризующих вологодские говоры, в речи героев повести находят отражение следы полного оканья: «Захожу, а в каштерке все мои дружки: и *Олешка* Сапогов, и татарин *Охмет*, ну и Мишуха рязанский там был» (Иван Африканович); «...В этой войне было, значит, сперва только два героя, это Матросов *Олександр*, да Теркин...» (Федор); «Только мужиков смущает, *согона* полосатой» (бабы).

В речи старух Евстолии и Степановны отражается произношение *и* на месте *е* (ѣ) под ударением перед мягкими согласными: «Приди уж, Степановна, в сорочины-ти, приди, шестая *нидилькя* ведь пошла, шестая...» (Евстолия); «Ой, ой, хоть бы *нидильку*, *нидильку*...» (Степановна).

Нашла отражение в речи героев повести и такая особенность многих вологодских говоров, как твердое произношение долгих щипящих: «Попробуй,— говорят,— лейтенанту пожалуйся, мы тебе *ишшо* навешаем» (Иван Африканович); «Как думаешь, не будет *дожжа-то?*» (бригадир). Писатель также показал в речи персонажей диссимиляцию согласных в сочетаниях *кт*, *чн*: «Я говорю, что Дрынова *хто* зазмет? *Нехто*...» (Иван Африканович); «...бывало, бежишь по мосту весь *празднишной*, дак копытки-ти у тебя так и брыкают...» (Иван Африканович).

Таковы некоторые наблюдения над использованием диалектизмов в повести В. Белова «Привычное дело».

Л. А. Булаховский писал: «Можно назвать ряд писателей, у которых любовь к крестьянской речи и стилизация под нее становятся типическими чертами их собственного слога. К таким можно причислить... В. Даля, П. Мельникова-Печерского, С. Максимова, из наших современников такого прекрасного мастера, как М. Шолохов..., А. Чапыгина, Ф. Панферова..., Л. Леонова... и ряд других; в стихотворной форме — Демьяна Бедного, Твардовского, Яшина и т. д.» (Курс русского литературного языка. Киев, 1952, стр. 71).

Мы отнесли бы сюда и Василия Белова, которому, по нашему мнению, удалось достичь удивительного единства содержания произведения и его формы — языка.

Т. Г. ПАНИКАРОВСКАЯ

Вологда

УСТАРЕВШИЕ СЛОВА

Устаревшие слова существуют только для данного периода развития языка. Само понятие «устаревшее» предполагает непрерывное соотнесение с современным этапом: оно исторически обусловлено. Характеристика «устаревшее» — это суждение о тех или иных элементах языка с точки зрения его сегодняшнего состояния. Группа устаревших слов, обычно называемых архаичными, может быть выявлена и исследована в определенном периоде в сопоставлении с теми языковыми явлениями, которые имеются в предшествующей эпохе. Вследствие этого изучение, скажем, архаичной лексики в древнерусском языке, обычно ограниченном рамками XI—XIV веков, чрезвычайно затрудняется, так как здесь почти нет объективных критериев для хронологического сравнения слов, имеющих одно и то же значение, то есть для слов-синонимов. Правда, мы можем исходить из того, что язык церковных памятников ориентировался на более древнюю лексику и эта ориентация имела свою давнюю и жесткую традицию. В языке светских памятников (грамматах, повестях, летописях) в значительно большей степени отражалась живая речь, именно в язык этих памятников проникали в первую очередь новые слова и обороты.

В группу устаревших слов принято включать собственно архаизмы и историзмы. Историзмы возникают вследствие развития социально-общественной и культурно-экономической жизни. Названия предметов, вещей, действий, обозначения людей по социальным и производственным признакам выходят из употребления главным образом потому, что перестают существовать в силу исторических закономерностей те самые явления, которые назывались этими словами: смерд, кмет, бортничать, опричник и т. д. Архаизмы — это слова, вышедшие из употребления прежде всего в силу развития самого языка, они подвержены в большей степени, чем историзмы, воздействию собственно лингвистических законов развития. Однако социальные и языковые факторы выступают в тесном и динамическом единстве, и поэтому мы имеем право говорить о преимущественном влиянии тех или иных закономерностей.

Наличие в лексической системе языка современных слов, тождественных по своему значению словам-архаизмам, неоднократно отмечалось в лингвистической литературе. Для архаизмов устанавливается синонимическая соотнесенность с современными словами (одёсную — справа, выя — шея), причем эта соотнесенность выводится не на основании источников, относящихся к старорусскому или древнерусскому периоду, но базируется на современном употреблении архаичных слов. Установление синонимической связи возможно лишь внутри одной лексической системы. Следовательно, архаизмы относятся к системе современного языка.

Необходимо учитывать и то, что при наличии в языке нескольких слов, одинаковых по значению, далеко не всегда побеждает слово, возникшее позже других. Так, слово *виктория* стало активно использоваться в русском языке в Петровскую эпоху. Его синоним *победа* существовал и в период древнерусского языка. Однако в дальнейшем слово *победа* сохранилось в русском языке, а *виктория* вышло из употребления. Историзмы не имеют современных абсолютных синонимов — они относятся к иной (или иным) лексической системе (не современной). К историзмам одинаково относятся слова, переставшие функционировать и двадцать лет назад, и несколько сот лет: *рагаи, шишак, нэпман, гестаповец*.

В группе архаичных слов происходит непрерывное движение. Она и пополняется за счет слов, выходящих из широкого употребления, и вместе с тем уменьшается. То, что сейчас воспринимается как устаревшее, через некоторое время может получить как бы второе рождение. Так, слова *воочию, врачевать, ныне*, отмеченные в Словаре Д. Н. Ушакова как устаревшие, в 40—50-х годах стали нейтральными.

А может ли историзм получить второе рождение? По всей видимости, не может, так как это бы означало и воссоздание того самого явления, которое данное слово называло в прошлом. И если в современном русском языке функционируют такие слова, как *указ, министерство* и т. д., то они обозначают объекты, качественно иные по сравнению с прошлым. Более справедливым здесь было бы говорить об «исторических омонимах». Что касается архаизмов типа *воочию, врачевать, ныне*, то их значение не претерпевает сколько-нибудь существенных изменений.

Остановимся на вопросе использования устаревших слов в текстах различных жанров и стилей. В первую очередь надо пояснить специфику их употребления в языке художественной литературы при стилизации, когда данный круг лексики не соотносится с современным этапом языка. Здесь происходит как бы переход в иную языковую эпоху, когда историзмы и архаизмы собственно таковыми не являлись.

Активность исторической лексики в произведении на историческую тему во многом зависит от творческой манеры автора. В романе В. Язвицкого «Иван III государь всея Руси», например, широко используются древнерусские наименования различных лиц и предметов: *аксамит* (бархат), *еловец* (полированная верхушка ка шлема или перья на шлеме), *тиун* (сборщик податей), *отрок* (молодой воин из дружины князя) и т. д. Архаическая лексика употребляется и в авторской речи, и в прямой речи персонажей: «*Исполать* [многие лета, долгие годы] тебе, отец наш князь Юрий Ингварович!».

В то же время в исторических повестях В. Пановой «Лики на заре» почти нет устаревших слов, а в романе А. Толстого «Петр I» архаичная лексика настолько органически вплетается в языковую ткань повествования, что переход от стиля, свойственного XVIII веку, к стилю современному происходит незаметно для читателя. Вот пример из романа: «Что они надеются: я после сей *конфузии* буду просить мира?». А вот из подлинного письма Петра I: «Я надеюсь, что неприятельское наступление воспримет *конфузию*». В языке романа сохраняется, в частности, синонимическое использование пары *победа — виктория*, причем первое слово употребляется в авторской речи, а второе — в прямой: «Шло молебствие о даровании победы русскому оружию над супостатъ»; «Господину бомбардиру виват! С великою викторией!».

В языке поэтических произведений на историческую тему архаичной лексике отводится та же роль, что и в языке прозы:

На конях князя разъезжали
в *шишаках* узорных,
кметы ж в лаптях врагов отражали
в тех боях упорных!

А с е в. Богатырская поэма

Часто в языке поэзии используются устаревшие слова, которые в описываемую автором эпоху вообще не употреблялись.

Боярин лепечет — умора! —
называет *полушку* аршином

С о с н о р а. Боярин

В последнем примере речь идет о событиях XI—XII веков, но ни полушки, ни аршина в этот период не было, они появились позже. Если в языке прозы автор более строго соотносится с требованиями описываемой эпохи (нарушения воспринимаются как грубые историко-лингвистические «ляпы»), то в поэтическом произведении установка несколько иная: чтобы передать колорит XII века, достаточно внести элементы языка хотя бы XVI века. Важно,

чтобы эти элементы воспринимались как устаревшие по отношению к современному языку. Таким образом, основная ориентация при стилизации исходит из требований языка, на котором пишет автор, но не из требования языка той эпохи, о которой идет речь в произведении.

Особенностью архаичной лексики вне стилизации является выражение повышенной экспрессии, которая становится очевидной на фоне нейтральной общеупотребительной лексики и которая в словарях обычно обозначается пометой «высокое». Речевой фон, совокупность языковых средств служит тем «индикатором», благодаря которому проявляется стилевая специфика устаревшего слова. Здесь, то есть в любой языковой сфере, кроме стилизации, приходится говорить о преимущественном употреблении архаизмов, но не историзмов.

Употребление архаичных слов в торжественно приподнятых текстах является своего рода каноном, особенно свойственным стихотворной речи:

И обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.
Пушкин. Пророк

Туда, к мировому здоровью,
Наполнимте солнцем глаголы.
Хлебников. Ладомир

Подчеркнутая экспрессия характерна для архаизмов при использовании их в сопоставлении с современными словами-синонимами. При этом возникает некий лингвистический парадокс — слова-синонимы становятся антонимами:

У жены твоей
очи,
и не губы —
уста.
Казаква.
«У жены твоей — очи...»

В основе противопоставления *губы — уста* лежит не только стилевое различие, но и различие в обозначаемом понятии: архаичное слово называет объект, «совершенный в своем роде», архаизм получает дополнительный эстетический оттенок, и именно этот оттенок позволяет соотносить тождественные по смыслу слова как антонимические.

Однако «высокость» архаичной лексики имеет условный характер. В ряде случаев у архаизмов появляется оттенок, противоположный «высокому». Он может служить комическим средством разной степени — и иронии, и сатиры: «Уйди, Птибурдуков, не тебе по шее, по *вые* то есть вам я надаю» (И. Ильф, Е. Петров. Зо-

лотой теленок). В данном примере не случайно слово *шея* входит в одно сочетание с местоимением *ты*, а *выя* — с вежливо-официальным *вы*. Вот еще более интересный случай использования архаизма и его современного синонима:

Отсветы. Отблески. Блики.

Пятна белил и гуаши.

Наши безгрешные *лики*.

Лица греховные наши.

Левитанский.

«Время, бесстрашный художник...»

Здесь употребление «высокого» *лики* и «нейтрального» *лица* сочетается с использованием прилагательных *безгрешные* — *греховные*. Прилагательные-антонимы оказывают непосредственное влияние на восприятие слов *лики* — *лица*: противопоставляются не определяемые, а определяющие, отсюда возникает несовместимость, антонимичность слов *лики* — *лица*.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что архаизмы, в первую очередь те, которые связаны с обозначением внешности человека (уста, очи, ланиты и т. д.), могут обыгрываться по-разному, в зависимости не столько от специфики того или иного стиля, сколько от конкретной речевой ситуации и цели высказывания. Особый случай составляет употребление архаизмов в переносном значении, что придает тексту наибольшую торжественность:

Пусть Лобачевского кривые

Украсят города

Дугою над рабочей выей

Всемирного труда.

Хлебников. Ладомир

Имеют ли историзмы те же особенности употребления, что и архаизмы, распространяется ли на них тот же языковой процесс? Если мы обратимся к словарям, то обнаружим, что здесь отражены наиболее часто употребляемые и широко известные по своему значению историзмы. Но практически круг «исторической» лексики не может быть охвачен: каждый автор имеет право воспользоваться любым словом, обозначающим какое-то явление прошлого, если это отвечает целям и задачам его произведения. Об употреблении историзмов при стилизации мы говорили ранее. Здесь же отметим следующее: ряд историзмов потеряли свою непосредственную связь с обозначаемым. Прежде всего сюда относятся слова, называющие человека по его социально-общественному положению.

Так, например, слова *лакей*, *чиновник*, употребленные в языке русской литературы дооктябрьского периода, не были историзмами. Но в языке современного произведения подобные слова теряют свое предметное значение, они выражают обобщенную социальную

характеристику: «...открыл форточку и крикнул проходящим конным полицейским: „Палачи, *опричники*...“» (А. Толстой. Хождение по мукам). С точки зрения современного русского языка здесь наличествует два историзма: *полицейские* и *опричники*. С точки зрения героя описываемых событий, Рощина,— один — *опричники*. Слово *опричники* является экспрессивной оценкой по отношению к *полицейские*.

А вот пример более «юного» историзма, использованного с аналогичной экспрессивной установкой: «Он вдруг с бешенством вырвал у меня руку.— Вот палач,— прошипел он.— *Гестаповец*...» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Хищные вещи века). Обращает на себя внимание тот факт, что слова *опричники* и *гестаповец* стоят в одном ряду с другим словом, также экспрессивно окрашенным,— *палач* (*палачи*). Оба историзма представляют собой наивысшую отрицательную оценку того лица (тех лиц), к которому обращается персонаж. По-видимому, историзмы, пережившие свое старое значение, соотносимое с конкретным объектом, типа *опричник*, *лакей*, *гестаповец* и т. д., переходят в разряд экспрессивных слов только с отрицательной характеристикой.

В подобном употреблении эти слова лишь внешне сходны с «исторической» лексикой. В живой современной речи рассматриваемые слова нередко применяются как символы резко отрицательного качества. Социальные в своей основе, эти слова переходят в разряд морально-этических. Следовательно, подлинное «лицо» историзма, как и архаизма, может быть выявлено лишь на основании непосредственного исследования контекста с учетом жанра и стиля произведения, а также творческой манеры автора.

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

I

Исправьте предложения

1. Герой этой повести — мелкий чиновник, который работал в департаменте.
2. Отец Василия Стрешнева жил в небольшом поселке под Софриным.
3. Плохо подобранная спортивная обувь затрудняет свободу движений и вызывает быструю утомляемость.
4. Брат мой, Евгений, страстный поклонник рыбного спорта.

II

Подберите синонимы к союзам *едва* и *как*

(Ответы на стр. 123)

«А НАРОД-ТО НАД НИМ НАСМЕЯЛСЯ...»

Нередко в разговорной речи можно услышать: «Опять ты *надо мной надсмеаешься*»; или: «Граждане, правильно *оплачивайте за проезд*». Нетрудно заметить, что в этих примерах главное слово — приставочный глагол или существительное, однокоренное с приставочным глаголом.

По какой же причине в словосочетаниях с приставочными глаголами возникают ошибки?

Если заглянуть в прошлое языка, то окажется, что у приставок интересная история. Они произошли от предлогов и первоначально отличались от них лишь тем, что предшествовали глаголу, в то время как предлоги следовали за глаголом. Даже в работах русских грамматистов XIX века, например в «Практической русской грамматике» Н. Греча (СПб., 1834), в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» И. Давыдова (СПб., 1852), приставки называются «предлогами, употребляющимися слитно с глаголами, в отличие от предлогов, употребляющихся раздельно».

В процессе употребления приставочных глаголов приставки все прочнее срastаются с производящей основой. В современном русском языке наряду с такими приставочными глаголами, в которых приставка легко отделяется от производящей основы, например, *при-бежать*, есть и такие, в которых приставку можно выделить, только сопоставляя глагол с однокоренным приставочным глаголом: *привыкнуть* — *отвыкнуть*.

На протяжении XIX века непрерывно увеличивается количество приставочных глаголов. Новые глаголы образуются главным образом при помощи приставок, поэтому приставочное словообразование становится самым продуктивным способом образования. Одновременно с увеличением количества приставочных глаголов происходит значительный рост предложных словосочетаний. Так вместо *входить воротами* в XIX веке стали говорить *входить через ворота*.

Однако этот процесс не был прямолинейным, иногда встречались и обратные замены. Если мы обратимся к словарю-справочнику «Правильность русской речи» (М., 1965), то убедимся, что, например, глагол *касаться* в значении 'иметь отношение к кому-, чему-нибудь' употребляется с существительным (местоимением) в родительном падеже без предлога: «Эта кажущаяся доброта всегда представлялась ему по существу не чем иным, как просто желанием пройти мимо чужого горя, постаравшись *не коснуться его...*» (Симонов. Дни и ночи). В художественной литературе XIX века глагол *касаться* в том же значении встречается с предлогом: «Через час приходи ко мне в кабинет: там я тебе покажу недавно присланные бумаги, которые *касаются до тебя*» (Лермонтов. Странный человек).

Уже давно русские лингвисты обратили внимание на то, что некоторые приставочные глаголы обладают интересным свойством. Они требуют зависимых слов в определенной падежной форме с предлогом, соответствующим по значению приставке. Предлог как бы подчеркивает и усиливает тот оттенок значения, который вносит приставка.

Действительно, половина имеющихся в русском языке приставок соответствует по значению тем предлогам, от которых они произошли: *в-* — *в* (въехать в город); *до-* — *до* (дочитать до конца); *за-* — *за* (зайти за товарищем); *от-* — *от* (отбегать от волны); *на-* — *на* (наклеить марку на конверт). Приставки могут соотноситься с неродственным предлогом. Например приставка *при-* произошла от предлога *при*, но затем полностью разошлась с ним по значению и стала соотноситься с неродственным предлогом *к*. А предлог соотносится с параллельной по значению приставкой *при-*: привыкнуть к суровому климату.

Но даже одна и та же приставка может вести себя по-разному: с одними глаголами она требует зависимых слов с соответствующим предлогом, а с другими — зависимых слов с предлогом, не соответствующим приставке. Глаголы с приставкой *на-*, имеющие значение 'натолкнуться на предмет', требуют соответствующего по значению предлога:

Волна *на волну* набегала,
Волна погоняла волну...

Л е р м о н т о в. Тамара

А глаголы с приставкой *на-*, имеющие значение 'отнестись к кому-либо с насмешкой', требуют зависимых слов с предлогом, не соответствующим приставке: «А народ-то *над ним насмеялся...*» (Пушкин. Сказка о рыбаке и рыбке).

Такой же сочетаемостью обладает однокоренной глагол без приставки и глаголы, близкие по значению: смеяться, издеваться,

путить над кем-либо. Ошибочная замена приставки *на-* приставкой *над-* происходит вследствие того, что говорящий стремится сохранить соответствие приставки и предлога. Можно привести словосочетания, где соответствие приставки *над-* и родственного предлога является нормативным: «[Нехлюдов], которого она любила, бросил ее, *надругавшись над ее чувствами*» (Л. Толстой. Воскресение).

Однако заметим, что таких примеров мало, так как в языке глаголов с приставкой *над-* немного. И все-таки у говорящих возникает стремление сохранить соответствие *над-* — *над*. Это можно объяснить тем, что стремление к соответствию между приставкой и предлогом очень сильно в языке. Под давлением этой тенденции соответствие приставки и предлога сохраняется и в тех случаях, в которых оно противоречит норме.

Иногда нарушение правил сочетаемости может быть вызвано стремлением сохранить соответствие предлога и приставки. Так, глаголы *отобрать* и другие глаголы с приставкой *от-*, обозначающие 'отнять, получить что-либо в распоряжение деятеля', требуют уточнителя в форме родительного падежа с предлогом *у*: отобрать что-либо у кого-либо. Ошибочное употребление глаголов с предлогом *от* (отобрать от него) возникает по аналогии с теми глаголами, которые требуют зависимых слов с предлогом *от* (отступить от правила, отговорить от прогулки).

Большая часть глаголов с приставкой *при-* обладает свойством требовать дательного падежа с предлогом *к*: «Дождь *прижимал* в открытом море *к* серым, медленным *волнам дым* из трубы парохода...» (Паустовский. Героический юго-восток).

По какой же причине возникают ошибочные сочетания глагола *привыкать* с формой предложного падежа? Например: привыкнуть на новом месте; привыкнуть к старой квартире. Действительно, трехсловные сочетания (привыкнуть к обстановке на новом месте; привыкнуть к условиям в старой квартире), где зависимые слова в форме предложного падежа распространяют не глагол, а относятся к словосочетанию «глагол» плюс «уточняющее слово в форме дательного падежа с предлогом *к*». В приведенных выше трехсловных сочетаниях с глаголом *привыкнуть* наиболее важные в смысловом отношении уточняющие слова *на новом месте, в старой квартире*, в то время как уточнители *к обстановке, к условиям* не столь существенны для высказывания. Неудивительно поэтому, что в разговорной речи именно уточняющие слова в форме дательного падежа с предлогом *к* часто опускаются говорящими, и тогда возникают двусловные сочетания просторечного характера.

Теперь о глаголе *оплатить* и близких к нему по значению — *окупить, оплакать, оценить* и др. Они требуют уточняющих слов

в форме винительного падежа без предлога: окупить расходы, оценить вещь. Ошибочное употребление предлога с глаголом *оплатить* происходит под влиянием процесса роста предложных словосочетаний и возникает вследствие смешения с сочетаемостью соответствующего глагола без приставки (платить за проезд), а также однокоренных глаголов с другими приставками: заплатить, выплатить, доплатить, уплатить, переплатить за что-нибудь. (Об истории глагола *оплатить* можно прочесть: Н. И. Тарабасова.— Сб. «Вопросы культуры речи». Вып. 4. М., 1963.)

Все приведенные выше нарушения норм речи не случайны, а закономерны в том отношении, что они связаны, как правило, с сильными в языке процессами и возникают часто под влиянием аналогии с теми или иными нормативными словосочетаниями.

Г. А. БРУСЕНСКАЯ

ЭКСПРЕССИВНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ

Как лучше сказать: *маленький (низенький) дом* или *маленький (низенький) домик*? Подсознательное чувство подсказывает нам, что второй вариант почему-то уместнее, предпочтительнее. Действительно, прилагательные с уменьшительно-ласкательными или иными оценочными суффиксами «охотнее» вступают в сочетания с существительными в подобной же форме. Русская классическая и современная литература убедительно свидетельствует об этом.

Словосочетания *маленький (низенький) домик* находим у Гончарова, Чернышевского, Тургенева, Достоевского, Писемского, Григоровича, Чехова, Шолохова, Гайдара, Лаптева, Мальцева и многих других писателей. Прилагательное *остренький* также чаще встречается в сочетании с существительными в уменьшительно-ласкательной форме: *остренький носик* (Тургенев, М. Горький), *остренькая бородка* (Л. Толстой, Куприн, М. Горький), *остренькое личико* (И. Никитин, Березко), *остренькие глазки* (Достоевский, Панферов, Николаева). Значительно реже наблюдаются сочетания типа: *остренький нос* (Слонимский), *остренькие глаза* (Тропольский).

Стремление к стилистическому уподоблению компонентов словосочетания приводит иногда к употреблению редких (оказиональных) форм существительных: «Чадаев постоял недолго, привлекая на себя остренькое вниманьице хозяина» (Леонов. Бродяга); «Грешный я человек, не знаю его, но уж сужу: мне кажется, что он большущий шарлатанище» (Чехов. Письмо К. С. Баранцевичу).

При наличии нескольких прилагательных-определений с уменьшительно-ласкательными суффиксами определяемое существительное почти всегда употребляется в форме субъективной оценки: «На почетном месте сидел гость — низенький, толстенький человечек» (Гоголь. Майская ночь); «Я храню в памяти ее толстенькую и мпленскую фигурку» (Тургенев. Письмо Я. И. Полонскому); «Урядник следовал за ним верхом на кругленькой рыженькой лошадке» (Салов. Лес).

Об этом своеобразном явлении русской речи неоднократно упоминали А. А. Потебня и А. А. Шахматов, толкуя его как «согласование в представлении» и указывая на влияние уменьшительно-оценочных суффиксов имен существительных на форму согласующихся с ними прилагательных. В. В. Виноградов назвал подобное уподобление компонентов сочетания «экспрессивным согласованием» (Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 240). В дальнейшем, однако, экспрессивное согласование — явление скорее стилистическое, чем грамматическое — не привлекало внимания исследователей. Остались неясными многие стороны этого языкового факта: всегда ли наблюдается экспрессивное согласование, каковы его стилистические функции, в чем заключена сама психологическая природа этого явления.

Бесспорно, что экспрессивное согласование — факультативно, то есть соблюдать его не обязательно: можно сказать и *маленький город* и *маленький городок*. И то и другое сочетание, с точки зрения грамматической нормы, безупречно. Однако писатели, мастера слова (Лермонтов, Герцен, Гончаров, Салтыков-Щедрин, Паустовский, Каверин, Горбатов и др.), отдают явное предпочтение второму сочетанию, компоненты которого стилистически уподоблены друг другу.

Отсутствие экспрессивного согласования, как показывают многочисленные факты, большей частью обусловлено невозможностью образования от определяемых существительных форм субъективной оценки: остренький вывод (М. Горький), молоденький боец (Бубеннов), молоденькая учительница (Ильенков).

Каковы же семантико-стилистические функции экспрессивного согласования? Во-первых, это усиление основной мысли, подчеркивается, усиливается фактический, реальный признак характери-

зуемого объекта (размер, рост, температура и т. п.): «Навстречу ему ползли низенькие хатки с низенькими оконцами, низенькие крылечки и плетни» (Сергеев-Ценский. Сад).

Во-вторых, это усиление эмоциональности фразы. Нагнетание слов (прилагательных и существительных), наделенных суффиксами субъективной оценки, усиливает экспрессию высказывания, создает «эмоциональную интенсивность», выражает отношение к факту или служит для характеристики персонажа, создания «психологического портрета»: «— Хорошенькая у вас квартирка... очень, очень даже удобенькая! — похвалил он» (Салтыков-Щедрин. Современная идиллия); «— С тобой только одним бывали у меня добренькие минутки, а то я ведь злой человек» (Достоевский. Братья Карамазовы); «— Возьми Анниньку за полненькую тальцу и прижми ее к своему сердцу» (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы); «— И сама-то хороша, да и состояньцо-то кругленькое. Один лес чего стоит» (Салов. Уютный уголок); «Он всегда улыбался в бородочку себе умненькой улыбочкой» (М. Горький. В людях); «— Личико твое, словно яблочко, ручки беленькие, добренькая ты...» (Жостылев. Иван Грозный).

Впрочем, провести четкую грань между первой и второй функцией экспрессивного согласования, смысловой или эмоциональной интенсификацией, не всегда удастся. Обозначение реальной степени признака и выражение субъективной оценки нередко в живой речи сопутствуют друг другу. Тут все зависит от контекста.

Психологическая природа экспрессивного согласования, очевидно, та же, что и у некоторых других приемов усиления (амплификация, то есть нагнетание синонимов, тавтологические определения, звуковые повторы, скопление однородных синтаксических конструкций и интонационных построений и т. п.), а именно: задержка и концентрация внимания на важном представлении путем повторения одних и тех же или родственных сигналов. Стилистически оправданное повторение облегчает восприятие и обычно повышает общий эмоциональный тон речи.

Словообразовательные возможности русского языка, позволяющие уподобить члены определительных сочетаний в форме субъективной оценки (что также является своеобразным видом повторения), значительно расширяют его стилистические богатства.

К. С. ГОРБАЧЕВИЧ

ГДЕ-ТО, В РАЙОНЕ

В редакцию «Русской речи» уже приходили письма о неправильном употреблении наречия *где-то* не в пространственном, а во временном или оценочно-обстоятельном значении («Русская речь», 1969, № 6).

В 1962 году Институтом русского языка АН СССР был издан словарь-справочник «Правильность русской речи. Трудные случаи современного словоупотребления». В этом справочнике на страницах 43—44 и 149—150 речь шла об употреблении наречия *где-нибудь* и существительного *район, в районе*: «В современной разговорной речи *где-нибудь, где-то* стали употребляться для обозначения приблизительного времени, неопределенного срока и т. п., например: „Совещание надо устроить не очень скоро, где-нибудь в ноябре, декабре“ (запись живой речи). И далее: «Неправильно употреблять это сочетание [в районе] со словами, обозначающими время, вместо наречий *около, приблизительно*: „Думаю, докладчику можно дать время что-нибудь в районе 40 минут“ (запись выступления); „Встретимся в районе двух часов“ (запись живой речи)».

Прошло десять лет, но с тех пор количество такого неправильного употребления слов *где-нибудь* и в *районе* не только не уменьшилось, а наоборот, на наш взгляд, увеличилось. Приведу лишь несколько примеров, взятых из газет, передач радио и телевидения в последнее время: «Нас (актеров) встречали где-то и радостно... где-то очень тепло» (из выступления по телевидению режиссера Красноярского краевого драматического театра); «Возможно, белые могли где-то сыграть энергичнее» (отчет о шахматном чемпионате. «Советский спорт», 7 октября 1971). Из отчета о том же чемпионате, но неделей раньше: «И она [молниеносная игра] началась в районе 30-го хода» («Советский спорт», 25 сентября 1971); и наконец: «Кому удастся стать первой командой континента, станет известно в пятницу, а точнее, видимо, где-то ближе к утру, в субботу» («Советский спорт», 1 октября 1971).

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» о словах *где-либо*, *где-нибудь*, *где-то* сказано, что они значат 'в каком-либо месте (неопределенном)': слово *район* (одно из значений) — 'место, пространство, в пределах которого совершается какое-либо действие или на которое распространяется действие чего-либо': 'место нахождения, расположения чего-либо': «...трясся на извозчике в районе Мещанских улиц и вдруг увидел ее [Никонову]» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Таким образом, видим, что везде говорится о месте, пространстве, месте нахождения, расположения. Мы стали свидетелями процесса приобретения этими словами временного значения, в дополнение к своему исконному значению места. Об этом говорят и приведенные примеры. Рассмотрим их, начав со второго: «Возможно, белые могли где-то сыграть энергичнее». Вероятно, автор хотел сказать, что белые в какой-то момент, в какое-то время могли сыграть иначе, лучше. В следующем примере (где-то ближе к утру) перед нами то же временное значение. Впрочем *где-то* в этом случае нам кажется совершенно лишним, так как все легко читается и понимается и без слова *где-то*.

Фразу «И она [молниеносная игра] началась в районе 30-го хода» можно было бы написать и так: «И она [молниеносная игра] началась с 30-го хода» (к тому времени, когда было сделано примерно 30 ходов). В примере «Нас (актеров) встречали где-то и радостно... где-то очень тепло» *где-то*, на наш взгляд, вообще лишнее. Речь идет ведь не о том, что в одном месте актеров встречали тепло, а в другом радостно. В этом трудно понимаемом примере говорится, видимо, о том, что актеров встречали и радостно и тепло одновременно. В живой речи мы часто слышим: «Встретимся где-то в районе восьми часов». В данном случае выражение *где-то в районе* теряет пространственное значение и приобретает значение временное, то есть происходит обратимость пространственно-временных отношений.

Как нужно относиться к явлениям такого рода? Ведь на наших глазах совершается определенный процесс в языке и выработать отношение к нему необходимо.

Примеры, приведенные выше, взяты из выступлений деятелей искусств, из речи радио- и телекомментаторов, журналистов, людей, прямо влияющих на речь как устную, так и письменную своих читателей, слушателей, зрителей. Видимо, здесь мы имеем дело с одной из разновидностей жаргона, мы бы назвали его «актерско-журналистским» (условно, конечно), своего рода манерой, при которой разнообразные способы выразить отношение к высказываемой мысли навязчиво заменяются одними и теми же *где-то*, *где-нибудь*.

В этом так называемом «актерско-журналистском» жаргоне *где-то* приобретает значение ‘в какой-то степени’, ‘в определенной мере’, ‘в каком-то отношении (смысле)’. Что касается выражения *в районе*, то здесь, видимо, мы имеем дело с влиянием профессионально-терминологической речи на общее употребление. В речи математиков мы встречаем выражение *в районе такой-то величины, порядка чего-нибудь*. Из этой математизированной речи могло войти (может быть, и вошло) в общее употребление выражение *в районе*, то есть это выражение стало употребляться в речи не только математиков, но и людей других профессий.

Такая манера вполне возможна и приемлема во «внутреннем», что ли, обиходе, но она, нам кажется, вряд ли уместна в публичных выступлениях, журнальных и газетных статьях. Очевидно, взяв пример с услышанного и прочитанного, молодые люди из радиоклуба кинолюбителей произносят следующее: «Фильм „Белое солнце пустыни“ сделан где-то очень весело». К чему здесь *где-то*? А без него разве нельзя? Или о фильме «Мертвый сезон»? «В общем где-то сделано не навязчиво». И опять без слова *где-то* обойтись можно.

Хотелось бы надеяться, что эта заметка «где-то» обратит внимание на богатые выразительные возможности русского языка и «где-то в районе» ближайшего будущего поможет избавиться от этой распространенной привычки, ставшей уже дурной модой.

В. С. ФИЛИППОВ

...Русский язык чрезвычайно богат, гибок и живописен для выражения простых, естественных понятий [...] В русском языке иногда для выражения разнообразных оттенков одного и того же действия существует до десяти и больше глаголов одного корня, но разных видов [...]

Что русский язык — один из богатейших языков в мире, в этом нет никакого сомнения.

В. Г. Б е л и н с к и й.

«КУЛЬТУРА СЛОВА»

Словацкий научно-популярный журнал «Культура слова» (Kultúra slova), как и «Русская речь», начал выходить в 1967 году (см. об этом «Русскую речь», 1968, № 2). За это время он проделал значительную работу, определил свое место среди других языковедческих изданий и завоевал авторитет сре-

ди читателей — любителей словацкого языка.

Журнал посвящен проблемам культуры словацкой речи и терминологии. При общности задач, стоящих перед подобного рода изданиями, в каждом славянском языке возникают специфические потребности, обусловленные языковыми и внеязыковыми факторами. Словацким литературным языком могли пользоваться со времени его возникновения самое большое пять поколений, но только в последние полвека он стал полноценным средством письменного и устного общения. Он вполне стабилизирован в своих формальных (морфологических и синтаксических) средствах, кодифицирован в области орфоэпии и правописания, лексико-семантическая сторона его отражена в недавно завершеном «Словаре словацкого языка». Разработаны и упорядочены на солидной теоретической базе многие области специальной терминологии. Наряду с этим структурные элементы языка и их репертуар достаточно гибки, чтобы выполнять все задачи, предъявляемые жизнью к орудию общения.

И все же многие словацкие лингвисты и деятели культуры выражают глубокое неудовлетворение состоянием родного языка, в частности его практическим использованием. Становится очевидным, что основные недостатки словацкого литературного языка обусловлены не несовершенством языка как системы или пробелами в его средствах, а недочетами языковой практики, недостаточным владением этим полноценным средством многими из пользующихся литературным языком, особенностями их языковой и об-

пекультурной подготовки. Недостаточное внимание к литературному языку, в особенности со стороны работников средств массовой информации (печати, радио, телевидения, кино) и молодежи, вызвало в Словакии вполне обоснованную озабоченность, ряд публичных обсуждений и в конечном итоге послужило причиной появления журнала.

Сложившаяся языковая ситуация в общих чертах обусловила задачи и структуру журнала «Культура слова». Основное внимание он уделяет критике многообразной языковой практики (журнал выходит 10 раз в год объемом в 32 страницы, причем каждый 5-й и 10-й номера имеют двоянный объем).

Первый раздел журнала содержит обычно принципиальные статьи общетеоретического характера о языке, культуре речи, отдельных сторонах языка и разделах языкознания, об условиях и видах коммуникации, о словарях, о словацко-чешских языковых взаимоотношениях, о лингвистическом наследстве. К таким материалам принадлежат статьи директора Института языкознания имени Л. Штура Словацкой АН Й. Ружички «На пути к культуре речи» (1967, № 1), коллективные «Тезисы о словацком языке» (1967, № 2), обосновывающие принципы культуры словацкой речи, обоснование предложенного «Закона о словацком языке» (1968, № 7), статьи Я. Горецкого «Культура речи и теория коммуникации» (1967, № 7) и «О принципах создания терминологии» (1967, № 5), К. Палковича «Названия частей человеческого тела в чешском и словацком языках», Я. Сабола «Литературное произношение и языковая культура» (1968, № 4), Й. Ружички «Проблемы словацкого языка в Словацкой АН» (1968, № 6), А. Габовштыка «Литературный язык и диалекты» (1969, № 4), Й. Мистрика «О культуре контекста» (1969, № 6), Я. Станислава «Радио и телевидение в словацкой семье» (1970, № 1), Г. Горака «Роль примера в культуре речи» (1970, № 3) и т. п.

Лингвистическое наследство раскрывается в статьях, заметках и высказываниях о А. Бернолаке, Я. Голлом, М. М. Годже, С. Цамбеле, П. Гвездославе, Й. Шкультетом, П. Тврдом, Я. Мигале.

Второй раздел журнала посвящен выступлениям писателей, поэтов, артистов, редакторов, переводчиков и других работников культуры, их оценкам языковой практики и пожеланиям. В этой рубрике помещены высказывания превосходного чтеца В. Заборского, писателей Р. Морица, А. Беднара, М. Фигули, поэтов М. Руфуса, В. Мигалика, А. Плавки, Я. Поничана, артистов К. Захара и Е. Кристиновой, создателя естественно-научной терминологии О. Фернанца, переводчика Б. Гечко и др. В связи со 100-летием со дня рождения В. И. Ленина журнал поместил подборку его высказываний о языке.

Подобные выступления представляют собой весьма эффективный способ воздействия на читателя и дают неоценимый материал для суждений об отношении работников культуры к родному языку. В частности поэт Я. Смерк (1967, № 7) вспоминает, как он после первой мировой войны предложил заменить чешские слова *ponúka* 'предложение' и *portávka* 'спрос' словацкими эквивалентами *ponuka* и *dopyt*, которые и вошли в современный литературный язык. Выступает он также против употребления слов *zákazník* 'заказчик' и *zákazka* 'заказ', указывая на их словацкие замены *pákupník* и *objednávka*. В. Мигалик пишет, что он «искренне радуется тому, что словацкие языковеды активизировались в тот момент, когда поняли, что обязаны перейти от регистраторской к нормализаторской деятельности, что это наиболее естественный путь связи теории и практики, что именно в такие моменты языкознание становится общественной силой. Это подтверждается ожившим интересом нашей общественности к вопросам культуры речи, — пока единственной наградой за проделанную работу. И все-таки словацкий язык газет, телевидения и радио и дальше остается неряшливым и безобразным» (1968, № 1).

Следующая постоянная рубрика называется «Читаем Словарь словацкого языка». Появление ее связано с оценкой «*Slovníka slovenského jazyka*», вышедшего в 1959—1965 годах (пять томов) под редакцией Ш. Пецияра. Это первый полный толковый словарь словацкой лексики с нормативно-стилистическим уклоном. Создатели его впервые должны были решить многие вопросы — от выработки концепции словаря до отношения к языковой традиции и стилистической оценки слов. Общественно-политические отношения 50—60-х годов, связанные с выдвигаемым тогда постулатом о необходимости сближения словацкого и чешского языков, наложили свой отпечаток на оценку некоторых слоев лексики словацкого литературного языка (создание Словацкой Социалистической Республики в составе Чехословакии, как известно, относится к январю 1969 года). Критики словаря отмечали две его особенности: 1) многие слова рассматриваются в качестве народных, диалектных, областных, хотя они являются общенародными и литературными словами; 2) многие чешские по происхождению слова отмечены как книжные устаревшие или просто книжные слова, причем они сопровождаются примерами из произведений классиков словацкой литературы, в частности XIX века. В центре критики оказались именно эти слова.

Проблематичность решений, принятых составителями Словаря, обусловлена рядом причин. Во-первых, в этом отразилась недостаточная нормативность Словаря; во-вторых, к рассмотрению был привлечен слишком большой временной отрезок (от Л. Штура до

наших дней), что, естественно, не способствует нормализации современного употребления; в-третьих, была недостаточно учтена нормализаторская работа словацких лингвистов 30—40-х годов из опасения обвинений в пуризме. Помещение подобных слов в информативных и документальных целях целесообразно, однако их присутствие в Словаре с нормативным уклоном на равных правах с другими слоями лексики было ошибкой, имевшей большой общественный резонанс.

В связи со сказанным сотрудники Института языкознания из номера в номер помещают анализ отдельных слов пока 1-го тома Словаря, сопровождая их критическими замечаниями и реальными дополнениями, которые могут быть использованы при подготовке Краткого нормативного словаря и Дифференциального чешско-словацкого словаря. К настоящему времени закончена переоценка большей части тома (от А до Ch).

Отмечается общенародный и литературный характер многих слов, отнесенных Словарем к диалектной, областной или народной лексике: *apatéka* 'аптека', *apatekár* 'аптекарь', *asentírka* 'мобилизация', *bán* 'просека', *banťovať* 'морочить', *barnavý* 'коричневый', *beľcov* 'колыбель', *bosoráčiť* 'колдовать', *sárok* 'хлев', *siagel* 'сосулька', *dohán* 'табак' и др.

В «Тезисах о словацком языке» говорится: современный словацкий язык охватывает период с 1945 года по настоящее время; словацкий язык — самостоятельный славянский язык, используемый словацкой нацией, живущей с чехами в одном государстве на началах равноправия; недостатки в структуре литературного языка, ощущаемые на практике и устанавливаемые научным анализом, следует устранять в духе внутренних закономерностей развития самого словацкого языка. Вместе с тем отмечается, что языковая практика, письменные и устные выступления часто содержат отступления от орфографической, орфоэпической, грамматической и лексической кодификации и имеют стилистические ошибки. Это обусловлено многими причинами: плохой работой школ в области обучения родному языку, низким языковым сознанием многих носителей языка, недостаточным вниманием к результатам научного изучения языка, равнодушием и безразличным отношением к родному языку.

Стремясь составить отчетливое и конкретное представление о наиболее типичных ошибках письменной и устной речи, учитывая, что решение многообразных проблем культуры речи — это длительная и многогранная работа, журнал большое место отводит критическому разбору языковой практики. Этому отведены специальные рубрики «Дискуссии» и «Разное», хотя в ряде случаев известное внимание уделяется и языковой профилактике — преду-

преждению ошибок. В вышедших номерах помещены заметки о языке словацких газет «Правда», «Смена», братиславского «Вечерника», словацкого варианта газеты «Руде право» и др. Очень часто разбираются переводы книг с чешского языка на словацкий и словацкие переводы с других языков. Уровень культуры речи оценивается в работе учителей, в радиопередачах, курсе английского языка на телевидении, отмечаются недостатки спортивных репортажей, надписей в общественных местах, объявлениях, в титрах кинофильмов, критикуются языковые шаблоны и промахи в специальных публикациях.

Среди заметок представляют интерес замечания о переводе на словацкий язык притяжательных местоимений, о словацких эквивалентах чешских словарных гнезд и отдельных слов, об особенностях словацкой межсловной фонетики, о произношении согласного *v*, этимологии словацких слов *bitúnok* 'бойня', *bozk* 'поцелуй', *kgčma* 'корчма', предложенные Ш. Ондрушем. Очень часто публикуются материалы об употреблении и формах слов, недавно заимствованных словацким языком, о названиях жителей городов и других населенных пунктов, о наименованиях занятий и профессий. Журнал информирует о языковой культуре во Франции, ГДР, Венгрии, Польше, Чехии, опубликована заметка Я. Горецкого о журнале «Русская речь» (1967, № 5). Сравнительно мало пока появилось материалов по терминологии.

Наконец, рубрика «Вы спрашивали» содержит ответ на вопросы читателей.

«Культура слова» — журнал критикующий, поправляющий и поучающий. В достаточной мере еще не развернут материал, который предостерегал бы читателей от ошибок, в частности это касается синтаксиса. Можно было бы оживить журнал разнообразием графического исполнения, фотографиями, вопросами к читателям, конкурсами и викторинами, стилистическими и иными заданиями; хотелось бы чаще видеть на страницах журнала рассказы языковедов об их работе и планах, о проблемах науки о языке и культуре речи, ибо только так можно донести результаты научных исследований до сознания широких масс говорящих и пишущих.

Профессор
Н. А. КОНДРАШОВ

«СОСТАВНОЙ ТЕРМИН»

Затронутый вопрос в предлагаемой читателю заметке чешского лингвиста Марты Мартоновой касается очень существенной стороны проблемы унификации лингвистической терминологии — устранения дублетности, создания четкости употребления терминологических единиц, состоящих из нескольких слов.

В самом деле, когда одно и то же явление называют неодинаково, это создает затруднения в понимании его, в чтении специальной литературы, особенно на разных языках. Допустимая и естественная в период становления и определения изучаемого явления, дублетность наименований становится лишней и даже вредной, когда явление известно, широко применимо, но именуется разными авторами по-разному.

Вывод автора о предпочтительности для терминов типа *скорый поезд, время хода, стык на весу* наименования «составной термин» представляется убедительным и обоснованным.

В. П. ДАНИЛЕНКО

Термины *скорый поезд, время хода, стык на весу* и подобные называют по-разному: 1) словосочетания, словосочетания терминологического характера, несвободные словосочетания и т. д.; 2) составные наименования, составные термины, сложные наименования и т. д.; 3) многословные термины, многословные составные термины и т. д.

Такое многообразие наименований объясняется тем, что они характеризуются с различных сторон. В первой группе слов они рассматриваются как словосочетания, а отсюда названия, которые включают характеристику этой единицы синтаксиса: словосочетания, разным способом связанные, фразеологизмы. Во втором случае они рассматриваются с точки зрения словообразовательного процесса: сложные, составные и т. д.

В определенном числе случаев многообразие появляется чисто случайно, без особого намерения автора подчеркнуть тот или другой из признаков понятия. Наиболее распространенным является наименование «термины-словосочетания», встречающееся во мно-

гих лингвистических работах. Нередки, однако, случаи, когда авторы намеренно избегают точного названия или, наоборот, ради ясности дублируют названия, применяя разные их варианты.

Введение единого названия представляет собой сложную задачу, тем более что рассмотрение данных единиц входит одновременно в разные лингвистические области. Несомненно, это сочетание слов, но словосочетания особого типа. Их специфичность заключается в том, что они полностью принадлежат к плану «наименований», а не к плану «высказываний».

Термин — это наименование, обозначающее определенное понятие из какой-нибудь специальной области. Создание термина обычно происходит в результате сознательной, активной творческой деятельности, на основе строгой классификации понятийных признаков и их отбора, а далее — при помощи целенаправленного подбора подходящей языковой формы, которая удовлетворяла бы всем терминологическим требованиям. Этим и отличается процесс формирования терминологических наименований от аналогичных процессов при создании фразеологизмов, а еще более при создании простых словосочетаний.

Различие выступает еще убедительнее, если сравнить функционирование этих единиц. В то время как простые наименования только называют что-либо, терминологические названия входят в конкретную терминологическую систему. Для них характерна терминологическая номинативность, что и отличает их от остальных лексических единиц.

В связи с этим хотелось бы высказать мнение, что наиболее удачными могут быть только те названия, которые в своей языковой форме отражают признак «наименования», а точнее, признак «терминологического наименования». Все остальные можно считать менее удачными: те, в которых сохраняется признак «словосочетания», уводят нас в область синтаксиса, а те, в которых сохраняется признак «фразеологизма», — в область фразеологии. Это в терминологической практике нежелательно.

Таким образом, возможностей для выбора подходящего названия оказалось здесь очень мало; каждое из приведенных названий имеет свои недостатки: название «сложный» относится скорее к типичному словосложению; «многословный» — вызывает ассоциацию нежелательного характера; «термин, состоящий из нескольких слов» — громоздко и практически неудобно. Наиболее подходящим среди них является название «составной термин», хотя и оно недостаточно однозначно. Однако этот термин принят в лингвистической литературе, что дает нам основание предпочесть его другим.

*Кандидат филологических наук
МАРТА МАРТОНОВА
Чехословакия*

ШКОЛА

ШКОЛЬНИКУ О ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Вопрос о фразеологизмах для школы важный и новый. Цель данной статьи — помочь школьникам разобраться в самой природе фразеологизмов как языковых единиц, показать общие черты и различия между фразеологизмами, словами и словосочетаниями, а главное — использование в речи фразеологических единиц.

Впервые в истории школы фразеология нашла отражение в «Проекте программы средней школы по русскому языку» (1965) и в новых школьных учебниках. Работа с фразеологическими единицами предусматривается авторами учебников не только при изучении лексики и фразеологии в V классе, но также при изучении морфологии и синтаксиса, так как «фразеология существует в языке не изолированно. Она тесно связана с лексикой, словообразованием, синтаксисом».

С фразеологическими единицами учащиеся постоянно встречались и до того, как фразеологизмы заняли официальное место в школьных учебниках по русскому языку. Ведь фразеологизмы используются в разговорной и официальной речи, в печати, в передачах по радио и телевидению. Конкретное знакомство с фразеологическими единицами происходит и на уроках литературы при изучении художественных произведений. Вообще нет такого программного произведения по литературе, начиная с V класса, где бы не было этих языковых единиц. Например в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль»: сон в руку; умная голова; вне себя; по крайней мере; ни слуху, ни вести; концы в воду; на роду написано; насилию ноги унес; один конец; живота не жалеть.

М и т р о ф а н. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, ма-тушка, изволишь бить батюшку.

П р о с т а к о в (в сторону). Ну! беда моя! *Сон в руку!* [...]

Г - ж а П р о с т а к о в а. Что, ты от меня прятаться изво-лишь? Вот, сударь, до чего я дожила с твоим потворством! Какова сыну обновка к дядину сговору? Каков кафтанец Тришка шить изволил?

П р о с т а к о в (от робости запинаясь). Ме..мешковат немного.

Г - ж а П р о с т а к о в а. Сам ты мешковат, *умная голова.* [...]

П р о с т а к о в. По крайней мере, я люблю его, как надлежит родителю; то-то умное дитя, то-то разумное, забавник, затейник: иногда я от него *вне себя* и от радости сам истинно не верю, что он мой сын.

В критической статье И. А. Гончарова «Милльон терзан-ный»: точка зрения; отрезанный ломоть; вкривь и вкось; в духе времени; служить уроком; пустить в оборот; первый шаг; на каждом шагу и т. д.:

«...разнообразные впечатления и на них основанная своя *точка зре-ния* у всех и у каждого служат лучшим определением комедии „Горе от ума“...»; «Однако для нас она (эпоха) еще не вполне законченная историческая картина: мы не отодвинулись от эпохи на достаточное расстояние, чтоб между ею и нашим временем легла непроходимая бездна. Колорит не сгладился совсем; век не отде-лился от нашего, как *отрезанный ломоть*...»; «Проза и стих слились здесь во что-то нераздельное, затем, кажется, чтобы их легче было удержать в памяти и *пустить* опять *в оборот* весь собранный авто-ром ум, юмор, шутку и злость русского ума и языка».

Учащиеся знакомятся с фразеологическими единицами и при изучении других школьных дисциплин: истории, гео-графии, математики. При изучении истории античного мира учащимся раскрывается смысл фразеологизмов: сизифов труд; прометеев огонь; яблоко раздора; троянский конь; да-моклов меч; двуликий Янус; авгиевы конюшни; бочка Да-наид; Ахиллесова пята.

«Встречи» учащихся с фразеологическими единицами говорят в пользу того, что школьники должны бы активно употреблять их в речи или во всяком случае понимать их смысловое значение. Однако специальный эксперимент по-казал, что это не так. Двадцати тысячам учащихся IV—VIII классов семидесяти школ Москвы, Севастополя, Ка-линина было предложено семьсот наиболее употребитель-ных фразеологических единиц. И выяснилось, что даже

учащиеся 8-х классов, обладающие уже абстрактным мышлением, многие фразеологизмы понимают буквально, то есть не воспринимают переносного смыслового значения. Если же учащиеся и понимают фразеологизмы, то затрудняются в их смысловой расшифровке или не могут употребить в предложении.

Вот как объяснили многие учащиеся смысловое значение ряда фразеологизмов: *разбиваться в лепешку* 'приложить все усилия' объясняют так: упасть с крыши; ничего не знать; очень чего-то хочется; *раз-два и обчелся* 'очень мало' — струсил; быстро сделать; мало чернил; *уйти с дороги* 'не мешать' — углубиться в лес, в поле; уйти с дороги, где идет машина; уйти с дороги, по которой идет человек; *идти на поводу* 'подчиняться' — когда собака ведет человека на поводу; *выйти из строя* 'терять работоспособность, портиться' — оставаться на второй год; взлететь на воздух; *на одно лицо* 'похожи' — полка в поезде на одно лицо; *пустое место* 'человек, от которого нет никакой пользы' — место, где ничего не посажено; *отдать последний долг* 'проститься с умершим' — отдать то, что ты у кого-то брал; *во всю ивановскую* 'очень громко' — вести себя неуклюже; шагать, как медведь; всем рассказывать тайну; *бряцать оружием* 'угрожать' — содержать оружие в плохом состоянии.

Буквальное или неточное понимание смыслового содержания фразеологических единиц, конечно, главная причина ошибочного употребления их в предложениях. Так, фразеологизм *пробрать до костей*, объясненный как 'обсуждать на собрании', звучит в такой интерпретации: «Вчера на пионерском собрании мы разобрали до костей Валю». *Красивый жест* 'красивый взмах руки' введен в такое предложение: «Дирижер сделал красивый жест, и оркестр заиграл». *Вновь испеченный* объясняют словом 'красивый' и составляют с ним предложение: «Мальчик вымылся и стал вновь испеченный».

Предложение с фразеологизмом *не надышится* 'заботливо, нежно относится': «Люди приезжают из города за ландышами в лес и не надышатся свежим воздухом». Или: «Мать говорила сыну: „Пиши как нельзя лучше“»; «У мальчика хорошее чувство локтя»; «Командир приказал солдатам разбиться по пунктам»; «Я иду на поводу у Шустрика»; «Мальчик ушел с железной дороги, уступая паровозу, ехавшему с составом на станцию».

Сведения по фразеологии, включенные в новые учебники по русскому языку, материалы в печати, освещающие

вопросы фразеологии, как раз и явятся главным помощником учащихся в искоренении ошибок фразеологического характера.

Каждый человек имеет в памяти определенный запас фразеологических единиц и в первую очередь таких, смысл которых ему хорошо понятен. Наличие у фразеологизмов, наряду со словами, лексического значения дает возможность заменять их синонимичными (близкими по значению) словами и фразеологизмами. Фразеология в школе рассматривается чаще всего с точки зрения синонимии.

Русский язык располагает многими формами синонимии. Одной из форм ее проявления в нашей речи является то, что одно и то же понятие предмета, явления, действия, признака наряду со словом может быть выражено фразеологизмом (фразеологическим оборотом). Так, понятие действия *обосноваться* выражено одним словом. Близким по смыслу, синонимичным слову *обосноваться* выступает выражение, состоящее из двух слов, — *бросить якорь*. Это фразеологический оборот. Название обстоятельств, при котором происходит действие, *наедине* — слово, *с глазу на глаз* — фразеологический оборот. Название признака *настоящий* — слово, *с большой буквы* — фразеологический оборот.

Приведенные слова и фразеологические обороты близки друг другу в смысловом отношении. Они вступают в синонимические пары: *обосноваться* — *бросить якорь*; *наедине* — *с глазу на глаз*; *настоящий* — *с большой буквы*.

Таким образом, в русском языке способностью что-либо или кого-либо называть обладают не только слова, но и более сложные языковые единицы — фразеологические обороты. Поэтому, когда мы говорим о словарном составе русского языка, то имеем в виду не только слова, но и фразеологизмы.

Однако фразеологические обороты, являясь, как и слова, лексическими единицами, обладают в отличие от слов многими специфическими особенностями. Обратите внимание на «внешний портрет» любого фразеологизма. Фразеологический оборот обязательно состоит из двух слов и более: *делать погоду*; *делать большие глаза*; *кто в лес, кто по дрова*.

Но фразеологизм, из скольких бы слов он ни состоял, содержит в себе одно смысловое неделимое понятие. Фразеологический оборот *делать большие глаза*, хотя и состоит из трех слов, но воспринимается нами как одна смысловая

единица. *Делать большие глаза* означает 'удивляться'. А фразеологизм *кто в лес, кто по дрова* воспринимается в значении 'вразнойбой'. Если же понимать фразеологизмы буквально и в каждом слове фразеологического оборота выделять отдельное смысловое понятие, нам не избежать парадоксальных ситуаций. Предположим, желая похвалить товарища, мы скажем: «А ты сегодня убил двух зайцев: и лекцию прослушал, и письмо профессору передал». Этот товарищ поймет, что его похвалили за экономно использованное время, так как *убить двух зайцев* означает 'одновременно выполнить два дела'. Если же фразеологизм будет истолкован буквально, недоумение обязательно. Да, он прослушал лекцию, передал письмо профессору. Но никаких зайцев не убивал! Или если воспринять буквально фразеологический оборот *день открытых дверей*, опять это вызовет недоуменные вопросы. Ведь не существует в природе дня, у которого бы закрывались или открывались двери. На самом деле *день открытых дверей* означает не что иное, как, например, 'встреча с поступающими в институт'.

Свойство фразеологических оборотов — передавать информацию иносказательно, в переносном значении — затрудняет перевод фразеологических единиц с одного языка на другой. Если русский о сильном дожде скажет: *льет как из ведра*, то английское выражение, соответствующее этому русскому, дословно можно перевести так: «дождь идет кошками и собаками», а немецкое: «дождь льет как на дохлую собаку». Русскому фразеологизму *когда рак свиснет* в киргизском языке соответствует выражение «когда хвост верблюда коснется земли».

Проследим еще одну особенность фразеологизмов. Словосочетания, которые каждый раз создаются нами заново, называются свободными: теплый вечер; зимний вечер; зимняя одежда; одежда на вырост. От замены слов изменяется и смысл всего свободного словосочетания в целом. Изменяется, но не уничтожается, то есть смысловое понятие все время сохраняется.

Можно ли производить такие словарные замены или перестановки слов во фразеологических сочетаниях? На этот вопрос чаще всего мы отвечаем отрицательно, потому что такие возможности очень ограничены самой природой фразеологических единиц. И это объясняется тем, что фразеологизмы, как и слова, — готовые языковые единицы речи. Мы не создаем фразеологизмы в каждодневном общении, а берем их из памяти в готовом виде, как и слова. Если бы

мы хоть на минуту отступили от этого правила, стали бы называть понятия не свойственными им словами или фразеологизмами, взаимопонимание людей вообще было бы исключено.

Возьмем фразеологизмы *делать вид* и *в самом деле*. Попробуем произвольно заменить или опустить слова в них. Фразеологизм *делать вид* означает по смыслу 'притворяться'. Сделаем замену слов: не *делать вид*, а *рисовать вид*. Но будет ли теперь *рисовать вид* восприниматься в значении 'притворяться'? Нет. *В самом деле* означает 'действительно, правда'. Но *в самом начале* или *в деле* продолжают ли означать 'действительно, правда'? Тоже нет.

Как видно из приведенных примеров, произвольная замена, опущение слов разрушают смысловое значение фразеологизма. Во фразеологических оборотах, за редким исключением, нельзя произвольно производить и перестановку слов: *в самом деле*, но *в деле самом*. От перестановки слов смысловое значение фразеологизма тоже разрушается.

Фразеологизмы — это прежде всего образные единицы речи. Они придают высказыванию говорящего особую экспрессивность, эмоциональность. По меткому замечанию А. М. Бабкина, фразеологические единицы «не столько называют лицо, предмет, процесс или явление, сколько живописуют или „обзывают“ их, т. е. характеризуют и обнаруживают отношение говорящего к объекту речи». Фразеологизм *от большого ума* не только указывает на причину, которая повлияла на свершение действия, но включает в себе конкретное отношение к тому, кто совершил это действие.

Сравним два выражения: *научись молчать* (свободное словосочетание) и *научись держать язык за зубами*. Последнее выражение, в котором слово *молчать* заменено фразеологизмом *держат язык за зубами*, более образно, экспрессивно.

Эмоциональность наблюдается в отрицательной оценке человеку, скажем, в таких фразеологических оборотах: и мы пахали; висеть на телефоне; красивый жест; история умалчивает; бросаться словами; семь пятниц на неделе. И наоборот, восхищение, любование, похвала человеческим достоинствам (характеру, уму, работоспособности, внешнему виду) заключена во фразеологизмах: по последнему слову; восходящая звезда; как картинка; открывать новую

страницу; с большой буквы; от всего сердца; стоять грудью, чувство локтя; ходячая энциклопедия.

В основе образности фразеологизмов лежат факты, хорошо известные ситуации, оценки, тонко подмеченные в народе. Такие фразеологизмы, как *заячья душа*; *волчий аппетит*; *стреляный воробей*; *как на корове седло*; *крокодиловы слезы*, отражают конкретные знания или сказочные представления о жизни животных, но уже в применении к человеку. Обладают образностью, связанной с особенностями различных профессий, фразеологизмы *брать на бордаж*; *делать авансы*; *заключительный аккорд*; *акции падают*; *как в аптеке*.

Свойство фразеологизмов — с удивительной меткостью выражать сущность довольно сложных явлений — используется не только в разговорной речи, но и в художественной литературе, в публицистике. Н. В. Гоголь, характеризуя главного героя комедии «Ревизор» — Хлестакова, прибегает к фразеологическому обороту *без царя в голове*. Много фразеологизмов в сказках Салтыкова-Щедрина: «А у молодого пескаря *ума палата* была. А он, не будь глуп, *во все лопатки* — домой! Прибежал, а пескариха его из норы *ни жива, ни мертва* выглядывает». Часто употребляются в публицистической литературе фразеологизмы: *бить в набат*; *брать под обстрел*; *бряцать оружием*; *выпустить в свет*; *стоять грудью*; *от мала до велика*.

Фразеологические единицы можно условно распределить по следующим стилистическим пластам: нейтральные (межстилевые): *не в силах*; *на каждом шагу*; *с полуслова*; *в порядке вещей*; книжные (научная речь, художественная речь, публицистика): *единым фронтом*; *наложить печать*; *пальмы первенства*; *как снег на голову*; разговорные (разговорно-бытовые, разговорно-просторечные, грубопросторечные): *сердце падает*; *проглядеть все глаза*; *на всю катушку*.

Однако стилистические рамки употребления фразеологических оборотов необычайно подвижны. Стилистическое применение фразеологизмов диктуется прежде всего конкретным содержанием текста. Четкого распределения всех зафиксированных в настоящее время фразеологизмов по стилистическим пластам в научной литературе еще нет.

Основной источник образования и пополнения русской фразеологии находится в самом русском языке. Из устного народного творчества, главным образом из сказок, ведут

начало *видать виды, заткнуть за пояс, пошевелить мозгами, мурашки пошли по спине.*

Происхождение некоторых фразеологизмов связано с какими-либо ремеслами, профессиями: *как в аптеке* 'точно, безошибочно' — это выражение ассоциируется с представлением о точности дозировки различных компонентов в лекарствах, приготовляемых в аптеке. Из речи железнодорожников взяты выражения, ставшие фразеологическими, *зеленая улица; закручивать гайки.* Обязаны своим появлением истории Древней Руси *казанская сирота, чудеса в решете, во всю ивановскую.*

Из книги писателя М. А. Булатова «Крылатые слова» (Детгиз, М., 1958) мы узнаем, что происхождение фразеологизма *во всю ивановскую* связано с царствованием Ивана Грозного: «В московском Кремле, у колокольни Ивана Великого, была в старину площадь, называвшаяся Ивановской. Здесь постоянно толпился народ, обмениваясь слухами и новостями, вступая в торговые сделки. Тут же (ведь ни газет, ни радио тогда не было) „площадные подъячие“ и глашатаи громким голосом на всю Ивановскую, оглашали царские указы и приказы. Так и закрепилось в языке это выражение для обозначения особенно громкого крика».

Некоторые фразеологизмы рождены обычаями, бытовавшими или бытующими у различных народов. В «Русской правде», своде древнейших законов Ярослава Мудрого, были особые статьи об испытании огнем и водой. От этих испытаний у нас сохранились выражения: вывести на чистую воду; об унылом человеке — как в воду опущенный; о бывалом — он прошел через огонь и воду.

Из текстов Ветхого и Нового завета заимствованы: козел отпущения; соль земли; камень преткновения; люди доброй воли; корень зла, не от мира сего. В основе некоторых фразеологических оборотов лежит античная мифология и легенды древнего мира. Вот что мы узнаем, например, из жизнеописания Александра Македонского, составленного греческим историком Плутархом, о происхождении фразеологизма *разрубить гордиев узел.* В городе Гордии было объявлено, кто сумеет развязать специально запутанный узел на телеге, будет провозглашен властелином всей Азии. Многие пытались развязать этот узел, названный «гордиевым», но их постигала неудача. Сделал попытку и Александр Македонский, однако тоже безуспешно. Тогда он взял меч и одним ударом разру-

бил узел. Отсюда и пошло выражение *разрубить гордиев узел*, что означает 'разрешить сложный, запутанный вопрос и т. п., смело, решительно'. Многие фразеологизмы «подарены» нам писателями: дистанция огромного размера (Грибоедов); слона-то я и не заметил (Крылов); кисейная барышня (Помяловский); административный восторг (Достоевский).

Фразеологический фонд русского языка не застывшее явление. В нем, как и в словарном фонде, все время происходят изменения. Некоторые фразеологизмы перестают употребляться в активной речи и становятся архаизмами: *с первого абцуга* 'с самого начала', *от аза до ижицы* 'от самого начала до самого конца'; *на аккорд* 'на условиях соглашения' и др. Но в то же время фразеология русского языка интенсивно пополняется новыми фразеологическими единицами из разных источников. Благодаря развитию техники в XX веке появились *часы пик*, *висеть на телефоне*. Фразеологизм *выйти на орбиту*, возникший в русском языке в связи с освоением космоса, стал достоянием и других языков.

В области фразеологии есть еще проблемы, по которым ученые не имеют единого мнения. Скажем, считать ли терминологические сочетания, пословицы, афоризмы и т. д. фразеологизмами? Но многое уже стабилизировалось: намечены категориальные, специфические признаки фразеологических единиц (некоторые из них отмечены в нашей статье), дается стилистическая характеристика некоторых фразеологизмов, во многих работах описывается происхождение ряда фразеологических оборотов, их объяснение. Вышедшая в 1955 году книга Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» объясняет происхождение большого количества фразеологизмов, пришедших к нам из древнегреческой мифологии. С происхождением и объяснением фразеологизмов мы знакомимся и по книгам М. А. Булатова «Крылатые слова», С. Максимова «Крылатые слова» и др. В 1967 году впервые в нашей стране вышел «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова. В словаре свыше 4 тысяч словарных статей, где толкуется значение фразеологических единиц и в цитатах показывается их различное формоупотребление. Вот статья из этого словаря:

По щучьему велению. Чудесным образом, само собой, без вмешательства кого-либо. «Начнешь парки разводить, сады сажать —

смотришь, а из десяти деревьев одно принялось, а прочие посохли. Хорошо было этими парками тогда заниматься, когда крепостные были. Тогда ни одно дерево не пропадало, а шло все в высь и в ширь, словно по щучьему велению» (Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо); «Работа на мысу закипела, как по щучьему велению» (Мамин-Сибиряк. Хлеб); «И до малого селенья Та из плена сторона Не по щучьему веленью Вновь сполна возвращена, По веленью нашей силы, Русской, собственной своей» (А. Твардовский. Василий Теркин).

Но надо полагать, что авторами словаря включены далеко не все фразеологизмы, имеющиеся в русской речи. Работа по выявлению фразеологизмов проводится и сейчас. В словарь не включены пословицы, поговорки, крылатые слова, афоризмы, аналитические и описательные обороты, составные термины и т. д. Перечисленные сложные языковые единицы многие ученые-лингвисты склонны относить также к области фразеологии. Поэтому в качестве дополнения к «Фразеологическому словарю русского языка» могут быть рекомендованы книги: В. П. Аникин. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. Пособие для учителя. М., 1957; А. А. Разумов. Мудрое слово. Русские пословицы и поговорки. М., 1957.

А «Словарь синонимов русского языка» (М., 1971) под редакцией Л. А. Чешко наглядно показывает, в каких синонимических рядах, а их в словаре около 9 тысяч, фигурируют те или иные фразеологические единицы. Например: «Актриса, артистка; комедиантка (уст.); актерка (уст. прост.); о плохой актрисе: артистка из погорелого театра (уст. прост.)».

Пополнение словарного фонда фразеологизмами не только увеличивает его количественно. За счет фразеологии достигается краткость, образность, эмоциональность устной и письменной речи, расширяются ее стилистические возможности. Фразеологизмы помогают выражать мысли наиболее точно.

Д. Д. ПРОЦЕНКО
МГПИ имени В. И. Ленина

«РАССКАЗЫ О СИНОНИМАХ»

Интересная и полезная книга выпущена издательством «Просвещение» (В. И. Кодухов. Рассказы о синонимах. Л., 1971). Обращенная к старшекласнику, она содержит не только сведения из лексикологии, но и дает культурно-речевые рекомендации. «Рассказы» написаны живо и увлекательно. Автор-ученый серьезно ведет разговор со школьниками о сложных вопросах науки о языке.

Всего в книге девять рассказов и каждый уже своим названием привлекает юного читателя. «Почему дом называют еще избой?» — это рассказ о том, что такое синонимы и чем они отличаются от слов, обозначающих родовидовые понятия. Из рассказа «Глаза — это очи» школьник узнает, что слова, тождественные или очень близкие по значению, могут различаться стилистической окраской. Из следующих рассказов он узнает о взаимоотношении слов литературного языка с устаревшими (В каком полку служил князь Игорь?), о проникновении диалектизмов в литературный язык (Можно ли петуха называть кочетом?), об именах собственных (Иван Иванович Иванов) и о многих других важных и интересных языковых фактах. Заканчивается книга практическими рекомендациями по развитию и обогащению речи. Для того чтобы юный читатель не испытывал затруднений в понимании языковедческих терминов, встречающихся в книге, в конце помещен их краткий словарь. «Рассказы» удачно иллюстрированы.

Мы все время говорили о юном читателе, но книгу с удовольствием и пользой для себя прочтет и взрослый.

Правда, книга не лишена и определенных недостатков. Так, не совсем четко указывается разница между синонимами и словами, находящимися в родо-видовых отношениях. Возникновение речевой синонимии между такими словами объясняется их взаимозаменяемостью как обозначений одного и того же предмета, а не как результат обозначения одного и того же понятия. Например слова *конь*, *конек*, *горбунок*, *сивка-бурка*, *каурка* в сказке Ершова, *лошадь* и *Савраска* в поэме Некрасова (стр. 57) приводятся автором в числе примеров речевых синонимов. Однако речевые синонимы возникают тогда, когда слово, обозначающее видовое понятие, начинает употребляться в значении родового, или наоборот. Если бы *горбунок* и *савраска* стали обозначать в речи вообще 'лошадь', только тогда можно их считать речевыми синонимами, как в приведенном отрывке из стихотворения А. Прокофьева (стр. 57):

Мои друзья летели в бурках
Зимой в огненной пыли,
И сивки — вещие каурки —
Едва касались земли.

Не всегда достаточно четко указаны смысловые различия между словами, например между такими, как *монарх*, *властелин* и *царь* (стр. 23), *баян* и *гармонь* (стр. 42—44). Следовало бы раскрыть значения слов, возникших в первые десятилетия Советской власти и сейчас вышедших из употребления: *буржуйка*, *выдвиженец*, *заградилка*, *шкраб* и др. В книге говорится: «Местные разновидности одного и того же языка называются диалектами. Диалекты, в свою очередь, распадаются на говоры и объединяются в наречия» (стр. 83), а в приложении-словаре термин «диалект» трактуется как «местная разновидность языка, местный говор, наречие». Следует, на наш взгляд, более точно определить термины «форма слова», «речевой синоним» и некоторые другие.

Кандидат филологических наук
Е. А. ИВАННИКОВА

● ШАПИТО

«Объясните, пожалуйста, почему цирк, приезжающий из Москвы на гастроли в Ленинград, раньше называли цирк-шапито, а теперь его называют цирк „Маяк“. Что означает слово *шапито*?» — спрашивает ленинградка М. Н. Горбунова.

Слово *шапито* (франц. *chariteau*) в русском языке стало употребляться с начала XX века. И первоначально означало специальную плотную ткань, которую натягивали в виде палатки для циркового представления.

Позднее этим словом стали называть один из видов цирка. Вот как описывает структуру советских цирков ленинградский писатель А. Бартэн в романе «Всегда тринадцать»: «Здесь (на Неглинной, дом пятнадцать) помещается организация, управляющая всей системой советских цирков. Легко сказать — системой. Если же вдуматься — голова закружится может. Это десятки и десятки цирков самого разного масштаба. Тут и зимние — стационарные, надежной каменной кладки. Тут и летние — облегченные постройки, часто с брезентовым куполом над деревянным дощатым барабаном. И еще передвижные цирки, так называемые шапито. И еще зооцирки, в которых перемежаются цирковые номера и показ зверей. И еще межобластные группы „Цирка на сцене“, эти проникают всех дальше, в самые глубинные места... Вот что такое цирковая система».

Многие русские и советские мастера цирка выступали и выступают в таких цирках: «Странно было работать под шапито. Казалось, что ты не в цирке, а в балагане» (Альперов. На арене старого цирка); «Летом мы играли под брезентовым шапито, а иногда и вовсе без крыши, строя только поднимающиеся амфитеатром деревянные скамьи для зрителей, арену и конюшни» (Эдер. Мои питомцы).

Цирки-шапито получили широкое распространение во многих странах. Плотный брезент защищал артистов и зрителей от непогоды, в шапито можно было монтировать различные приспособления для цирковых выступлений, его можно было перевозить из города в город, из страны в страну.

Летом в Ленинград и другие города Советского Союза приезжают на гастроли передвижные цирки-шапито. Московский цирк-шапито с 1971 года стал выступать под названием «Маяк».

В. Н. Сергеев

УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА

ВСЕ ЛИ ПРОБЛЕМЫ РАЗРЕШЕНЫ?

Обзор писем в редакцию

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы» в числе прочих важнейших мер предполагает радикальное улучшение дела подготовки учебников для средней школы. Работа над новыми учебниками по русскому языку ведется уже несколько лет.

Подготовленный авторским коллективом АПН СССР учебник по русскому языку для V класса в соответствии с результатами экспериментальной проверки его в массовой школе и откликами учителей, методистов, лингвистов, присланными в редакцию «Русской речи», получил довольно высокую оценку и признание. Выход этого учебника многие называют «крупным событием» (профессор Батиашвили и др., г. Тбилиси), а самый учебник — «другом школьника» (кандидат филологических наук В. Г. Краснов, г. Коканд). При этом отмечается, что он является оригинальным по содержанию и структуре, учитывает не только образовательные задачи школы, но и воспитательные.

По отзывам большинства корреспондентов, новый учебник отличается научностью в теоретической части, соответствием современному состоянию научной лингвистической мысли, отвечает требованиям новой программы по русскому языку, обеспечивает преемственность как

Продолжаем публикацию материалов об учебнике русского языка для V класса — М. Т. Баранов, Л. Т. Григорян, И. И. Кулибаба, Т. А. Ладыженская, Л. А. Тростенцова. Русский язык. Учебное пособие для V класса. Под редакцией члена-корреспондента АПН СССР, доктора филологических наук Н. М. Шанского. М., «Просвещение», 1971 (см.: «Русская речь», 1971, № 6; 1972, № 1—5).

между классами (IV и V), так и между разделами курса (морфология и синтаксис). Отмечается также, что учебник содействует развитию логического мышления, «будит мысль ученика», для чего служат создаваемые авторами «поисковые ситуации», проблемные познавательные задачи, решение которых пробуждает творческие возможности учащихся, развивает чутье языка.

Заслуживает одобрения высокое качество упражнений и текстов: их разнообразие, занимательность, свежесть (современность), системность, дифференцированность по степеням трудности (возможность выбора); упражнения синтетического характера, деловое письмо и многое другое.

Многие авторы писем в редакцию считают удачным решение проблемы наглядности, проблемы повторения, отмечают ценность дополнительных дидактических материалов, таких, как дополнительные задания, контрольные вопросы различной степени трудности, толковый словарь в конце учебника. В ряде случаев говорится и о хорошем, доступном для учащихся языке учебника.

Однако многообещающая установка авторов учебника на сближение научной и школьной грамматики в ее теоретической части, на ликвидацию разрыва между той и другой, издавна (еще с XIX века) беспокоившего наших передовых лингвистов и методистов, стремление максимально «осовременить» традиционную школьную грамматику, открыть дорогу в школьное преподавание тому новому, что предоставляет современная лингвистика, ока-

залась удовлетворительно осуществленной не в той степени, в какой предполагалось это сделать.

Дело в том, что в некоторых случаях авторы учебника в своем увлечении отступили от «золотого» правила, давно уже известного и принятого у нас, по крайней мере, с 30-х годов (с опубликования постановлений ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 года и 25 августа 1932 года): не нести в школу не проверенных на практике методов и не принятых или не отстоявшихся в науке идей, положений, терминов. Поспешность в этом отношении, опережение «событий», приписывание «зрелости» тому, что еще фактически не готово для всеобщего распространения, может принести только вред школе и заранее скомпрометировать то новое, что еще не устоялось, но имеет шансы на признание наукой будущего. Так, по мнению многих учителей, методистов и лингвистов, у авторов не было достаточных (или бесспорных) доказательств, а значит и оснований, для того чтобы предлагать школе ряд таких, без надобности осложняющих положение преподавателя, а затем и ученика, нововведений, как:

рассмотрение второй части слов *-надцать* (числительных *одинадцать — девятнадцать*) в качестве суффикса. Не «намечается ли здесь разрыв истории языка и его современного состояния?» — не без оснований задает авторам вопрос В. Я. Дерягин («Русская речь», 1972, № 5). Ведь если слово *десять*, входившее в далеком прошлом в сочетание «две на десяте», исторически претерпело такие существенные изменения и стало суффиксом *-дцать*, то не вступает ли это в противоречие с обычным и привычным представлением о том, что часть речи — предлог *-на* не сочетается с суффиксом (частью слова)? Принимая *-надцать* за суффикс, не слишком ли мы расширяем представление учащихся о суффиксах, за которые можно принимать не только привычные, четко обозначаемые, типа *-к*, *-ск*, *-чик*, *-ек*, *-онк* и т. п., но и целые пространные, не несущие в себе для современного сознания никаких значений части слова? Да спрашивается, и зачем это делать? Во имя чего? Есть ли в этом настоящая необходимость с точки зрения познавательной? Ведь школа должна дать главное — правильное понятие об основных явлениях языка, а в этом случае получается, что сформировавшееся у учащихся представление о суффиксах (в основном, типичном для них выражении) как бы «размывается» еще добавочными сведениями небесспорного характера о

том, что в роли суффикса может оказаться не без труда и без отчетливой мотивировки выделяемая та или иная часть слова.

Усложнение терминами «в угоду кажущейся стройности изложения» или отказ от термина из-за призрачного упрощения или разгрузки («Русская речь», 1972, № 5) имеет место, например, в случае, когда без особой надобности в учебник V класса вслед за вузовскими пособиями вводится новый термин «собственно количественные числительные», в то время как об отличии собирательных от количественных предпочтительнее было бы сказать в описательной форме. Или: желая освободиться от одного из терминов («сложные» числительные) и называя лишь два разряда числительных («простые» и «составные»), авторы сами не выдерживают этой классификации и в ходе изложения пользуются опущением (реже термином «сложные»), когда в § 47 говорят о числительных *пятьдесят — восемьдесят, двести — девятьсот* (там же).

Равнение авторов на «раритеты» (лат. 'редкость') — а если в языке нет более типичных случаев, то зачем тогда об этом говорить в учебнике? — и в других случаях иллюстрируется в статье В. Я. Дерягина примерами со словами *сейчас* и *сегодня*, в которых согласно учебнику «*сей* — и *сего* — морфологически вообще ничто».

◆

Недостаточно обоснованным или, по крайней мере, преждевременным, если иметь в виду устойчивость, действительное признание той или иной точки зрения в науке на изучаемое явление, кажется многим и вводимое авторами представление о частице *-ся* в возвратных глаголах как суффикса, что противоречит давно закрепившимся в школе понятиям о структуре слова, согласно которым суффикс бывает только перед окончанием. Если же допустить, что в силу каких-то особенностей развития языка это в принципе оказалось возможным, то следует ли усложнять для школы проблему состава слова такими частностями, явлениями единичного характера и тем самым подрывать у учащихся представление о системе языка. И если даже признать такое толкование частицы *-ся* с лингвистической точки зрения приемлемым, то спрашивается, необходимо ли это нововведение в настоящее вре-

мя для школы? То, что в составе слова оказывается частица, которая может занимать место и перед частью слова, несущей основное значение, и после нее, для учащихся не является чем-то невообразимым, так как они уже не раз имели дело и с другими частицами (кое-, -то, -либо, -нибудь, не-).

Подобное же мнение многих авторов писем высказывается и о таком новшестве учебника, как предложение рассматривать суффикс *-ть* в неопределенном наклонении глагола в качестве окончания. Оно представляется недостаточно мотивированным, несмотря на выступление М. Т. Баранова со специальной статьей в журнале «Русский язык в школе» (1972, № 2). И в самом деле, разве подобные нововведения повышают научный уровень преподавания русского языка в школе и, наоборот, рассмотрение *-ть* в качестве суффикса, как это было принято в течение десятилетий, делало этот курс не научным? Напомним при этом и то, что учебник С. Г. Бархударова редактировал одно время (в 40-е годы) академик Л. В. Щерба, а академическую Грамматику — академик В. В. Виноградов (50-е годы).

Однако по отношению к теоретической части учебника в целом эти критические замечания носят частный характер и, несмотря на встречающиеся в письмах наряду с критическими замечаниями риторические вопросы типа «А читал ли этот учебник редактор Н. М. Шанский?» (А. А. Балухин, Баку), не опровергают общей высокой оценки учебника как находящегося на уровне современной лингвистической науки.

Что касается методической стороны учебника, то она вызывает значительно меньше критических замечаний при самой высокой в то же время оценке ее. Среди них в первую очередь заслуживают внимания такие:

а) во многом новые, свежие и в известном смысле сложные, непривычные для учителя типы упражнений (например обобщающие упражнения, задачи повышенной трудности и др.) требуют того, чтобы в методическом приложении к учебнику было подробнее сказано о методах работы учителя с ними, то есть о характере рекомендаций учителя учащимся, разъяснения заданий, вариантов, времени и месте их использования, а в некоторых

случаях и раскрытия методической идеи, заложенной в них (Г. И. Третникова);

б) при организации упражнений не всегда учитываются все категории учащихся по успеваемости (в частности слабые, и особенно это чувствуется при дифференцированном обучении); необходимо было бы дать учителю советы об использовании упражнений, рассчитанных на слабых учащихся при условии тщательного изучения того, что затрудняет их и какие из этих затруднений являются типичными (Т. И. Тамбовкина);

в) не всегда используются подходящие поводы для упражнений, имеющих целью развитие логического мышления. Так, например, в схемах грамматического разбора не предусматриваются ответы на вопрос «почему ученики относят разбираемые явления к тому, а не иному ряду?», что следует считать очень важным и полезным (В. Г. Краснов);

г) чтобы дать возможность лучше организовать самостоятельную работу со словарем, следовало бы увеличить объем толкового словарика, прилагаемого к учебнику, в два-три раза (Н. А. Пленкин);

д) с целью образовательно-познавательной, наряду со сведениями об ученых-лингвистах, желательно было бы больше сказать о наиболее значительных авторах текстов, используемых в учебнике, и даже привести снимки отрывков из рукописей некоторых писателей (М. Русинова, Н. А. Пленкин);

е) по возможности увеличить объем исторических сведений (по истории письменности, из истории слов);

ж) ввести в практику использование цветных иллюстраций, которые целесообразно было бы поместить в учебнике.

Высказываются и некоторые частные, иногда спорные или не очень определенные пожелания, например: по мнению одних, в учебнике должно быть больше занимательных текстов (М. Русинова); по мнению других, занимательности в учебнике вполне достаточно, она не должна превращаться в развлекательность, учебник предназначен для серьезных занятий (Н. А. Пленкин). По мнению одних, учебник достаточно насыщен связными текстами; по мнению других, количество упражнений из разрозненных, отдельных предложений должно быть сокращено; упражнения по грамматике, состоящие в придумывании определенного типа придаточных предложе-

ний («придумать пять дополнительных придаточных и включить их в текст»), надо заменить такими, которыми требуются раскрыть какую-то тему, то есть пробудить мысль ученика, а затем предложить передать эту мысль (тему) так, чтобы были использованы соответствующие грамматические явления, скажем, дополнительные придаточные и т. п.

Итак, учебник создан. А что дальше? Все ли проблемы разрешены в нем? Это далеко не так. Сделан только первый, но решительный и серьезный шаг для того, чтобы оторваться от старой, давно сложившейся традиции составления учебников. Новое в нем очень хорошо ощущается всеми непредубежденными читателями, отмечается и высоко оценивается особенно то, что проделано авторами в отношении методической стороны учебника. Здесь это новое «проглядывает», фигурально говоря, с каждой страницы. Но остается совершенно очевидным, что в ближайшем будущем должны быть предприняты шаги для дальнейшего движения вперед в том же направлении, то есть:

а) уточнить с критической точки зрения и в практическом плане остающийся спорным вопрос о соотношении индуктивного и дедуктивного начала в учебнике (есть мнение, состоящее в том, что необходимо усилить в V и тем более последующих классах элемент дедукции);

б) найти уравнивающую среднеедействующую в вопросе о занимательности материала, предлагаемого в учебнике (мнения расходятся: есть корреспонденты, считающие, что в учебнике надо еще усилить элемент занимательности);

в) продолжить поиски новых приемов и видов упражнений и заданий, в большей мере гарантирующих и понимание, и усвоение материала, а также обеспечивающих еще более прочное и надежное усвоение разнообразных навыков по русскому языку (орфографических, речевых);

г) усовершенствовать систему графического оформления учебника: шрифты, условные обозначения (упростить и сократить их количество), рисунки (их содержание, размеры, цвета, отношение к тексту и т. д.);

д) в научно-теоретической (лингвистической) части учебника ориентироваться в основном и прежде всего на

академическую Грамматику (1952), как в наибольшей мере, чем что-либо другое в настоящее время, отражающую то, что может считаться установившимся в языкознании; воздержаться в дальнейшем от «забегания вперед», от поспешности во введении в школу того нового, что не улучшая в общем систему знаний учащихся, расшатывает или подрывает принятое за «основы» науки о языке;

е) продолжить изучение учебника в его действии на практике, в школе с целью совершенствования в дальнейшем.

Так откликнулись активисты-корреспонденты и читатели «Русской речи» на призыв редакции («Русская речь», 1971, № 6) высказаться по поводу нового учебника по русскому языку для V класса.

*Действительный член АПН СССР
А. В. ТЕКУЧЕВ*

ПОЧТА

«РУССКОЙ РЕЧИ»

● НЕ ЛЫКОМ ШИТ

Слово *лыко* издавна употребляется в русском языке в значении «внутренняя часть коры молодых лиственных деревьев (преимущественно липы)». На Руси из лыка плели лапти, веревки, делали корзинки, коробки и т. д. В результате трудового процесса, связанного с лыковым промыслом, возникли и по сей день бытуют выражения *не всякое лыко в строку, не лыком шит, лыка не вяжет* и другие, которые, помимо основного значения, имеют и переносные. Если о человеке говорят, что он лыком шит, лыком подпоясан, то это означает, что он не только бедный, но и несведующий, не имеющий знаний. Человека, не лишённого способностей, изворотливости, хитрости и сообразительности, так не назовут. О нем скажут: он не лыком шит, не лыком подпоясан. «Ишь ты! Лыком шит, совсем как есть деревенщина, а тоже пароходчик!» (Печерский. В лесах); «Начальник — хитрый человек знает, как разговаривать с настоящими шоферами. Но и Бояриков не лыком шит» (В. Конецкий. По сибирской дороге); «Яблочко стоял рядом и сиял, слушая, как я изъясняюсь по-французски. Весь его вид говорил: „Знайте наших! Мы тоже не лыком шиты“». (Тевекелян. Гранит не плавится).

В. Н. Сергеев

О ВЗАИМОВЛИЯНИИ ЯЗЫКОВ

Взаимовлияние языков — одно из самых интереснейших явлений. Взаимодействуют и взаимовлияют и родственные, и далекие друг от друга по своей типологии языки. В нашем социалистическом обществе при равноправном положении народов, взаимовлияние стимулируется мудрой ленинской политикой нашей партии и всем образом советской жизни, в результате чего происходит обогащение взаимодействующих языков; ярче всего это сказывается в лексике.

После добровольного присоединения Киргизии к России на территории бывшей части Туркестанского края поселяются русские люди, переселенцы из разных губерний Российской империи. Общение киргизского народа с появившимися на их земле русскими (земледельцами, ремесленниками, торговцами, интеллигентами) постепенно перерастает в добрососедские, дружественные отношения. Близкое знакомство русских и киргизов в процессе трудовой деятельности, перенимание друг у друга опыта ведения хозяйства, разного вида ремесел, налаживание деловых связей, контакты в быту привели к заимствованию друг у друга реалий, понятий, а вместе с ними и наименований.

Наибольшее количество слов, заимствованных киргизами из русского языка в дооктябрьский период, как и другими народами бывшего Туркестанского края, относится к сфере лексики, связанной с экономикой и, в частности, с торговлей. Это слова, обозначающие приемы и способы ведения торговых операций, систему оплаты торговых сделок, названия мер и единиц измерения и т. д. Например: *бадирет* 'подряд, сделка', *задатке* 'задаток', *бүргөнчүк* 'приказчик', *чиштай* 'чистоган', *чербен* 'чер-

вонец', *кир* 'гиря', *бут* 'пуд', *бодопке* 'пудовка', *жарманке* 'ярмарка' (последнее проникло в диалектном обличье из говоров местных русских жителей); *крым* 'хром', *утуке* 'опойковый', *чигирим* 'шагрень'; *ылас* 'ластик', *киритон* 'кретон' и многие другие названия тканей.

Немало вошло слов из области сельского хозяйства и строительного дела: *соко* 'соха', *бороз* 'борозда', *картошке* 'картошка', *капуске* 'капуста', *чемичке* 'семечки подсолнуха': *чош* 'тес', *кашек* 'косьяк', *матке* 'матица', 'труба железной печи', *меш* 'печь', *бабрик* 'погреб'. Освоены слова, относящиеся к транспорту и связи: *каамыт* 'хомут', *дого* 'дуга', *аглоп* 'оглобля', *шилиге* 'шлея', *бекет* 'почтовая станция', *боштоо* 'почта'.

Приняты наименования административно-территориальных единиц и названия должностных лиц административного управления: *болуш* 'волость', *облус* 'область', *баселке* 'поселок' (русский); *гуурнадыр* 'губернатор', *старчын* 'аульный старшина', *учаскабай* 'участковый'; лексика, отражающая управленческие порядки и реалии: *белет* 'билет на порубку леса', *жалуун* 'жалование', *кенсалар* 'канцелярия', *батир* 'квартира', *кинеге* 'канцелярская книга', *бечет* 'печать'. Заимствовались слова и из области военного дела: *аписер* 'офицер', *салдат* 'солдат', *самык* 'ружейный замок', *абак* 'гауптвахта', *чес* 'честь' (отдать честь), *чен* 'чин, знак различия'.

Немало было перенято названий предметов домашнего обихода, вещей личного пользования, предметов кондитерского производства, посуды, одежды, головных уборов и обуви: *ылампа* 'лампа', *машийне* 'швейная машина', *челмек* 'челнок швейной машины', *панар* 'фонарь', *муштек* 'мундштук', *момпосуй* 'монпасье', *кемпут* 'конфеты', *батнус* 'поднос', *бетелке* 'бутылка', *камсел* 'камзол', *дужурке* 'тужурка', *шапке* 'шапка русского образца', *батычке* 'ботинки'.

Проникая в народную разговорную речь изустным путем, дооктябрьские заимствования подвергались действию фонетических законов киргизского языка и ассимилировались в нем. Вростая в живую ткань киргизского народного языка, они вовлекались в орбиту фольклора, в творчество акынов-импровизаторов. Так, в произведениях выдающегося киргизского просветителя акына-писменника Тоголок Молдо обнаруживается много слов и компонентов словосочетаний, заимствованных из русского языка. Великий киргизский акын Токтогул в своих стихо-

творениях использовал свыше ста заимствованных из русского языка слов, большая часть которых относится к административно-управленческой лексике, к быту, топонимике. Во время отбывания каторги в Сибири он обратил внимание на русские музыкальные инструменты, играл на них и ввел в произведения слова *балалайка*, *мандалина*.

Определенный интерес представляет семантическое освоение дореволюционных заимствований, большинство из которых привилось только в одном значении, например слово *камера* проникло в значение 'помещение для заключенных'. Наоборот, некоторые русские слова в киргизском языке получили значения, отсутствующие у слова-прототипа. Так, *урет* 'ряд' выступает в качестве наименований следующих понятий: 'черед'; 'удобный момент'; 'раз'; 'порядок'. В северном говоре современного киргизского языка слово *бөтөлкө* 'бутылка' эквивалентно понятию 'изящный, стройный' (о женщине): *бөтөлкөдөй сулуу* 'изящная и стройная, как бутылка'. В говорах киргизов, проживающих на территории Казахстана, слово *камыт* 'хомут' функционирует в значении 'веревка на шее теленка' и как семантический перенос по смежности обозначает и самого теленка.

Некоторые русизмы вошли компонентами в состав устойчивых словосочетаний и в какой-то мере содействовали обогащению киргизской фразеологии: *урет бүттү* 'с плеч долой'; *урет бүттү кылба* 'не втирай очки'; *башпырттын бүттү* буквально: «срок твоего паспорта закончился» эквивалентно русским фразеологизмам «твоя песенка спета», «крышка тебе».

По-разному сложилась судьба дореволюционных заимствований: одни из них стали историзмами, другие приобрели иной фонетический облик, соответствующий русскому, большинство же сохранилось в первоначальном виде, являясь неотъемлемой частью активного словарного запаса.

Октябрьская революция внесла глубокие социальные и культурные изменения в жизнь киргизского общества. Это не замедлило отразиться на лексическом составе киргизского языка в виде новых заимствований из русского и через посредство его из западноевропейских языков.

С выходом в свет первых периодических изданий открывается второй канал — письменный. Распространение образования потребовало перевода на киргизский язык

учебной, общественно-политической и художественной литературы. Отсутствие наименований понятий и реалий, встречающихся в текстах переводимой литературы, вынуждало вводить в переводы массу русских и других иноязычных слов. Весьма благоприятные возможности создались для развития полиграфии и осуществления массовых изданий в результате принятия русской графики (не меньшее значение имел этот факт и для киргизской школы). Вместе с тем происходит интенсивное формирование киргизского национального литературного языка. Увеличиваются его социальные функции.

В Советскую эпоху развивается сотрудничество, крепнет дружба киргизского и русского народов, их контакты принимают новые формы: в совместном коллективном труде (на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, научных учреждениях), в совместном проживании в одних селах, в городских домах, студенческих общежитиях.

Все эти факторы содействовали вовлечению в киргизский литературный язык и разговорную речь киргизов массы слов из русского языка. Благотворное влияние русского языка в послеоктябрьский период сказалось прежде всего в стимулировании исконных лексико-грамматических ресурсов киргизского языка, возникновении у многих исконных слов полисемии путем придания им новых (по русской модели) отсутствовавших ранее значений, например: *казан* 'котел' (в военном значении), *кароо* (в обыденном значении 'смотреть') 'смотр', 'осмотр'; в образовании синонимических пар и расширении синонимических рядов за счет исконных и заимствованных лексем и т. п.

Помимо массы прямых заимствований во всех сферах лексики, важную роль в обогащении лексического состава киргизского литературного языка играют кальки, помогающие избегать излишних заимствований. Калькированию подвергаются не только одиночные слова, но и устойчивые словосочетания, пословичные и поговорочные выражения: *балык да эмес, эт да эмес* — 'ни рыба ни мясо'; *темирди кызуусунда сок* — 'куй железо, пока горячо'; *суу бетине айры менен чийген* — 'вилами по воде писано' и многие другие. Являясь защитным заслоном в охране чистоты языка, кальки сближают лексический состав киргизского языка с другими языками Средней Азии, так как и в них обнаруживаются идентичные явления.

Однако было бы глубоким заблуждением считать воздействие русского языка на киргизский односторонним процессом. Русские старожилы Киргизии, овладев киргизским языком, стали, как теперь выражаются, билингвами. Немало и молодежи, хорошо владеющей киргизским языком. В разговорной речи таких людей, когда они говорят и по-русски, используется много киргизских слов, значительная часть которых является общей для тюркских языков Средней Азии и Казахстана.

Особенно много проникло киргизских лексических элементов в местную русскую периодическую печать («Советская Киргизия», «Комсомолец Киргизии» и др.), в научную и научно-популярную литературу по истории, этнографии, географии, природоведению, литературоведению Киргизии. Масса киргизских слов обнаруживается в местной художественной литературе: в произведениях русских писателей и поэтов, в переводах с киргизского языка. Причем киргизская лексика характерна не только для языка персонажей произведений, но и для авторского повествования. Заимствованными из киргизского языка, на наш взгляд, следует считать те слова, которые местная художественная и иная литература (оригинальная и переводная) черпает непосредственно из киргизского языка.

Освоение проникших в местную художественную литературу различных по значению лексем зависит от того, насколько слово необходимо в русском языке, возможна ли замена его соответствующим однословным аналогом, от того, как долго та или иная лексема бытует в повседневном употреблении (в устной разговорной речи местных жителей или в литературе). Вот слова, которые широко известны и достаточно свободно включаются в разговорный диалог: *архар* 'горный баран', *бай* 'богач', *башкарма* 'председатель правления колхоза', *арча* 'древовидный можжевельник', *дувал* 'глинобитный забор', *джерганак* 'облепиха', *боорсак* 'кусочки теста, зажаренные в масле', *бешбармак* 'киргизское национальное кушанье, состоящее из мелко нарезанных кусочков мяса и лапши, политое крепким бульоном', *малай* 'наемный рабочий, выполняющий домашние работы, прислужник', *манап* 'представитель верхушки киргизской феодальной знати' и др.

По своей тематической отнесенности слова, проникшие в русский язык, чрезвычайно разнообразны. В основ-

ном это наименования реалий и понятий, охватывающих все стороны жизни и быта киргизского народа. Многие киргизские слова, часто употребляемые в художественной литературе, обладают многозначностью. В русский язык они входят в одном, иногда в двух прямых значениях, значительно реже в переносном: слово *тамыр* (прямое значение 'корень') используется в переносном смысле 'друг', 'приятель' (вроде русского просторечного *кореш*).

Займствуются главным образом имена существительные, от которых уже на русской почве и при участии словообразовательных средств русского языка возникают имена прилагательные, собирательные и уменьшительные существительные, иногда глаголы: *аил* 'аул' — аильный — аильский — аильчанка — аильчане; *аксакал* — аксакальский — аксакальство; *арча* — арчовник — арчовый; *ишак* — ишачий — ишачить; *кеклик* — кекличонок; *комуз* — комузный — комузист; *саман* — саманный — саманить. Поступая в русский язык, то или иное слово приобретает категорию рода (для одушевленных существительных, обозначающих лица, родовая отнесенность устанавливается по естественному полу, неодушевленные определяются морфологическими признаками): *акын*, *манасчи*, *шырдак* (мужского рода); *байбиче*, *келин* (женского). Существительные среднего рода почти не обнаруживаются, исключение составляют немногие слова: *джайлоо* 'летовка'. Вступая в синтагматические связи, заимствованные слова приобретают категорию числа и падежа. Вещественные и отвлеченные существительные множественного числа не имеют: *бешбармак*, *каймак*; *адаг*, *тамаша* и др., некоторые слова, имеющие копечный *е*, *и*, *у*, *о*, не склоняются: *кесе*, *ырчы* 'певец', *кошокчу*, *джайлоо* и др. Киргизские слова в местных русских изданиях составляют значительный процент, поэтому нельзя не выразить сожаления по поводу того разнобоя в написании некоторых киргизских слов, который царит на страницах печати. Это касается: транслитерации отсутствующих в русском алфавите *ө* и *у*, написания гласных *и*, *ы* после пипящих и заднеязычного *к* (*шырдак*, *ширдак*; *кыяк*, *кияк*); слитного и дефисного написания атрибутивных словосочетаний и т. д. Думается, что необходима единая упорядоченная система орфографирования киргизских слов в русских текстах. Взаимодействие языков служит сближению народов, что имеет огромное значение для ленинской национальной политики, проводимой КПСС и Советским Правительством.

И. Н. БАЖИНА

ОПАЛЬНЫЙ ДОМИК

В стихотворении А. С. Пушкина «Вновь я посетил...» обращает на себя внимание не совсем обычное с точки зрения современного языкового восприятия сочетание высокого, книжного слова *опальный* со словом иной экспрессивной окраски, уменьшительно-ласкательным *домик*:

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Лирический настрой приведенных пушкинских строк, их грустно-задумчивая тональность входят в противоречие со словом *опальный*, если его понимать как 'подвергшийся опале, находящийся в опале', где слово *опала* означает 'гнев, немилость царя к провинившемуся перед ним человеку, а также наказание впадшему в немилость' (17-томный Словарь современного русского литературного языка).

Приводимые строки написаны Пушкиным в 1835 году, спустя десять лет после ссылки в Михайловское. С грустью наблюдает он, в какое запустение пришел за это время дом, печальны его мысли об умершей няне. Именно этими думами и навеян образ опального домика.

Эпитет *опальный*, отнесенный к дому в Михайловском, звучит и в другом стихотворении Пушкина, написанном в то время, когда он находился там в ссылке, в опале:

Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

19 октября 1825

С давних пор слово *опальный* в том значении, которое оно имеет в стихотворении «19 октября 1825 года» употребляется в книжных и поэтических стилях русского литературного языка. Его отмечают все словари русского языка XIX—XX веков. Этимологически слова *опала* и *опальный* в указанном значении восходят к глаголу *опаляти* 'негодовать, осуждать' (И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка).

Омонимичное рассмотренному прилагательное *опальный*, употребленное Пупкиным в стихотворении «Вновь я посетил...», имеет свою историю. И. И. Срезневский в «Материалах для Словаря древнерусского языка» прилагательное *опальный* не отмечает, зато приводит исходные для обоих омонимов существительные-омонимы *опала*¹ 'гнев, немилость царя' и *опала*² 'гибель'. Последнее восходит к глаголу *опадати* 'разрушаться' («Материалы...» И. И. Срезневского). От существительного *опала*² и образовалось прилагательное *опальный* 'гибнущий, брошенный'. Примеры из памятников русского языка показывают, что оно известно в указанном значении с XVII века: «Побежал в Литву чугуевских черкас сотник... да у него же осталось шеснатцать свиней больших и малых и та опальная животина худа, корму нет... И воевода велел тое опальную животину... продать» (Материалы для истории колонизации и быта Московского государства. 1600—1693).

Аналогичное значение имеет прилагательное *опальный*² в русских народных говорах: «Бывает опальная скотина — случайно забредшая скотина, которой желающий может пользоваться... пока не отыщется хозяин» (вятские говоры, Васнецов); «Опальный (баран) — потерявшийся» (пермские говоры, собиратель Серебренников).

С течением времени прилагательное *опальный*² становится все более семантически емким. В конце XVIII века оно начинает приобретать переносные, расширительные значения. Одно из них — 'запущенный, брошенный, оставленный без присмотра и ухода' — реализуется в устойчивом сочетании *опальный дом*. Об этом свидетельствуют примеры из памятников русской письменности второй половины XVIII века: «В другой раз покажется, будто бы идешь из гостей ввечеру домой мимо старого опального дому — и вдруг заскрипит ставень, растворится, и из окна высунется нос в руку длиною» (Виланд,

Обероц, или Царь волшебников. 1787, в переводе В. Левшина); «Сады богини сиротели, и дом имел опальный вид; Зефиры изредка свистели: Казалось ей, свистели в стыд» (Богданович. Душенька, 1799).

Приведем также свидетельства словарей русского языка первой половины XIX века. Наряду со значением слова *опальный* 'находящийся в опале' «Словарь Академии Российской» (1822) отмечает: «Ныне же опальный дом называется, который оставлен без присмотра и без правления починками». То же значение отмечено в Словаре 1847 года: «Опальный... Оставленный без присмотра и починки».

Слово *опальный* в этом значении можно отнести и к дому в Михайловском, так как, построенный в середине XVIII века, он к 30-м годам XIX века совсем одряхлел. Вот как его описывает Н. М. Языков в стихотворении 1830 года «На смерть няни А. С. Пушкина»:

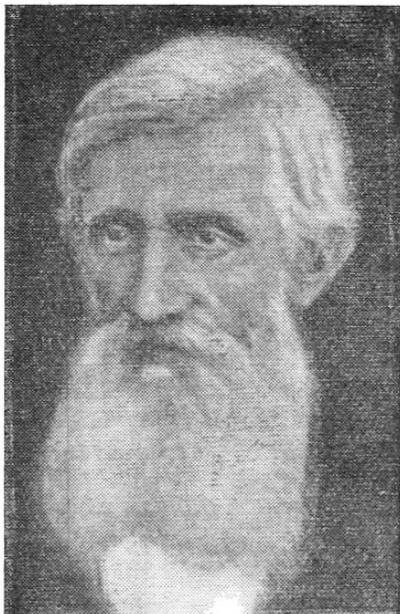
Там, где на дол с горы отлогой
Разнообразно сходит бор
В виду реки и двух озер
И нив с извилистой дорогой,
Где, древним садом окружен,
Господский дом уединенный
Дряхлеет, памятник почтенный
Елизаветинских времен,—
Нас, полных юности и вольных,
Там было трое...

На это основное значение прилагательного *опальный*², несомненно, наслаивается и значение его более «сильного» омонима — *опальный*¹. По-видимому, здесь можно говорить о контаминации значений двух омонимов. Это тем более вероятно, что для современного языкового сознания омоним *опальный*² является архаичным. Его не отмечает даже «Словарь языка Пушкина».

Кандидат филологических наук
З. М. ПЕТРОВА

**Измаил
Иванович
СРЕЗНЕВСКИЙ**

(1812—1880)

И. И. Срезневский был первым в России доктором славяно-русской филологии, одним из основателей исторического изучения русского языка, прекрасным знатоком славянской этнографии и палеографии. Он родился 1 июня 1812 года в Ярославле. Предки Срезневского в течение многих поколений были священниками села Срезнева Рязанской губернии. Дед Измаила Ивановича, имея большую семью, не мог дать детям никакого образования. Они должны были сами пробивать себе дорогу. Два брата (один из них отец И. И. Срезневского) добились профессуры, другие стали крестьянами.

В 1812 году отец Срезневского был избран профессором Харьковского университета по кафедре российского красноречия и поэзии. Через шесть лет Иван Евсеевич умер, и воспитание сына целиком легло на плечи матери. Под влиянием матери И. И. Срезневский очень рано полюбил литературу и музыку, в девятилетнем возрасте уже начал писать стихи, а затем стал собирать и изучать народную поэзию. Четырнадцать лет он поступил в Харьковский университет и в 1829 году окончил его со степенью кандидата, представив диссертацию «Об обиде». После этого Срезневский несколько лет служил в разных присутственных местах города Харькова и давал уроки в учебных заведениях и в частных домах. Одновременно он продолжал заниматься статистикой и политической экономией.

В это время в Харькове существовал круг людей, увлеченных литературой (Квитка-Основьяненко, Гулак-Артемовский и др.). Под их влиянием у Срезневского рано пробудился интерес к старине и народной словесности. В 1831 году он (вместе с И. В. Росковшенко) издал «Украинский альманах», где поместил несколько своих стихотворений и первые записи украинских песен. В 1832 году выходят «Словацкие песни», записанные у бродячих торговцев-словаков. В следующем году вышла первая часть «Запорожской старины» (II ч.— 1838), где были собраны украинские исторические песни и думы, летописные материалы и записи самого Срезневского о быте запорожцев.

В 1835 году Срезневский сдал магистерские экзамены и вскоре представил диссертацию «Опыт о сущности и содержании теории в науках политических». После ее успешной защиты в 1837 году он был назначен адъюнктом Харьковского университета по кафедре политической экономии и статистики. В 1839 году Срезневский опубликовал книгу «Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии сравнительно», которую хотел представить в качестве докторской диссертации. Но в совете ее не пропустили, так как многие мысли автора показались слишком необычными. Это сыграло решающую роль в научной судьбе Срезневского.

По уставу 1835 года в университетах были введены кафедры истории и литературы славянских наречий. Поскольку в России еще не было подготовленных специалистов для этих кафедр, то министерство просвещения решило направить за границу молодых людей для изучения языков, литературы и истории западных и южных славян. Среди первых кандидатов оказались Бодянский, Прейс, Григорович и Срезневский.

Срезневский выехал за границу 17 сентября 1839 года. После небольшой остановки в Берлине он в феврале 1840 года прибыл в Прагу. Чехия в то время переживала период национального возрождения. В силу определенных исторических обстоятельств языковые вопросы стали важнейшей политической проблемой — развитие чешского языка рассматривалось как предпосылка и одно из главных условий для дальнейшего существования и развития чешской культуры и даже чешского общества в целом. Вклад чешских ученых и просветителей в славяноведение был настолько велик, что чешские земли надолго стали центром научных исследований в области славистики.

Срезневский усиленно изучает чешский язык, памятники древней письменности и современную литературу, знакомится с музеями, библиотеками, театром. Его первыми учителями и руководителями были Шафарик, Челаковский, Юнгманн, Палацкий, Шумавский.

В июне 1940 года Срезневский покинул Прагу, чтобы посетить другие чешские города — Бероун, Пльзень, Страконице, Будеевице, Брно, Оломоуц. Пешком, с котомкой за плечами он бродил по самым захолустным местам, стремясь найти в более чистом виде язык и народные обычаи, изучал различные говоры. А. Пыпин, оценивая значение этой поездки, писал: «Путешествия Срезневского и его сотоварищей по изучению славянства стали переломом в целой нашей историко-филологической науке. С этих путешествий началось впервые правильное и многостороннее изучение славянства; изучение самой русской древности, этнографии, языка впервые получило более широкое и прочное основание через введение исследований сравнительных; даны были первые опоры для сознательного понимания отношений русско-славянских и за пределами научной специальности, в области национальной и общественно-политической» («Вестник Европы», 1880, т. 2, кн. 3).

После возвращения на родину в сентябре 1842 года Срезневский был назначен профессором по кафедре славянских наречий. О его лекциях один из слушателей рассказывает следующее: «Успех его был громадный. Студенты всех факультетов, особенно в первый год курса, толпами стекались слушать красноречивого профессора; самая большая университетская аудитория, № 1, не вмещала всех желающих. Новость предмета, бойкость изложения, то восторженного и приправленного цитатами из Коллара, Пушкина и Мицкевича, то строго критического, не лишённого юмора и иронии, все это действовало на учащуюся молодежь самым возбуждающим образом, все это было так своеобразно и еще ни разу не случалось, как гласит предание, на университетской кафедре» («Вестник Европы», 1871, т. 1, кн. 1). В 1846 году Срезневскому за диссертацию «Святынища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям» первому в России была присуждена степень доктора славяно-русской филологии.

В 1847 году Срезневский был переведен в Петербургский университет, в котором работал до конца своих дней. В течение многих лет он был деканом факультета, исполнял должность ректора. С 1848 по 1859 год параллельно преподавал в Главном педагогическом институте. В Петербурге Срезневский читал энциклопедическое введение в славянскую филологию, историю языка, славянские древности, древности русской словесности, древности юго-западных и западных славян. У своих слушателей он стремился воспитать любовь к науке, самостоятельность мысли, умение работать, самокритичность. В одной прощальной лекции ученый, обращаясь к студентам, говорил: «Судите меня *строго*: это и мне будет полезно, если только оценка ваша не будет для меня тайной; это будет полезно и не для одного меня. Пусть каждый из нас будет

возвышать ученую требовательность в себе и вокруг себя для пользы общей,— и мы все пойдем вперед, как сотрудники в общем деле, кто бы чем ни занимался». Учениками его были М. И. Сухомлинов, В. И. Ламанский, Н. А. и П. А. Лавровские, А. С. Будилович и другие будущие видные ученые.

В 1849 году Срезневский был избран адъюнктом Отделения русского языка и словесности Академии наук, в 1854 году — ординарным академиком. И прежде всего он решил создать периодический орган, посвященный русскому языку и славяноведению. Таким органом стали «Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности» (1852—1861), душой и бессменным редактором которых был сам Срезневский. Здесь он начал длинный ряд исследований о древних памятниках, ввел библиографию славянской историко-филологической литературы, печатал произведения народной словесности и т. д. «Известия» со своими приложениями стали научным центром русских языковедов, палеографов, историков литературы. Отдел «Библиографические заметки», в котором за десять лет были напечатаны рецензии на 543 книги, является живой летописью литературной и научной жизни славянства в этот период. После прекращения «Известий» в 1861 году Срезневский много печатался в сборниках Второго отделения Академии наук, в трудах Географического и Археологического обществ, писал рецензии на работы, представленные на соискание Уваровской и Демидовской премий и т. д.

Умер Срезневский 9 февраля 1880 года.

Научное наследие Срезневского огромно. Библиография его работ, изданная Академией наук в 1881 году, включает 389 названий. В первые годы (харьковский период) он занимался преимущественно изучением современной народной речи, поэзии и быта славянских народов. Наиболее характерными и обобщающими работами этого периода являются уже упоминавшаяся докторская диссертация, затем «Обозрение главных черт сродства звуков в наречиях славянских» (1845), где он, используя сведения по славянской диалектологии, собранные во время путешествия, классифицирует славянские языки и их наречия, отмечает случаи сходства вокализма и консонантизма в различных диалектах.

Не утратили значения до нашего времени работы: «Публичные чтения о славянах» (1843), «Исторический очерк сербо-лужицкой литературы» (1844), «Очерк книгопечатания в Болгарии» (1846), «Об обожании солнца у древних славян» (1846).

Во второй период — петербургский — основной областью научных интересов Срезневского становится история русского языка, памятники древней славянской и русской письменности, русская археология.

8 февраля 1849 года Срезневский выступил с речью на годовичном торжественном собрании Петербургского университета. Речь имела огромный успех и неоднократно издавалась под названием «Мысли об истории русского языка». Срезневский начинает с утверждения, что народ и язык существуют нераздельно, народ полнее и вернее всего выражает себя именно в языке. Наука должна исследовать, как и по какому пути идет изменение языка, и тем самым выяснить законы его развития. История языка должна ответить на два вопроса: 1) каким был язык в момент отделения от той или иной языковой общности, 2) как он затем изменялся у данного народа.

Эти общие принципы Срезневский распространяет затем на русский язык, рассматривая его как продолжение истории языка славянского племени и продолжение истории индоевропейской семьи языков. Охарактеризовав на основе памятников X—XIV веков фонетические и морфологические особенности древнего русского языка, он подтвердил вывод Востокова, что этот язык «в первобытном своем состоянии ближе всего подходил к наречию старославянскому и вместе с ним всего более сохранил черты первообразного общего славянского строя». Говоря о судьбах собственно русского языка, Срезневский прежде всего различает историю народного языка и историю языка книжного. Если первоначально они были довольно близкими, то потом стали отдаляться друг от друга, так как язык богослужебных книг отличался неподвижностью. Народный язык все дальше шел по пути изменений в своем составе и строе, образуя местные говоры и наречия. В XIII веке язык светских грамот и летописей, где господствовал народный элемент, существенно отделяется от языка духовных сочинений. Таково содержание первого периода развития книжного языка. Во второй период, наоборот, происходит сближение книжного языка с народным, так как с развитием письменности народные элементы все больше проникали в книжный язык. Таким образом, возникает как бы два книжных языка: один — более древний, архаический, другой — новый, как результат смешения старославянско-го с живым народным языком.

С историей языка Срезневский тесно связывает историю словесности. Периоду образования народного русского языка в его древнем, первоначальном виде соответствует период образования народной словесности. Периоду отделения книжного языка от народного соответствует период отделения книжной литературы от народной словесности.

Для создания полной истории русского языка, говорит Срезневский, необходимо, во-первых, разобрать в лексическом, грамматическом и историко-литературном отношении каждый старый па-

мятник и составить к нему полный словарь. Во-вторых, описать местные говоры, составить словари диалектной речи, а также сборники произведений народного творчества. В-третьих, всесторонне описать современный русский литературный язык и язык отдельных писателей. На основе монографического описания памятников языка старого и современного, книжного и народного следует составить исторический словарь и историческую грамматику. При этом большую помощь может оказать также сравнительно-историческое изучение славянских и других индоевропейских языков.

«Мысли» Срезневского заложили основы исторического изучения русского языка, впервые осветили основные этапы его истории и представили своего рода программу предстоящих исследований. Книга получила высокую оценку многих виднейших ученых того времени. Так, А. Котляревский, давая обзор истории сравнительного языкознания в России в I половине XIX века, писал: «„Мысли“ — явление безусловное и, как бы ни пошла далеко вперед наука, за ними останется честь немалого влияния на утверждение в нашем обществе животворных начал сравнительно-исторического метода в изучении родного языка» («Отечественные записки», 1859, т. СХХVI).

Срезневский много занимался собиранием, изучением и изданием письменных памятников. Еще в 1848 году он опубликовал работу «Древние письма славянские», в которой высказал мнение, что глаголица составлена по образцу кириллицы в Болгарии в IX—X веках. Впоследствии он нашел такой вывод недостаточно убедительным и решил серьезнее заняться изучением глаголицы и глаголических памятников. Вот наиболее известные работы, посвященные этому вопросу: «Древние глаголические памятники» (1861—1862), «Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицы» (1866), «Древние глаголические отрывки, найденные в Праге» (1857), «О древней глаголической рукописи, хранящейся в Киевской духовной академии» (1876) и др. Однако вопрос о времени составления глаголицы остался нерешенным.

Но особенно много времени и труда Срезневский посвятил изучению памятников кирилловского письма. В 1863 году он издает «Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков)». Эта работа представляет собой хронологическое обозрение 693 древнерусских памятников с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. В 1865 году выходят «Древние памятники письма и языка юго-западных славян (IX—XII вв.)», в 1868 году — «Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка», где дается описание, анализ языка и палеогра-

фических особенностей 33 памятников XI—XIV веков, из которых прежде известны были только четыре. В 1864—1881 годах печатаются «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках». В них рассматривается свыше 180 памятников IX—XVII веков, написанных кириллицей, глаголицей и латиницей. Притом многие из них были опубликованы (целиком или в отрывках) впервые. Например, Срезневский первый познакомил читателей с такими важнейшими произведениями древнерусской литературы, как «Повесть о Цареграде», «Сказания о святых Борисе и Глебе», «Задонщина», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина и многими другими.

При изучении древних памятников Срезневский большое внимание обращал на палеографию. Он имел снимки почти со всех сколько-нибудь значительных памятников до XV века. Недаром современники считали его первым знатоком славяно-русской палеографии, своими трудами далеко продвинувшим эту науку вперед.

Всю жизнь Срезневский занимался сбором лексического материала славянских языков. Он принимал деятельное участие в составлении «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря», написал ряд работ по вопросам лексикографии. Среди них необходимо прежде всего отметить разбор Словаря 1847 года, Словаря Рейфа, церковнославянского Словаря Востокова, статьи «Обозрение замечательнейших из современных словарей» (1854), «Заметки по поводу чтения мнений Я. Гримма о словаре» (1859), «Замечания о словаре славянских наречий и о трудах д-ра А. Шлейхера» (1866) и др.

С середины 40-х годов Срезневский приступает к созданию древнерусского словаря на основе памятников XI—XIV веков, а отчасти и XV—XVI веков. К этой работе он привлекает также своих слушателей — А. Н. Пыпина, Н. Г. Чернышевского, П. А. Лавровского и др. Но ему не удалось довести до конца свой почти сорокалетний труд. После смерти Срезневского подготовкой и изданием словаря занялась его дочь Ольга Измаиловна, посвятившая этому делу 32 года жизни. В этой трудной работе большую помощь ей оказывали другие члены семьи и Академия наук. В 1912 году, к столетней годовщине со дня рождения Срезневского, вышел последний том «Материалов для Словаря древнерусского языка», который является у нас пока единственным историческим словарем.

Большое место в научном наследии Срезневского занимают обзоры деятельности отдельных ученых, воспоминания о них, биографии. Благодаря общительному характеру, живому интересу ко всему новому Срезневский был знаком и поддерживал контакты

со многими выдающимися деятелями европейской науки и культуры.

Срезневского нередко упрекали в том, что в последние тридцать лет своей жизни основное внимание он сосредоточил на издании и описании памятников и вследствие этого не оставил после себя обобщающих трудов. Но нельзя не учитывать того, что расцвет его деятельности падает на годы, когда исторический метод еще только начинал широко применяться к славянским языкам и для этого требовался новый колоссальный фактический материал, взятый не только из литературных произведений, но и из просторечия, народных говоров и древних памятников. В собирании такого материала, то есть в создании основы для исторического описания славянских языков, он и видел свою основную задачу. Поэтому прав был А. Пыпин, когда, оценивая научные заслуги Срезневского, писал: «Масса трудов, совершенных им в области археологии, палеографии, издания памятников, громадна; если прибавить к этому еще то, что было им сделано по русской и славянской археологии, и в прежнее время по славянской мифологии, этнографии, языку, то его справедливо можно поставить наряду с замечательнейшими исследователями славянства, какими были Добровский, Востоков, Шафарик».

С. В. СМЕРНОВ

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ФОНЕТИКА

1. Различаются ли произношением слова *тушь* (для черчения) и *туш* (марш)?
2. Есть ли в русском языке слова, в которых *ж* произносится мягко?
3. Есть ли в русском языке слова, в которых буква *я* не обозначает мягкости предшествующих согласных?
4. Сравните произношение слов: стук — визг, сыпь — зыбь, клок — слог, брак — враг, загадка — рогатки, пирожки — порошки. Сколькими звуками отличаются друг от друга слова в каждой паре?
5. Какое «противоречие» русской орфографии можно усмотреть в словах *женигба* и *свадьба* с точки зрения их состава произношения и правописания?
6. Отгадайте метаграмму:

Со звонкой на конце он значит
Примерно то же, что «не стар»,
С глухой — по наковальне скачет,
Звенит в ушах его удар.

(Ответы на стр. 124)

А. Т. АРСИРИЙ
Ужгород

СЛОВАРЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ И УДАРЕНИЯ

(Окончание. См.: 1971, № 4—6, 1972, № 1—5)

Табель, -ля, муж. (но табель, -ли о рангах, жен.)
 таможня [не таможня]
 танго (устар. тангб)
 тандем (дэ) [не тандем]
 танцовщик [не танцовщйк]
 танцовщица [не танцовщйца]
 татуировать [не татуировать]
 творог, -а и доп. творог, -а
 тезис (тэ)
 текст (т'е)
 тембр (тэ и доп. т'е)
 темп (тэ и доп. т'е)
 тенденция (тэ, дэ)
 теннис (тэ)
 тент (тэ и доп. т'е)
 теплопровод [не теплопрвод]
 терапия (т'е)
 термин (т'е)
 тефтели (разг. тефтэли)
 тигровый (разг. тйгровый)
 титульный [не титулный]
 толика [не толика]
 толь, -ля, муж. [не толь, -ли, жен.]
 тоннель и туннель (нэ)
 торбс [не тброс]
 торфяник, -а (специалист по торфу)
 торфяник, -а (залежь торфа)
 тотчас и доп. тотчас
 тошнота [не тошнота]
 трек (р'е и доп. рэ)

трéнер (р'е) [не тренёр]
 третировать [не третировать]
 туювник [не туювник]
 тюль, -ля, муж. [не тюль, -ли, жен.]

Убыстрённый (разг. убыстренный)

убыстрить (разг. убыстрит)
 уведённый [не увёденный]
 уведомить [не уведомит]
 увезённый [не увезенный]
 углубить [не углубит]
 угольный (от уголь)
 угольный (от угол)
 удилице (разг. удилице)
 удить (разг. удит)
 удобренный (разг. удобреный)
 узаконение [не узаконение]
 украинский (разг. украинский)
 уменьшенный [не уменьшеный]
 упадочнический [не упаднический]
 упадочничество [не упадничество]
 уполномочивать [не уполномачивать]
 упрочение [не упрочение]

Факсими́ле (разг. факсимилé)
 фанéра (н'е)
 фарфóр [не фярфор]

феерия [не феерия]
феномен (разг. феномен)
фетиш [не фетиш]
фланель (н'е)
фольга (разг. и проф. фольга)
форель (рэ и доп. р'е)
формировать [не формировать]
фортель (тэ и доп. т'е) [не фортель]
фóрум [не фóрум]
фреза (проф. фрезá)

Ханжество (устар. ханжество)
хаос (мировая стихия)
хабс (беспорядок)
характерный (своеправный; выразительный)
характерный (типичный; особенный)
хвоя (разг. хвоя)
хлопковый [не хлопковый] (от хлопок)
хлопок, -пка (растение) [не хлопок, -пка]
хлорировать [не хлорировать]
ходатай [не ходатай]
ходатайство [не ходатайство]
ходатайствовать [не ходатайствовать]
хóлennyй (разг. холённый)
холуй [не холуй]
хребёт [не хребёт]
христианин (разг. христианин)

Цапать [не цапать]
цемент [не цемент]
цунами [не цунами]
цыган [не цыган]

Чардаш [не чардаш]
частик, -ка (разг. частик, -ка)
черпать [не черпать]
черстветь [разг. черстветь]
чистильщик [не чистильщик]
чихота (разг. чихота)
чрезвычайно [не чрезвычайно]
что (шт)
чтобы (шт)
чулок, -лка; множ. чулки, -лок [не чулков]

Шампунь, -ня, муж. [не шампунь, -ни, жен.]

шасси (проф. шáсси)
шатён (тэ)
шворень и шкворень
шелковица (проф. шелковица)
шестерня (проф. шéстерня)
шинель (н'е)
шкаф (разг. шкап)
шкóдливый [не шкóдливый]
шлем [не шлём]
шофёр, множ. шофёры, -ов [не шофер, множ. шофера, -ов]
шофёрский [не шоферский]
шпрóты, -тов [не шпрот]
шрапнель (н'е)
штёмпель (тэ и доп. т'е)

Щавель, -ля [не щáвель, -ля]
щекóтно [не щéктотно]
щёлка, щёлочка [не щёлка, щёлочка]

Экзальтированный (разг. экзальтированный)
экипированный (разг. экипированный)
экипировать (разг. экипировать)
эксперт [не эксперт]
экспресс (рэ и доп. р'е)
экспрессия (рэ и доп. р'е)
эластик [не эластик]
электрификация [не электрофикация]
электропровод (электрический шнур)
электропровод (линия электропередачи)
эмалировать [не эмалировать]
энергия (нэ и доп. н'е)
эскóрт [не эскóрт и не э́скóрт]
эссенция (сэ и доп. с'е)

Языковой (относящийся к речи, общению)
языковый (относящийся к языку — органу в полости рта)
яичница (шн)
яичный (чн и доп. шн)
ярём [не ярём]
ярёмный [не ярёмный]
яство [не явство]
яшма [не яшма]

СТАРИННЫЕ МЕРЫ ДЛИНЫ

(Окончание. Начало см.: «Русская речь», 1972,
№ 3, 4, 5. Составитель Г. Я. Романова)

ПЯДЬ, ПЯДА, ПЯДЕНЬ — мера длины, равная расстоянию от конца большого пальца до конца указательного (малая пядь — 18—19 см) или среднего пальца (великая пядь — 21—23 см). Слово *пядь* родственно с глаголом *пяти* (*распять*). В некоторых областях была известна мера *пядь* или *пядень* с *кувырком*, *пядь* или *пядень* с *кутыркой* — равна пяди с добавлением двух первых суставов указательного или среднего пальца (27—30 см). Эта мера встречается в древнейших памятниках письменности. Однако об официальной мере *пядь* с точно установленным реальным содержанием, соотношенным с другими метрологическими единицами: о пяди как $1/8$ части сажени, $1/2$ локтя, едва ли можно говорить раньше XVI века. Причем официальная мера *пядь* могла уже не соотноситься по величине с народной мерой, которая дала ей название. См. *четверть*.

ПЯСТЬ — то же, что *ладонь*. «Тесьма шириной в пясть» (Даль).

РУКА — мера в размах рук. То же, что *маховая сажень*. Употреблялась при вязке сетей у ильменских и волховских рыбаков.

САЖЕНЬ, древнее *сяжень* — мера длины, употребленная уже в самой древней русской надписи об измерении князем Глебом ширины Керченского пролива в 1068 году: «Въ лѣто 6676 (1068 год) Глѣбъ князь мерилъ мо(ре) по леду от Тъмutorоканя до Кърчева 10000 и 4000 сяжень». *Сажень* так же, как и *шаг* (см. *Шаг*), этимологически связаны с корнем *сяг-* (ср. *досагать*), который, видимо, мог иметь значение 'обмерить или при ходьбе ногами (шаг) или раскинутыми руками (сажень)'.

В качестве долей сажени известны *локоть* и *пядь* (сажень равна четырем локтям и восьми пядям). С конца XVI века упоминается *трегаршинная сажень*, которая стала в XVII веке официальной мерой централизованного Московского государства: «сажень, чѣмъ мѣрить земля, или иное что, дѣлать въ три аршина, а больше или меньше трехъ аршинъ сажени не дѣлать» (Уложение 1649 г.).

Сажень была одной из самых распространенных мер. В памятниках XVI—XVII веков мера *сажень* широко представлена в сочетании с прилагательным, более подробно характеризующим сферу употребления меры, способ измерения, ее величину. Прилагательные *коловратная*, *маговая*, *ручная*, *простая*, *человеческая* при слове *сажень* указывали, каким способом производилось измерение, и называли меру, равную длине размаха рук. Сажени *деоровая*, *лавочная*, *земляная*, *писцовая*, *таможенная* употреблялись, о чем свидетельствуют сами определения, при описи писцами лавок, дворов, земельных владений и т. п. *Городовая* и *мостовая* сажени находили применение в «городовом деле» (строительстве укреплений); *трубная сажень* применялась в соляном производстве. Если *сажень* сопровождалась определениями *государева*, *казенная*, *мера*, *печатная*, *прямая*, *указная*, *царская*, то сочетание обозначало меру официальную.

Интересно употребление меры *косая*, *косовая сажень* в памятниках XVII века. В одном из документов 1629 года о постройке деревянного острога в Сибири величина ее определяется так: «в сажень косую пятнадцать деревь а дерево в отрубъ четыреъ вершка». В переводе на метрическую систему это займет расстояние в 270 см и больше, так как деревья из-за неровностей не могли плотно прилегать друг к другу. *Косая сажень* XIX века (по Далю) определена как мера, равная расстоянию от конца большого пальца вытянутой ноги до указательного пальца поднятой руки противоположной стороны, около 216 см.

Метрологический термин *сажень* известен и в наши дни, но он значительно сузил сферу употребления и под влиянием метрической системы теперь обычно отождествляется с двумя метрами.

СКОК — расстояние менее версты (Даль).

СЛЕД — синоним мерам *ступень*, *стопа*, *шаг*. «Церковь... въ долготу шахи (ступни) 38, въ широту слѣды (ступни) 35» (Проскивитарий А. Каллуды. XVII в.); «Марс Российский всю Европу скорыми измѣрил слѣдами, и неслыханное въ свѣтъ учиня... миръ принесь орлам союзным» (Флоринава економия, предисловие).

СТАДИЙ и *СТАДИЕ*, *СТАДИЯ* — книжное слово (из греческого *stadion* 'мера длины, равная расстоянию около 185 м'), встречается

в переводных памятниках древнерусской письменности. «Стадіе имать саженой сто, поприще саженой 7 сотъ и 50 и есть убо едино поприще стадий 7 и полъ» (Рукопись XV в.).

СТЕНА — мера пряжи или холста от 5 до 15 аршин (3—10 м) в зависимости от длины стены избы, так как основу ткани часто сновали на стене строений; отсюда и название меры. «Когда ткешь, то наткано стенам мерись» (Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. 1969).

СТЕПЕНЬ, СТОПА, СТУПЕНЬ — в памятниках древнерусской письменности имеют два метрологического значения: 1) мера длины, равная шагу (более употребительно); 2) мера длины, равная ступне. Ср. «12 степени (ступени) нога к ногъ прикладая» (Проскинитарий А. Каллуды. XVII в.). Меры *степень, стопа, ступень* часто употребляются в одних и тех же памятниках как синонимы. В памятниках письменности встречается употребление термина *степень* в соответствии с современным *градус*: «Подобаетъ... знати градусы или степени по широте и долготе» (География или краткое земного круга описание).

СТОЛБ — (уральское, томское) мера длины холста (четверть или 1/5 «стены»). В бассейне среднего течения реки Оби *столб* известен как мера длины сетей.

СТРЕЛА — мера, равная длине стрелы (1¼ аршина), употребляющаяся преимущественно при измерении длины рыбы. «По 150 стерлядей в стрелу, 50 средних в аршин, по 100 стерлядей меньших в аршин без чети» (Указ Алексея Михайловича). Мера рыб в стрелу, равная 1¼ аршина, в XIX веке была известна рыбакам на Волге. Но памятники письменности говорят о большей распространенности этой меры. Ср. при описи икон около 1550 года: «Дмитрий чюдотворецъ на златѣ, въ стрелу».

СТРЕЛИЩЕ, СТРЕЛОВИЩЕ, СТРЕЛЬБИЩЕ — так же, как и *перестрел, перестрелище*, обозначал меру, равную расстоянию полета стрелы. Считают, что в среднем стрела могла пролететь 60—70 м. С появлением огнестрельного оружия *стрелище, стрельбище* стало обозначать расстояние, на котором выстрел может попасть в цель. Такой способ обозначения расстояния в современном языке сохранился в выражениях «подпускать на выстрел», «поджодить на выстрел».

СЯГ, СЯЖОК — расстояние, на которое можно сягнуть, шагнуть (по Далю). «Ты отъ жены (дела, правды, службы) на вершок, а она от тебя на сяжок».

ТОПОРИЩЕ — мера, равная длине рукоятки топора. «У Крома отвалилося стены 15 топорещ» (Палея. 1477).

УЖИЩЕ — то же, что *веревка, вервь*. «Дѣтемъ боярскимъ Осипу да Омосу Ушаковым дано празги [плата за наем] за севные

покосы за три ужища» (Книга приходно-расходная. 1656—1657).

УПРЯЖКА — расстояние, которое проезжают, не распрягая и не кормя лошадей (от 20 до 40 верст).

ФУТ — мера длины (от английского foot 'ступня'). В памятниках письменности употребляется с конца XVII века как мера, применяемая в инженерном строительстве и морском деле. «Судно длиною двѣсти футъ строить» (Воронежские акты. 1698).

ЧЕМОС, ЧУМОС, ЧУНКАС — мера путевого расстояния (от 5 до 7 верст) у русского населения в соседстве с финно-угорскими народами на Европейском Севере. Коми-зырянское *чом-кост* — охотничье: расстояние между двумя шаламами; *чом* 'шалаш' и *кост* 'промежуток'. «До Прокопиевского погоста... 6 чюнкасов, а версть 30, понеже во всякомъ чюнкасѣ по 5 версть, и сие слово черемисское и вотяцкое: чюнкас (яко бы милья)». (Посольство Унковского. XVIII в.)

ЧЕТВЕРТЬ, ЧЕТЬ — четвертая часть аршина, как доля аршина известна с XVI века. В народной метрологии *четверть* принималась равной пяди (расстояние между концами большого и указательного пальцев). «Я взял на четверть выше вашей головы... вот так.— Он отмерил пядь на своем одеяле и долго держал так и смотрел попеременно, то на нее, то в глаза Бабаеву.— Вот так на четверть,— сухо повторил он» (Сергеев-Ценский).

ШАГ, ШАХ — мера длины, равная расстоянию между ступнями ног при ходьбе; в памятниках письменности известна только с XVII века исключительно в форме *шах*. Вполне возможно, что слово *шах* с конечным *x* отражало южновеликорусское произношение оглушенного фрикативного *γ* и попало в деловую письменность из языка служилого казачества. Восстановление *з* на конце слова произошло в XVIII веке на основе сближения слова с родственным ему корнем *саз-*, к которому восходит также и мера *сажень*. Мерой *шаг* широко пользуются и в наши дни.

ШАЗА — мера длины в две карачки (карачка — растянутый широкий шаг) или сажень. У Даля приводится с пометой «казанское». Название этой меры может восходить к *сажень*, которое, вероятно, было преобразовано в языках народов Поволжья.

ШЕСТ — мера длины в 1-2 сажени. Название употреблялось также в значении земельной меры; ср.: *батог, кол, палка*.

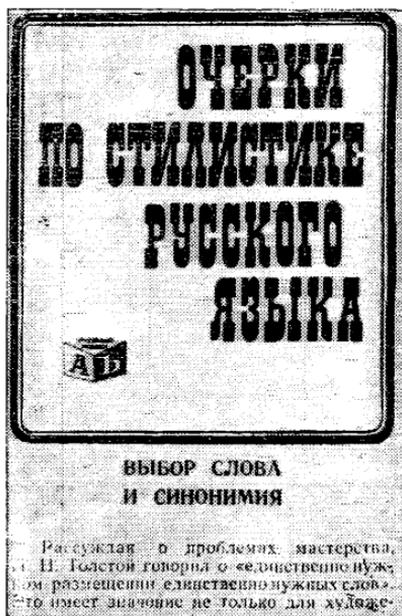
У НАС В ГОСТЯХ ЖУРНАЛ «РУССКИЙ ЯЗЫК ЗА РУБЕЖОМ»

Интерес к русскому языку в мире возрастает с каждым годом. Русский язык изучают в 78 странах. Ежегодно в университетах, колледжах, гимназиях, школах, в многочисленных кружках, на курсах им занимается 20 миллионов человек.

Помочь всем изучающим и преподающим русский язык, всем, кто интересуется нашей страной, жизнью советских людей,— задача журнала «Русский язык за рубежом». Разнообразен круг за-

рубежных читателей журнала — это преподаватели русского языка и студенты, ученые и методисты-русисты, школьники и представители самых различных профессий. В нашей стране журнал успешно используют в школах и вузах союзных республик.

Журнал помогает и начать изучение русского языка, и совершенствовать знания. Уроки «Самоучителя» для начинающих, фонетический практикум, адаптированные отрывки из произведений русских и советских писателей, тематические диалоги («Разговор по телефону», «Путешествуйте с ними», «В магазине» и др.).

которые существительные женского образования от имен существительных мужского рода при помощи суффиксов -ша, -ка и даже без суффиксов, даются между от парных им существительных того рода. Сравните:

РАЗЛИЧАЙТЕ ЭТИ СЛОВА

сторож —
мужское существительное, профессия

сторожка —
женское существительное, место

пекарь —
мужское существительное, профессия

пекарня —
женское существительное, место

молочник —
мужское существительное, профессия

молочница —
женское существительное, место

практическая стилистика, разнообразные упражнения — все это адресовано тем, кто самостоятельно изучает русский язык.

Сделать процесс обучения более эффективным помогают многочисленные иллюстрации, фотографии и пластинка — звуковое приложение к каждому номеру журнала (учебные диалоги, рассказы и стихи, песни, юмористические скетчи). В настоящее время обучение иностранным языкам, в том числе и русскому, основывается на сочетании многих методов. О том, какой метод более полезен в зависимости от цели обучения, как лучше их сочетать, рассказывается в разделе «Методика».

Многих читателей интересует жизнь и научная деятельность ученых, вписавших яркие страницы в русское языкознание. Раздел «Лингвистика» публикует очерки о выдающихся языковедах — М. В. Ломоносове, А. А. Шахматове, Л. В. Щербе, С. П. Обнорском и др.

«Заметки и сообщения» можно назвать трибуной зарубежных преподавателей. Здесь обсуждаются проблемы обучения языку в различных

А. А. ШАХМАТОВ

РАБОТА НАД ТЕМОЙ «ШЛЯХИ ГЛАГОЛОВ» НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В настоящее время в школах широко распространены различные методы работы над темой «Шляхи глаголов». Однако в большинстве случаев работа над этой темой сводится к заучиванию правил и формул, что не способствует развитию интереса к языку и пониманию его особенностей.

Важнейшей задачей при работе над этой темой является формирование у учащихся умения анализировать глаголы по различным признакам: по времени, по виду, по спряжению, по числу, по роду, по лицу, по падежу, по степени сравнения, по способу образования, по значению, по стилистическим особенностям.

Для этого необходимо использовать разнообразные методы и приемы: диалог, дидактические игры, упражнения, творческие задания, работу с текстом, работу с таблицами, работу с карточками и т.д.

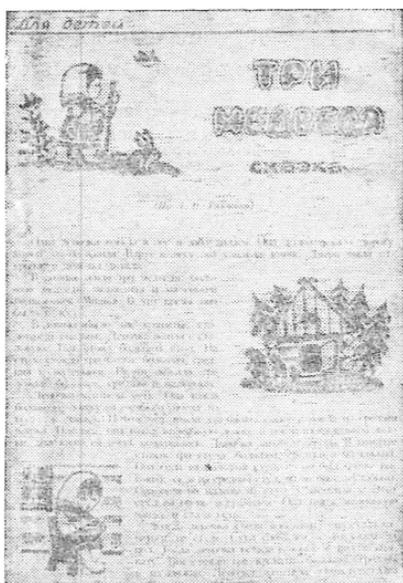
Важно также обращать внимание на то, как глаголы используются в речи, как они сочетаются с другими частями речи, как они влияют на интонацию и ритм предложения.

Работа над темой «Шляхи глаголов» должна быть интересной и занимательной, чтобы учащиеся могли легко усвоить материал и применить его на практике.

учебных заведениях. Авторы предлагают различные методы преподавания, делятся опытом. На страницах журнала выступают русисты из Болгарии, Польши, Чехословакии, Вьетнама, ГДР, Монголии, Румынии, Югославии, Индии, Японии, Англии, Франции, США и многих других стран. В 1967 году русисты мира создали Международную ассоциацию преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Журнал регулярно информирует читателей о деятельности этого объединения, призванного способствовать распространению и изучению русского языка и литературы, содействовать развитию связей между преподавателями разных стран.

В разделе «Мозаика» помещаются самые разнообразные материалы: рассказы о русских умельцах, очерки о творчестве писателей, художественные произведения, песни, игры, загадки, шарady, сказки для детей. Читатели журнала побывали в гостях у Михаила Шолохова, узнали о начале творческого пути Сергея Михалкова, познакомились со стихотворениями Сергея Есенина, совершили путешествие по городам России. «Путешественникам», посетившим Москву, Ленинград, Суздаль, Норильск, Вологду, Новосибирск и другие города, была предложена фотовикторина «По городам России».

Многие ответы читателей поражают глубиной знаний, трогают добротой отношения к нашей стране. Вот, например, отрывок из письма Теуво Хуотари, кандидата исто-

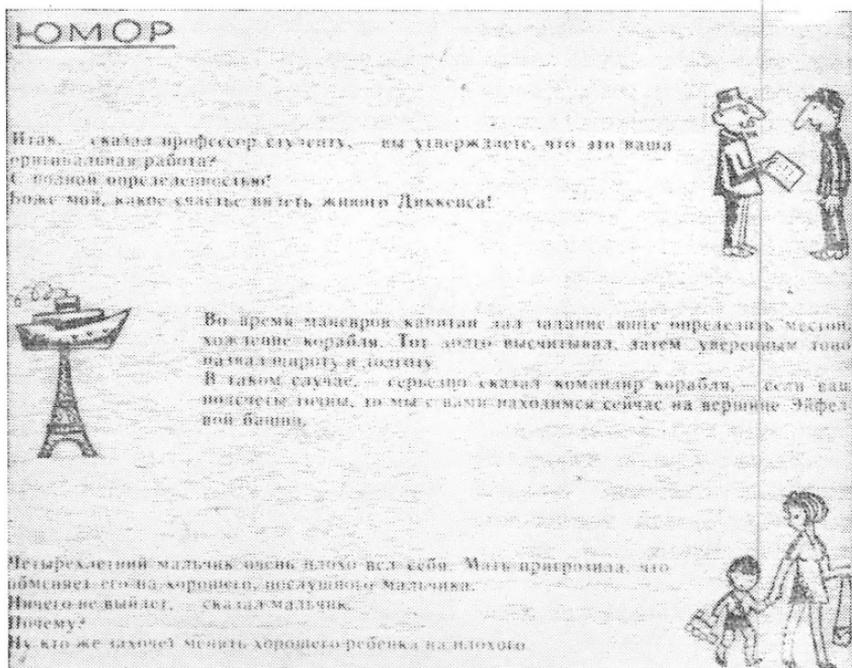

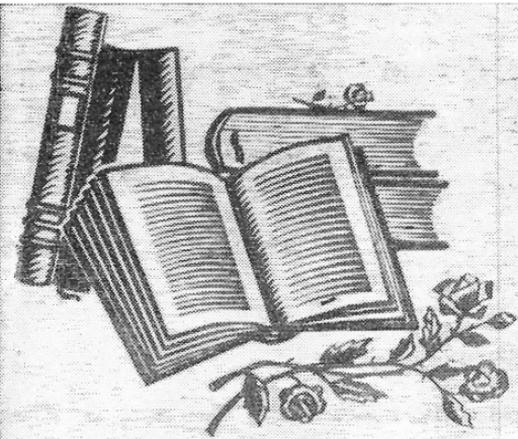

рических наук из Финляндии: «Подвиг советских людей в исторической битве на Волге явился величайшим образцом мужества. Все люди мира знают этот город, построенный еще в середине XVIII века. Волжский город-герой все время растет и хорошеет. Посетивший Волгоград унесёт с собою что-то хорошее, солнечное, что заставит верить в человеке».

В этом году журнал приглашает читателей посетить 15 союзных республик: в связи с 50-летием образования СССР открыта новая рубрика — «Путешествие по СССР».

За 5 лет существования «Русский язык за рубежом» приобрел много друзей. Они пишут о своих трудностях и успехах в изучении и преподавании русского языка, просят помещать публика-

**ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ
РУССКУЮ
КЛАССИЧЕСКУЮ
ЛИТЕРАТУРУ?**

Литературная викторина

Дорогие читатели!

Вы изучаете русский язык — один из богатейших языков в мире. Знание русского языка даёт возможность познакомиться с произведениями выдающихся писателей, ставшими достоянием мировой литературы. Предлагаем вашему вниманию отрывки из произведений русских классиков и просим определить:

- 1) название произведения;
- 2) персонаж, к которому относится портретная характеристика;
- 3) автора.

Какие ещё произведения этих авторов вам известны?

ции по интересующим их темам, высказывают мнение о русском языке и журнале, способствующем его распространению в мире.

Выдержкой из письма профессора Р. Фаданелли из Миланского университета мы и закончим нашу краткую информацию: «И. С. Тургенев назвал русский язык „великим, могучим, правдивым и свободным“. „Нельзя не верить, — писал он, — чтобы такой язык не был дан великому народу“. Я как старый преподаватель русского языка горячо приветствую Ваш исключительно полезный журнал и желаю ему дальнейшего развития и процветания. Содействуя изучению русского языка за рубежом, журнал помогает читателям больше узнать о жизни вашего народа, ибо хорошо владеть иностранным языком — значит расширить свои знания и в области истории, литературы и культуры всех стран света, сблизить народы и укрепить контакты между ними».

М. Ф. ВАВЖОНЕК,
ответственный секретарь журнала
«Русский язык за рубежом»

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● ВЫ СЧАСТЛИВАЯ, ВЫ СЧАСТЛИВЫ

Читатели Г. В. Вагина и И. В. Летка из Сыктывкара Коми АССР спрашивают: «Какая форма прилагательного — краткая или полная и в каком числе употребляется при вежливом обращении на „вы“ к одному лицу, например: Вы, Зинаида Михайловна, счастливая или счастливые, счастлива или счастливы?».

Качественные имена прилагательные имеют две формы — полную и краткую. Между этими формами существует грамматическое (синтаксическое) и стилистическое различие. Краткую — характеризует категоричность, полную — оттенок смягченного выражения. Например: он добр — он добрый; она умна — она умная; он счастлив — он счастливый и т. д.

При вежливом обращении к одному лицу на «вы» употребляются обе формы — краткая и полная. При этом краткая форма ставится во множественном числе: Вы добры, умны, счастливы. Например:

Пред ней задумчиво стою;
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!

П у ш к и н. Ты и вы

«...Прянишников понял, что капитан, очевидно, контужен, ему трудно говорить...— Вы контужены? — спросил Прянишников» (Симонов. Третье лето).

Полная форма прилагательного при вежливом обращении на «вы» к одному лицу согласуется в роде с реальным полом лица, к которому обращена речь, и употребляется в единственном числе: Вы счастливая, добрая, умная; Вы счастливый, добрый, умный. «В доме Вашей тетушки так тесно, так холодно, так мрачно... и Вы, бедная, век с ними...» (И. С. Тургенев. Письмо Т. А. Бакуниной. 20 марта 1842); «— Почему вы такой молчаливый?» (Симонов.

Солдатами не рождаются); «Но я не думаю, что вы *недобрый*» (Федин. Первые радости).

Полная форма качественного прилагательного во множественном числе при обращении к одному лицу в современном русском языке — «Вы счастливые, Вы добрые» — чаще всего употребляется в просторечии.

Ю. Ф. Хаустова

ЩЕДРИН И ЩЕДРИНА

(К вопросу о происхождении псевдонима М. Е. Салтыкова)

В настоящее время существуют три версии о происхождении псевдонима «Н. Щедрин». Первая содержится в книге К. М. Салтыкова «Интимный Щедрин» (М.-Пг., 1923). По словам К. М. Салтыкова, его отец взял себе псевдоним по совету жены, рекомендовавшей исходить из его «щедрости на сарказмы». Другую версию выдвинул несколько позднее Р. В. Иванов-Разумник, предполагавший, что Салтыков при выборе псевдонима вспомнил о казанском старообрядце, купце Т. Т. Щедрине (М. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. Ч. I. 1826—1868. М., 1930). Наконец, третья версия, выдвинутая в 1946 году А. В. Пряжковым, предполагает, что автор «Губернских очерков» в качестве псевдонима использовал распространенную в Заозерье фамилию, среди носителей которой были и крепостные семьи Салтыковых.

Все эти версии основываются на случайных совпадениях. Более принципиальный характер, как мне кажется, носит совсем иное сходство. Во второй части «Губернских очерков», с появлением которых, собственно, и родился «Н. Щедрин», в главе «Приятное семейство» происходит диалог на балу, в котором участвуют автор, надворный советник Николай Иванович Щедрин, и его знакомый, князь Чебылкин.

«— Мы здесь рассуждаем о том, — говорит он мне, — какое нынче направление странное принимает литература — все какие-то нарывы описывают! и так, знаете, все это подробно... Знакомят с какими-то лакеями, мужиками, солдатами... Слова нет, что они есть в природе, эти мужики, да от них ведь пахнет, ну, и опрыскай его автор чем-нибудь, чтобы, знаете, в гостиную его ввести можно...».

Итак, преклонный князь против «обличительной литературы», против изображения «нарывов». Характерно, что в этом разговоре автор участия не принимает, он только слушатель. Но слушатель не пассивный, как это может показаться из текста.

Говоря об «обличительной литературе», к которой, кстати, примыкали и «Губернские очерки», князь Чебылкин употребил слово

нарывы. Не злодейства, не аномалии, а именно нарывы. Теперь обратимся к Далю. Слову *щедрый* в «Толковом словаре» предшествует забытое ныне *щедрина*, *щедра*, что означает 'оспинка, рябинка, знак, рубчик, луночка от оспы, нарывчика или подобной причины'.

Было ли это слово известно Салтыкову? Думается, что да. Во-первых, по словам того же В. И. Даля, у раскольников была поговорка: «На том свете каждая щедринка обратится в жемчужину». Во-вторых, это слово указано в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года, который не мог не быть известен М. Е. Салтыкову.

Таким образом, не исключено, что фамилия самого героя, Николая Ивановича Щедрина, записавшего все увиденное в Крутогорске, содержала прямой протест против точки зрения князя на зарождение «обличительной литературы», а для автора, М. Е. Салтыкова, была, по-видимому, знаменем, под которым он начинал свой путь в сатире.

М. Эльзон
Ленинград

● О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

Читательница А. Д. Сдобнова из Москвы спрашивает: «Почему в произведении А. Блока „Стихи о Прекрасной Даме“ слова „Прекрасная Дамы“ пишутся с прописных букв? Встречается ли этот образ у других поэтов?».

Первая книга лирики Блока вышла в конце 1904 года под названием «Стихи о Прекрасной Даме». Откуда эти слова? Может показаться невероятным, но словосочетание *Прекрасная Дамы*, при всей обычности его составных частей, не встречается в русской литературе до Блока (данные Картотеки академического Словаря русского литературного языка в Ленинграде), и в последующее время оно понималось как бесспорная «поэтическая собственность» Блока, что своеобразно засвидетельствовал Маяковский:

Прекрасной
Дамы
 тень сквозная
мелькнет
 в бутылочной длине,—
а пьяный
 Блок
 бубнит:
 «Я знаю,
я знаю — истина в вине»,

Прописные буквы придают выражению *Прекрасная Дама* характер символа, этот признак материализуется при специфически византийском иконном освещении:

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В языке классической страны рыцарства — средневековой Франции выражение, соответствующее русскому *Прекрасная Дама*, «la belle dame» встречается с XII века, но самый известный пример — поэма Алана Шартье «Прекрасная Дама без милости» (1424): о гордой красавице с сердцем «более жестким, чем черный мрамор, в которое не может войти чувство милости». Издание поэмы вышло в Париже в 1901 году. Одновременно ведущий филологический журнал «Romania» начал публикацию серии статей об этом памятнике и подражаниях ему в средневековой литературе.

Поэма Алана, по-видимому, и всплыла в языковой памяти Блока, начитанного студента-филолога, когда потребовалось найти первое словесное выражение для неземного символа.

М. Ф. Мурьянов

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

(Ответы. См. стр. 54)

I

1. Герой этой повести — мелкий чиновник, который служил в департаменте.
2. Отец Василия Стрешнева жил в небольшом поселке под Софрином.
3. Плохо подобранная спортивная обувь затрудняет свободу движений и вызывает быстрое утомление.
4. Мой брат, Евгений, страстный поклонник рыболовного спорта.

II

едва — лишь, только, едва лишь, едва только, лишь только, как только, чуть только, чуть (все эти слова употребляются для связи частей сложноподчиненного предложения и подчеркивают, что действие главной части происходит сразу же вслед за тем или почти одновременно с тем, о чем говорится в придаточном);

как — будто, как будто, словно, точно, чисто (просторечное), ровно (просторечнее), что (просторечное), подобно (тому) как (употребляются эти слова как для присоединения сравнительных оборотов, именной части составного сказуемого, так и для присоединения придаточных сравнительных).

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА» ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ
КНИГИ:

Вопросы языка современной
русской литературы. 1971.
416 стр. 1 р. 76 к.

Грамотки XVII — начала
XVIII в. 1969. 415 стр. 2 р. 32 к.
Изучение русского языка и
источниковедение. 1969. 259
стр. 88 к.

Расторгуев П. А. Говоры
на территории Смоленщины.
1960. 207 стр. 1 р. 20 к.

Словарь современного русско-
го народного говора (д. Деу-
лино Рязанского района Ря-
занской области). 1969. 612 стр.
3 р. 72 к.

Феоктистов А. П. Русско-
мордовский словарь. Из исто-
рии отечественной лексико-
графии. 1971. 371 стр. 1 р. 50 к.
Фрумкина Р. М. Вероят-
ность элементов текста и рече-
вое поведение. 1971. 168 стр.
51 к.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:
Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга-почтой»
Центральной конторы «Академкнига»;

Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга-почтой»
Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магази-
ны «Академкнига».

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ФОНЕТИКА

(Ответы. См. стр. 108)

1. Нет: согласный *ш* в русском языке твердый.
2. Есть: считается литературным произношением долгого мягкого *ж* в словах *вожжи*, *дрожжи*, *позже*, *жужать*, *дребезжать* и др.
3. В сложносокращенных словах *партячейка*, *культячейка*, *комячейка* и т. д. согласные *т*, *м* произносятся твердо и отдельно от *я*.
4. Только одним звуком, так как звонкие согласные в конце слов и перед глухими произносятся как парные глухие.
5. Слово *жени́тба* подчинилось морфологическому принципу правописания (от глагола *жени́ть*), а слово *свадьба* (от *свага́ть*) — фонетическому.
6. Молод — молот.

**ТЕМАТИЧЕСКИЙ
УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ
В ЖУРНАЛЕ ЗА 1972 ГОД**

Борковский В. И. Слависты — лауреаты 1971 года — 2. **Вомперский В. П.** В. И. Ленин читает Словарь Даля — 2. **Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф.** Союз равноправных народов и русский язык — 5. Язык межнационального общения народов СССР — 6.

**ЯЗЫК
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Авилова Н. С. Полуночная зарница — 1. **Бадаева Н. П.** Разговорная речь в произведениях А. П. Чехова — 4. **Битюгова И. А.** Об одном стихотворении Н. А. Некрасова — 3. **Бландова Н. Г.** Черта между строк — 1. **Васева-Кадынкова И.** Диалог без авторского текста — 5. **Вахрушев В. С.** «Левша» в английском платье — 5. **Гальченко И. Е.** «Русский язык... перемимичный и общежительный» — 6. **Гибет Е.** Гимн красоте — 3. **Державина О. А.** Язык школьной драмы Петровского времени — 2. **Дмитриев Валентин.** «Числом поболее — ценою подешевле...» — 3. **Егоренкова Г. И.** Речь героев и слово автора — 4. **Еремин В. А.** «В настоящее время, когда...» — 1. **Еремина Л. И.** Языковая маска и лицо — 3. **Жижина А. Д.** Гордая вражда — 2. **Карская Т. С.** Удержат строй народной речи — 5. **Касаркин В. В.** Сказочник Казак Луганский — 2. **Ковалев В. П.** Бунинские «рисунки пером» — 3. **Кожин А. Н.** Военные термины в художественной речи — 1. **Кузнецова И. Ф.** «Немного, но многое» — 3. **Люкшин Ю. В.** «Рождество голубого ручья...» — 5.

Милых М. К. Чеховские ремарки — 4. **Н. Г.** Несообразности в фантастике — 6. **Николаева В. В.** «Коняга» Салтыкова-Щедрина — 5. **Паникаровская Т. Г.** «Так тосковали руки...» — 6. **Подгаецкая И. М.** Символика в поэзии В. Маяковского — 2. **Пятницкий В. Д.** Грибная охота — 4. **Стефанович В. Н.** «Достойным похвала — ничтожеству обида» — 6. **Сукнасова И. М.** Афоризмы в публицистике Н. А. Добролюбова — 1. **Троицкий В. Ю.** Волшебник слова — 5. **Хоменко Н. В.** Роль и характер — 5. **Хроленко А. Т.** Сеялки-веялки — 4. **Этерлей Е. Н.** И пахнут свежие сирени... — 4. **Юрчук Т. Г.** Сознательные неправомерности — 4.

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

Абрамов Федор. Такой словарь нужен — 5. **Коваленков Александр.** Солнце движет и пером поэта — 1. **Нагибин Юрий.** Коль слово найдено — 4. **Очеретин В.** Не мода, а дело жизни — 3. Ответы на анкету «Русской речи» (Расул Рза, Геворг Эмин, Хамид Гулям, Кубанычбек Маликов, Миршаркар, Миклай Казаков, Геннадий Юшков, Адам Шогенцук) — 6. **Скуратов Михаил.** Народ — языктворец — 1. **Успенский Лев.** Участие писателей необходимо — 5. **Шкерин Михаил.** Живопись словом — 2.

**ПУБЛИКАЦИИ
«РУССКОЙ РЕЧИ»**

Брюсов Валерий. О поэтическом языке — 4. **Соболевский А. И.** Груша и Дуня — 4. **Ушаков Д. Н.** Орфоэпия — 4.

**КУЛЬТУРА РЕЧИ,
ЯЗЫК ГАЗЕТЫ**

Бельчиков Ю. А. Первый словарь новых слов — 2. **Брусен-**

ская Н. А. «А народ-то над ним насмеялся...» — 6. Васильева И. Г. О речи и тексте — 3. Гимпелевич В. С. О роде слова *кофе* — 2. Горбачевич К. С. Нормы ударения и современная поэзия — 3. Горбачевич К. С. Экспрессивное согласование — 6. Громыко В. С. Завешенный и завешанный — 4. Карпенко Ю. А. Планета Плутон — 1. Коготкова Т. С. «Ребята!» — 5. Кондрашов Н. А. Культура речи в Польше — 5. Кондрашов Н. А. «Культура слова» — 6. Крылова О. А. «Единственно возможный...» — 4. Лебедева Н. В. Формы и стили речи — 5. Лопатин В. В. «Маяковская сатира» и «достоевский репертуар» — 4. Маргарян Б. А. История слова *кофе* — 2. Михайловская Н. Г. Устаревшие слова — 6. Михайловская Н. Г. Об ораторской речи — 4. Огольцев В. М. Знак ударения — 2. Орлов Л. М. Диалектизмы и литературный язык — 2. Промптова И. Ю. Первое условие художественности... — 3. Скворцов Л. И. Профессиональные языки, жаргоны и культура речи — 1. Стехин Ю. К. За парту и на парту — 2. Судаков Г. В. На Москве — в Москве — 5. Тихонов А. Н. Гераневый или гераниевый — 3. Филиппов В. С. «Где-то, в районе...» — 6. Шитов В. А. Необходимые «нарушения» нормы — 4.

ГРАММАТИКА, ОРФОГРАФИЯ, ТЕРМИНОЛОГИЯ

Аникин А. И. Вставные единицы речи — 1. Арбатский Д. И. Единственное — множественное, мозг — мозги — 2. Даниленко В. П. О кратком варианте термина — 5. Добродомов И. Г. Новая одежда старых слов — 2. Иорданский А. М. Наш с тобой — 2. Иорданский А. М. Ты да я, да мы с тобой —

1. Климкова Л. А. «А ткачиха с поварихой» — 2. Макеев Л. Н. Читая былины — 3. Мартонова Марта. «Составной термин» — 6. Формановская Н. И. Полу-прямая речь — 5. Шустов А. Н. На чем мы возим грузы? — 4.

ШКОЛА

Бадаева Н. П. Из песни слова не выкинешь — 1. Булохов В. Я. О составлении предложений по теме высказывания — 2. Гетманский М. И. К сокровищам родного языка — 3. Гетманский М. И. Н. К. Крупская о преподавании русского языка — 5. Дерягин В. Я. «Если *-надцать* суффикс» — 5. Иванникова Е. А. «Рассказы о синонимах» — 6. Кондрашенкова А. И. Переносные значения слов — 5. Короткова Э. П. Из дневника педагога — 4. Панькин В. М. Макаренко о педагогике слова — 2. Панькин В. М. Кто же взял фальшивую ноту? — 5. Проценко Д. Д. Школьнику о фразеологизмах — 6. Тамбовкина Т. И. Учебник родного языка. Новый учебник и дифференцированное обучение — 2. Текучев А. В. Все ли проблемы разрешены? — 6. Учебник родного языка. Письма из институтов и школ — 1, 3, 4, 5. Федоренко Л. П. От содержания к форме — 3.

ВЫДАЮЩИЕСЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Смирнов С. В. Александр Христофорович Востоков — 1. Смирнов С. В. Измаил Иванович Срезневский — 6. Стеценко А. Н. Филипп Федорович Фортунатов — 4.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Баранкова Г. С. «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского —

5. В. Б. Опыт народный, мудрость народная — 1. Горшков А. И. О преобразителях русского языка — 1. Жуковская Л. П. Новая книга о походе Игоря — 4. Садыхлы Н. Е. «Бьет челом холоп твой...» — 4. Сумкина А. И. Рукописный отдел Института русского языка АН СССР — 2. Тарабасова Н. И. К истории курантов — 2. Улуханов И. С. Устная речь Древней Руси — 5.

ОБЛАСТНЫЕ ГОВОРЫ

Судаков Г. В. Двойные предлоги — 2.

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Авилова Н. С. Как наши предки ездили по Москве. — 5. Алексеев А. А. Промышленность — 4. Алексеев А. А. Судья, чиновник — 1. Бажина И. Н. О взаимовлиянии языков — 6. Вялкина Л. В. Русские названия недели и ее дней — 1. Добродомов И. Г. Атаман и гетман — 5. Коткова Н. С. От печеного к зерновому — 4. Максимов В. И. Год, година, время — 2. Петрова З. М. Ведом? Ведомо? — 5. Петрова З. М. Опальный домик — 6. Попов А. И. Славяне, Русь, Россия — 2. Смолина К. П. С лихвой — 3. Филиппов В. С. Музыкальные инструменты — 5. Фоменко Т. А. Лихорадка, горячка — 1. Чайкина Ю. И. Мера — 2. Чурмаева Н. В. Всегда ли наказание было «наказанием»? — 3.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ СССР

Галкин И. С. Финно-угорские языки — 3. Журавлев В. К. Влияние было взаимным — 3. Лыткин В. И. Финно-угорские заимствования в русском языке

ке — 3. Матвеев А. К. Чудское наследие — 3.

ЗА РУБЕЖОМ

Хруслов Г. В., Хруслова В. В. Русский язык в Японии — 2.

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Будагов Р. А. Закон многозначности слова — 3. Ветвицкий В. Г. Если вас назвали зубром — 1. Корнилаева А. М. Словарные заимствования как источник изучения истории языка — 2.

КОНСУЛЬТАЦИИ, ХРОНИКА

Пустовалов П. С. К экзамену по русскому языку. Поступающему в вуз — 1 — 3. Романова Г. В. Старинные меры длины — 3 — 6. Семенова Н. А. Абитуриент пишет сочинение. Поступающему в вуз — 4. Темы сочинений на вступительных экзаменах по русскому языку и литературе — 1 — 4. Самсонов В. Г. — О совещании в Институте русского языка АН СССР — 4. Словарь происхождения и ударения — 1 — 6.

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Арсирий А. Т. Звуки и буквы — 5. Арсирий А. Т. Многозначность слова — 2. Арсирий А. Т. Омонимы — 3. Арсирий А. Т. Синонимы и антонимы — 4. Арсирий А. Т. Фонетика — 6. Практикум по стилистике — 1 — 6. Кроссворд «Синонимы» — 1. Кроссворд «Лингвистические термины» — 4. Чайнворд «Новые слова и значения» — 2.

ПРОЧИТАЙТЕ ДЕТЯМ

В. Б. Наташин подарок. Котят. Лосенок. Сорока. Мой гость — 3. Винокуров Ив. Сти-

хи — 4. Костарев Н. Страна
Буквария — 1—2. Костылев В.
Рассказы — 5.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

А. Х. Востоков — стиховед — 4.
Аргамак — 2. Бессмысленное
чирикае — 1. Богатырь двенадцати
вершков — 4. Бродит
летом... по заснеженным пар-
кам — 1. В розовом свете (цвете)
— 3. Вы счастливая, Вы
счастливы — 6. Гастроном в
гастрономе — 5. Гриб и пуго-
вица — 3. Грозный суд — 5. Де-
лать уроки — 4. Донки, дочни-
ки и удильщики — 1. Ду-
ниада не одинока — 2. Едим...
и скорбим — 1. За чистоту
русского языка — 1. Загвозд-
ка — 4. Зеница — око — 4. «Зи-
могор» — 1. «Золотей твоих
кос...» — 2. Игра не стоит
свеч — 4. Иногда так говорят и
пишут... — 1. Калякать — 4.
Канцелярист — 1. Конфекци-
он — 6. Крокодиловы слезы —
5. Крымов, да не тот — 1. Ли-
тератор — учитель литерату-

ры — 4. Мавзолей, музей, ма-
зар — 2. «Мой первый друг,
мой друг бесценный!» — 5. На
чем присутствовал прези-
дент... — 1. Накануне и в ка-
наун — 1. Не лыком шит — 6.
Не тянет меня... — 1. Новое
и старое в произноше-
нии — 1. О Прекрасной Даме —
6. О приложениях с союзом
как — 5. О снобах и снобия-
ме — 3. Около и возле — 2.
«От чайки до шайки» — 2.
Письма читателей о русском
языке — 1. Плесы — 1. Погод-
ки и одногодки — 1. Предъ-
явить (к) кому? — 2. «Про га-
зетный стиль» — 1. Симпатич-
ный ситчик — 4. Скифы, сире-
ны и русский язык — 1. Смесь
английского... с оренбург-
ским — 1. Страда — 1. Торго-
вое словотворчество — 1. Тьма
кромешная — 5. Урок поэтам —
2. Чалдон, чалдонка, чалдо-
нить — 1. Читая письма Чехо-
ва... — 4. Шапито — 6. Щед-
рин и щедрина — 6. Юбилей-
ная школа? — 1. Я живу на
улице... — 1. Язычник — 3.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, К. В. ГОРШКОВА,
В. П. ДАНИЛЕНКО, В. Я. ДЕРЯГИН, И. Г. ДОБРОВОДОВ,
В. А. ЕРЕМИН (ответственный секретарь), Л. П. ЖУКОВСКАЯ,
Л. М. ЛЕОНОВ, А. И. ОВЧАРЕНКО, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного
редактора), Л. И. СКВОРЦОВ, Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ,
Ф. П. ФИЛИН

Адрес редакции: Москва Г-19, Волхонка, 18/2,

Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *И. М. Беспалова*
Рисунки *Ю. И. Космынина, В. В. Толстоногова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректор *Н. М. Кузьмина*

Сдано в набор 12/VIII 1972 г. Подп. к печ. 18/X 1972 г. Т-16927 Тираж 70 000
Формат бумаги 84×108^{1/2}. Усл. печ. л. 6,72. Бум. л. 2. Уч.-изд. л. 7,7. Зак. 1022

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10

РУКОПИСНЫЙ ОРНАМЕНТ

К 1500 году в мире уже было издано около 5 тысяч названий книг. В большинстве своем эти книги украшались гравюрами, где белый на черном фоне острый растительный орнамент был очень выразителен и красив.

Особой популярностью у западноевропейских книгоиздателей и печатников пользовались гравюры «Большого прописного алфавита» Израеля ван Микенема, золотых дел мастера из вестфальского городка Бохолт. Не остались равнодушны к красоте его гравюр и русские книгописные мастера. Но использовали они этот алфавит не как буквы, а как орнаментальные украшения: клали их на бок, рисовали в зеркальном изображении, соединяли отдельные детали в единую композицию. Демонстрировали не слепое копирование, а истинное творчество.

В рукописных орнаментах XVI века русских книгописных масте-

ров снова обнаруживается и общечеловеческая связь культур и неповторимый русский характер. В рукописях, происходящих из книгописных мастерских Москвы и Троице-Сергиева монастыря, встречаются новые орнаментальные украшения. Это необыкновенно красивое сочетание изящных форм многоцветного русского «неовизантийского» орнамента со включенным в него небольшим, резко очерченным полем — «клеймом», заполненным остро-контрастным орнаментом имитирующим чернофонную гравюру. Орнамент этих «клеим» напоминает черневую работу по металлу, а сеть золотых линий, изогда дополняющая его, лишь усиливает подобное сходство.

Так начал свою «рукописную» жизнь орнамент, почти через столетия, с появлением в Москве первых типографий, получивший имя «старопечатного».

(Продолжение следует)

В номере
СЛОВАРЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ
И УДАРЕНИЯ

Табель — яшма

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

Handwritten signature or mark.